

А. А. Борисовъ.

У самоѣдовъ

отъ пине
ги до кар
скаго мо
ря.

путевые очер
ки художни-
ка со снимка
ми съ его
картинъ.

с.-п.-б.
изд. А. Ф. Девріена

У Самоѣдовъ.

А. Борисовъ

У САМОѢДОВЪ.

ОТЪ ПИНЕГИ ДО КАРСКАГО МОРЯ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

художника

Александра Алексѣевича Борисова.

Съ автобіографической замѣткой

и съ 36 снимками

съ картинъ автора, изъ коихъ 15 въ краскахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. ДЕВРІЕНА.

Типографія А. Бенке, Новый переулокъ № 2.

Оглавленіе.

Вступленіе.

Мое дѣтство.—Поѣздка въ Соловки.—Юношескіе годы.—Бѣгство изъ дому.—Въ Петербургѣ.—Академія Художествъ.—Полярныя путешествія.—Мечты о полярной художественной экспедиціи.

Крайній сѣверъ, съ его мрачной, но мощной и таинственной природой, съ его вѣчными льдами и долгой полярной ночью, всегда привлекалъ меня къ себѣ. Сѣверянинъ по душѣ и по рожденію, я всю жизнь съ ранней юности только и мечталъ о томъ, чтобы отправиться туда, вверхъ, за предѣлы Архангельской губерніи.

Родился я въ 1868 году въ деревнѣ Глубокій Ручей Вологодской губерніи, Сольвычегодскаго уѣзда, на берегу Сѣверной Двины. Дѣтство провелъ среди крестьянской обстановки, но душа моя была далеко не покойна. Мысли мои неслись куда-то далеко, въ невѣдомыя страны на сѣверъ; я думалъ: «вотъ гдѣ просторъ и раздолье, вотъ гдѣ можно пожить!» Грамотѣ началъ я учиться по псалтири у крестьянина-сосѣда, такъ какъ школъ въ то время у насъ не было, да и грамотныхъ людей вообще было очень мало.

Лѣтъ десяти я былъ страшно боленъ, на выздоровленіе не было никакой надежды, и мои родители дали обѣщаніе, если я поправлюсь, послать меня въ Соловецкій монастырь работать безплатно на цѣлый годъ. Я выздоровѣлъ и 15-ти лѣтъ былъ отправленъ въ Соловки. Тамъ меня опредѣлили на

рыболовную тоню. Это занятіе мнѣ было какъ нельзя болѣе по душѣ, и я съ величайшимъ удовольствіемъ, не замѣчая, какъ быстро летѣли дни, скитался по неизвѣданнымъ лѣснымъ озерамъ, ставилъ сѣти и ловилъ рыбу, или еще съ большимъ рвеніемъ пускался въ море, въ лабиринтъ сосновскихъ островов, и подолгу разъѣзжалъ тамъ, слушая пѣніе лѣтнихъ пернатыхъ гостей. Въ юной моей головѣ роились тысячи прекрасныхъ картинъ, дивныхъ мечтаній.

Черезъ годъ я вернулся домой, но душа моя еще больше куда-то неудержимо рвалась. Не интересовали меня игры и развлеченія моихъ юныхъ сверстниковъ. Они, бывало, идутъ по праздникамъ въ свободное время на гулянья, въ хороводы, а я запираю ручей, устраиваю прудъ, ставлю туда только-что сдѣланную модель лѣсопильнаго завода, видѣннаго мною въ Соловкахъ, и пускаю воду. Вода вертитъ водяныя колеса, и весь заводъ приходитъ въ движеніе. Отъ восторга прыгаю по зеленой травѣ—вотъ мое развлеченіе! Я и раньше очень любилъ машины (мельницы, пароходы), а теперь, послѣ Соловокъ, полюбилъ еще больше. Сижу, бывало, стругаю что-нибудь, задумаюсь и забуду свои крестьянскія работы. Придетъ отецъ, все переломаетъ, чтобы положить этому конецъ. Я долго-долго плачу, соберу остатки своихъ построекъ и снова, тайкомъ отъ отца, гдѣ-нибудь въ пустой избѣ начинаю мастерить свою затѣю. Картинъ и рисунковъ я не видалъ никакихъ, кромѣ иконъ. Случилось, пріѣхали живописцы расписывать Красноборскую церковь. Я пошелъ къ обѣднѣ и впервые увидѣлъ изображеніе масляными красками на стѣнѣ. Это меня страшно поразило; въ особенности меня удивило то, что на плоскости можно добиться такого рельефа. Досталъ я себѣ книжку «Родное слово» и со всею страстью юнаго сердца сталъ рисовать. Рисовалъ по

ночамъ при дымной лампѣ, такъ какъ днемъ надо было работать, помогать отцу. Да и ночью рисовать рѣдко позволяли: попусту-молъ жгу керосинъ, да и спать не даю.

Долго боролся я съ неотступной мыслью оставить родительскій домъ. Наконецъ, 18-ти лѣтъ снова рѣшилъ попасть въ Соловки, чтобы тамъ поступить въ иконописную или механическую мастерскую. Иного выхода не было, такъ какъ для всякаго другого ученія нужны были деньги. Съ этой цѣлью я досталъ себѣ тихонько отъ отца годовой паспортъ, благодаря тому, что старшиной въ волостномъ правленіи служилъ мой дядя, и уговорилъ мать весной пойти въ Соловки на недѣльку—поклониться святынѣ. Мать, не подозрѣвая того, что у меня есть годовой паспортъ, согласилась на мои просьбы. Когда же мы попали въ Соловки, я сказалъ ей, что назадъ я съ ней не пойду, что у меня есть уже и паспортъ. Она сначала этому сопротивлялась, но за меня вступился строитель Савватіевскаго скита о. Іонафанъ (нынѣ архимандритъ Іонафанъ, настоятель Печенѣгскаго монастыря) и убѣдилъ мать не противиться моему сильному стремленію. Сталъ я опять рыбакомъ въ Савватіевской пустынѣ, а потомъ былъ взятъ въ иконописную мастерскую, гдѣ и работалъ дни и ночи.

Въ 1885 году Соловецкій монастырь посѣтилъ Е. И. В. Великій князь Владиміръ Александровичъ и обратилъ вниманіе на мои шестимѣсячные успѣхи. Это дало мнѣ сильный толчекъ и сыграло въ жизни моей огромное значеніе. Въ 1886 году пріѣзжалъ въ Соловки добрѣйшій А. А. Боголюбовъ, который и и вывезъ меня впослѣдствіи въ Петербургъ. Въ Петербургѣ я сначала поступилъ въ рисовальную школу Императорскаго общества поощренія художествъ, а затѣмъ вольнослушающимъ въ академію художествъ. Въ 1895 году я сдалъ экзаменъ по

научнымъ предметамъ и поступилъ въ число дѣйствительныхъ учениковъ академіи художествъ. Въ 1897 году я окончилъ академію и предпринялъ цѣлый рядъ полярныхъ путешествій съ художественными цѣлями.

Послѣ природы родныхъ лѣсовъ Вологодской губерніи, наибольшее впечатлѣніе произвели на меня льды и бѣлыя ночи Соловецкія и, можетъ быть, по этой причинѣ меня всегда тянуло на сѣверъ, хотя и до того разсказы и описанія полярныхъ путешествій не давали душѣ моей покоя.

Прошли годы ученья, въ теченіе которыхъ мнѣ удавалось урывками побывать и на родномъ Соловецкомъ, и въ Печеньгѣ, у высокочтимаго игумена Іонаѳана, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Мурманскаго побережья. Всюду со мною были краски и палитра, но этого оружія оказывалось недостаточно, чтобы даже приблизительно передать окружавшія меня картины полярной природы. Много меня ободрилъ дорогой Илья Ефимовичъ Рѣпинъ, который написалъ восторженныя статьи въ печати о моихъ картинахъ и мой незабвенный учитель И. И. Шишкинъ, который и поставилъ меня на твердую дорогу, заставивъ изучать рисунокъ съ тою настойчивостью и вниманіемъ, какія характеризуютъ этого великаго мастера. Совѣты второго моего учителя, дорогого А. И. Куинджи, раскрыли предо мной новые горизонты въ смыслѣ колорита, и я еще больше потянулся къ тѣмъ необычайнымъ красотамъ, которыя только и могутъ дать лѣтнія сѣверныя ночи: то грозное, то ласкающее небо и вѣчные странники Ледовитаго океана — могучіе полярные льды.

Благодаря стеченію обстоятельствъ и поддержкѣ вѣчно мною оплакиваемаго М. И. Кази, лѣтомъ 1896 года я попалъ на Новую Землю.

А. А. Борисовъ. Промысловая лодка «ёла» на Мурманѣ.

Тѣ впечатлѣнія, которыя я переживалъ наединѣ съ нѣсколькими самоѣдами, и въ смыслѣ художественномъ, и въ смыслѣ скитальца по неизвѣданнымъ странамъ, глубоко запали мнѣ въ душу, и въ моей головѣ созрѣла мысль снова посѣтить далекій сѣверъ, но уже при такихъ условіяхъ, которыя дали бы мнѣ не только матеріалъ для этюдовъ, но и позволили произвести нѣкоторое географическое изслѣдованіе восточнаго побережья Новой Земли и обогнуть, если представится возможность, самую сѣверную оконечность острова — «Мысъ Желанія». Въ головѣ роились мысли о мѣстахъ, гдѣ когда-то бывали малоизвѣстные подвижники русскаго дѣла: Савва Ложкинъ, штурманъ Розмысловъ, Чиракинъ, Пахтусовъ, Циволька и проч., и проч., и брала досада, что рядомъ съ этими священными для всякаго русскаго именами приходится встрѣчаться на искони русскомъ побережьи съ именами разныхъ иноземныхъ путешественниковъ, по большей части лишь одушевленныхъ корыстными чувствами. Хотѣлось дополнить хотя бы въ слабой степени географическія свѣдѣнія о наиболѣе для насъ интересныхъ мѣстахъ Новой Земли и привлечь къ ней вниманіе общества.

Но главная задача моя была художественная: мнѣ хотѣлось написать цѣлую серію картинъ и показать всему свѣту тѣ необычайныя красоты загадочнаго полярнаго міра. Мнѣ хотѣлось похитить его молчаливую тайну и подѣлиться ею съ другими широкими кругами. До сихъ поръ созерцали этотъ таинственный волшебный міръ только одни путешественники, которые нерѣдко платили за это жизнью. Они описывали его восторженными словами иногда красиво, иногда увлекательно!.. Но развѣ можно передать перомъ эту дивную сказку заснувшей, или быть можетъ, навѣки умершей природы. Можно плакать,

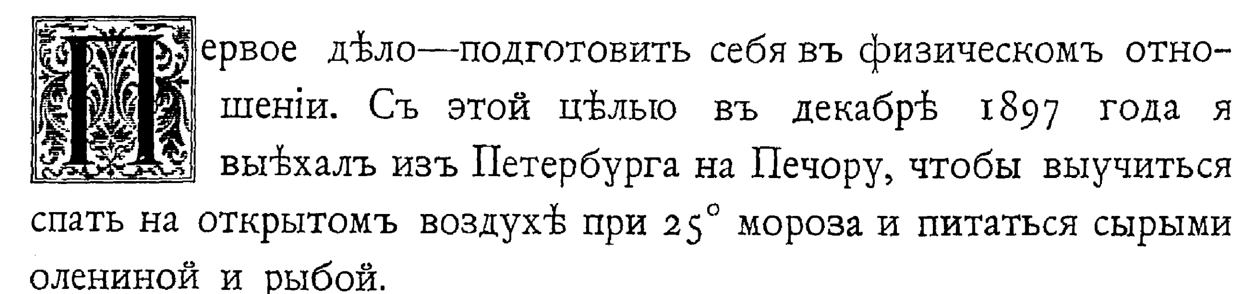
молиться, стоять на колѣняхъ передъ этимъ дивнымъ твореніемъ Бога, но написать невозможно!..

Къ счастью, мои начинанія встрѣтили могущественную поддержку въ лицѣ министра финансовъ С. Ю. Витте. Этотъ человѣкъ вѣрилъ мнѣ; онъ представилъ меня Императору... И впослѣдствіи всѣ мои силы направлены были къ тому, чтобы не было стыдно ему за меня. Это заставляло меня иногда пробиваться съ рискомъ для жизни—голодать, мерзнуть во льдахъ, но я всегда помнилъ и всегда неуклонно двигался къ цѣли. Въ тоже время на работы мои обратилъ вниманіе человѣкъ съ именемъ, извѣстнымъ всей художественной Россіи, безвременно скончавшійся П. М. Третьяковъ. Удачная продажа ему для его Московской галлереи первой серіи моихъ новоземельскихъ этюдовъ и большой картины, бывшей на конкурсной выставкѣ въ академіи художествъ 1897 года, вмѣстѣ съ щедрой субсидіей Государя Императора, позволили мнѣ приступить къ осуществленію давно лелѣяннаго плана, но тѣ-же исключительно благопріятныя условія возлагали на меня и большую отвѣтственность—хотѣлось сдѣлать все, что отъ меня ожидаютъ и что я самъ себѣ предначерталъ. Пожалуй, это не сбудется, но, по крайней мѣрѣ, совѣсть моя будетъ спокойна, что я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ и въ моемъ умѣніи.

Глава первая.

Начало путешествія.—Санный путь тайболой.—Жители рѣкъ Пинеги, Мезени, Печоры и ихъ промыслы.—Охота на оленей.—Ловля бѣлыхъ куропатокъ.—Селеніе Усть-Цильма.—Пустозерскъ.—Встрѣча съ самоѣдами и дальнѣйшій путь на оленяхъ.—Самоѣдка «Иринья».—Въ спальномъ мѣшкѣ.

Первое дѣло—подготовить себя въ физическомъ отношеніи. Съ этой цѣлью въ декабрѣ 1897 года я выѣхалъ изъ Петербурга на Печору, чтобы выучиться спать на открытомъ воздухѣ при 25° мороза и питаться сырыми олениной и рыбой.

Путь мой лежалъ до Архангельска по ж. д., дальше огромными лѣсными тайболами *) вплоть до Усть-Цильмы. Часто мнѣ приходилось вспоминать И. И. Шишкина при взглядѣ на эти вѣковыя сосны и ели. Какія чудныя фантастическія формы принимали онѣ! Здѣсь холодно страшно, и природа, чтобы пощадить, прикрыла ихъ толстымъ снѣжнымъ, причудливой формы, покровомъ. Снѣгъ на деревьяхъ настолько становится крѣпкимъ послѣ снѣжныхъ мятелей, что остается по стволу и на вѣтвяхъ до той поры, когда уже начинаетъ пригрѣвать солнышко и снова звать къ жизни этихъ заснувшихъ великановъ. Право, иногда ѣдешь лунной ночью и думаешь себѣ, что ѣдешь не тайболой, а среди какого-то гигантскаго античнаго

*) Тайбола—то-же, что въ Сибири тайга, въ Вологодск. губ. сузёмъ.

храма, который весь заставленъ множествомъ колоссальныхъ мраморныхъ статуй. Все время я собирался написать эту картину, да такъ и не собрался, —главнымъ образомъ потому, что во время остановокъ на станціяхъ въ лѣсныхъ избушкахъ картина мельчала и не дѣлала того грандіознаго впечатлѣнія. Вдали отъ станціонныхъ домиковъ я пробовалъ писать, но тридцатипяти-градусный морозъ настолько сгущалъ краски на палитрѣ, что онѣ, какъ какое-то густое тѣсто, не брались на кисти и ни за что не хотѣли приставать къ полотну. Даже въ пузырькѣ со скипидаромъ, и то на днѣ при такомъ адскомъ морозѣ, дѣлались какіе-то бѣлые шарики, которые въ теплой комнатѣ сейчасъ же пропадали. Самая низкая температура, при которой я когда-либо писалъ, такъ это на рѣкѣ Мезени — при — 31° по Реомюру: хоть и худо, но возможно.

Путь отъ рѣки Пинеги къ рѣкѣ Мезени и въ особенности отъ Мезени до Печоры совершается очень медленно; это потому, что здѣсь среди безконечной лѣсной тайболы нѣтъ ни деревень, ни поселковъ, только стоятъ по дорогѣ верстъ 25 — 30 одинъ отъ другого убогіе станціонные домики. На каждой станціи обыкновенно три лошади для перевозки почты и разныхъ должностныхъ лицъ, или лицъ, ѣдущихъ по казенной надобности. И вотъ, бывало, пріѣдешь на станцію, а лошади только что увезли почту или арестанта, захворавшаго по дорогѣ, или еще кого нибудь и что нибудь. Нечего дѣлать, жди, когда лошади вернутся назадъ, да снова ихъ выкормятъ; это пройдетъ по меньшей мѣрѣ часовъ 9 — 10. Убійственно скучно тянутся такіе часы! Хорошо еще, если день; можно пойти побродить по лѣсу и написать что-нибудь; а если ночь, или вечеръ? Боже, что это за невыносимая пытка: комната маленькая, дымная и въ довершеніе всего еще клопы и тара-

А. А. Борисовъ.

Селеніе Усть-Цыльма.

каны. На рѣкѣ Печорѣ движеніе идетъ нѣсколько быстрѣе; тамъ уже много деревень и лошадей и ждать такъ, какъ въ тайболѣ по 10 часовъ, не приходится: если нѣтъ лошадей на станціяхъ, всегда есть вольныя. Но и здѣсь, какъ и въ тайболѣ, встрѣчаются огромные обозы съ рыбой и птицей. Иногда они бываютъ возовъ по 200—300 сразу. И хорошо, если эти возы идутъ тебѣ на встрѣчу! Ямщикъ кое-какъ загонитъ своихъ полудохлыхъ лошадей, на которыхъ ты ѣдешь, въ сторону, въ снѣгъ наравнѣ со спиной лошади, а повозку обыкновенно ямщики извоза спихнутъ въ снѣгъ. Пройдетъ обозъ, лошадей кое-какъ вытащишь изъ снѣга и ѣдешь дальше. А вотъ бѣда, если обозъ идетъ туда же, куда и ты; ну, тогда и поѣзжай сзади его шагомъ, обогнать его уже немыслимо; дорога узкая, узкая, какъ корыто, а стороной снѣгъ въ три аршина. Ну и ѣдешь до самой станціи шагомъ.

Жители береговъ Пинеги и другихъ рѣкъ этого края расположились кое-гдѣ и поселками по два, по три дома и рѣдко цѣлыми деревнями. Главный источникъ пропитанія этихъ людей—промыслы на лѣсного звѣря и птицу. Всего больше бьютъ бѣлку и рябчика, но также стрѣляютъ рысь, куницу, медвѣдя и т. п. Для этой цѣли они осенью, покончивъ съ полевыми работами, нагружаютъ небольшія лодки съѣстными припасами, домашнею утварью, берутъ свинецъ, порохъ и цѣлыми артелями по рѣкамъ отправляются на два добрыхъ мѣсяца далеко отъ поселковъ, верстъ за 200—300 и дальше въ лѣсныя курныя избушки. По прибытіи на мѣсто все выгружаютъ изъ лодокъ и на себѣ разносятъ въ тѣ избушки, которыя далеко стоятъ отъ рѣки и другъ отъ друга на 15—25 верстъ. Такимъ образомъ разнеся все по избушкамъ, промышленники и сами размѣщаются по одиночкѣ въ каждой

избѣ. Сначала онъ топитъ каменку *) и обогрѣваетъ и сушитъ избушку, затѣмъ размѣщаетъ свое добро: муку, крупу, масло, свинецъ, порохъ, и хозяйство готово.

Цѣлую недѣлю промышленникъ бродитъ около своего жилья, дѣлая круги верстъ по 10—20, стрѣляетъ, что попадетъ подъ руку, или что найдетъ его вѣрный другъ и кормилецъ — лайка. Въ воскресенье они собираются въ одну центральную избушку для того, чтобы узнать всѣ-ли живы, или не случилось-ли чего. Не захворалъ ли кто, не подстрѣлилъ ли самъ себя какъ-нибудь невзначай, или не задралъ-ли лихой медвѣдь, а главное, не угорѣлъ-ли отъ жарко натопленной каменки, — да мало-ли на свѣтѣ смертей... И если кто не явился, значитъ что-то случилось съ нимъ и идутъ провѣдать. Въ такихъ избушкахъ все-же срѣляютъ больше звѣря, такъ какъ содранную и надъ каменкой высушенную шкуру легко тащить по снѣгу на чункахъ **); другое дѣло рябчики, — ихъ много не утащишь. Промыслы продолжаются до половины ноября; послѣ этого уже наступаютъ морозы, и бѣлка залегаетъ въ такъ называемое «гайно». Гайно — это нѣчто вродѣ клубка высотою 6 вершковъ и шириною 8—10 вершковъ съ двумя отверстіями для входа и выхода; дѣлается оно изъ шласты (исландскій черный мохъ). Бѣлка въ большіе морозы, какъ говорятъ промышленники, на очень короткое время выходитъ изъ гайна, и собакѣ ее отыскать невозможно, развѣ только случайно, такъ какъ слѣдовъ на снѣгу нѣтъ, а въ морозную пору чутье собаки далеко не несетъ. Лѣнивыя

*) Это родъ очага, сдѣланнаго изъ камней безъ извести и глины.

**) Чунки—это не то лодочка, не то сани въ видѣ сигары, внутри которой кладутся промыслы. Чунки обыкновенно легко тащитъ промышленникъ, идущій на лыжахъ; они удобно шмыгаютъ между кустовъ и среди разнаго бурелома.

бѣлки часто замерзаютъ въ гайнѣ, и промышленникъ при видѣ гайна срубаетъ дерево, на которомъ оно и беретъ замерзшую бѣлку. Главный врагъ бѣлки въ это время — куница.

Своего хлѣба у здѣшнихъ жителей хватаетъ только до Рождества и потому все остальное время года они покупаютъ его. Хлѣбъ (ячмень и рожь) рѣдко дозрѣваетъ; бываютъ часто годы, когда онъ не дозрѣвши замерзаетъ, и вотъ это главная причина, заставляющая здѣшнихъ жителей больше обращать вниманіе на промыслы. На рѣкѣ Пинегѣ ловятъ также и семгу. Кромѣ того вывозятъ купеческіе лѣса, которые впослѣдствіи, распиленные въ Архангельскѣ на доски, идутъ заграницу.

Здѣсь-же процвѣтаютъ, зимой главнымъ образомъ, промыслы на дикихъ оленей; эти промыслы имѣютъ не мало оригинальнаго. Такъ, напримѣръ, для сего организуются цѣлыя артели; въ этой артели непремѣнно долженъ быть хорошій лыжебѣжецъ и стрѣлокъ, на обязанности котораго лежитъ исключительно только преслѣдовать звѣря и стрѣлять его. Запасшись всѣмъ необходимымъ, такая артель на лыжахъ отправляется въ лѣсъ и разыскиваетъ слѣды оленя. Попавъ на тропу оленей, стрѣлокъ, оставшись въ самой легкой одеждѣ, мчится на лыжахъ, что есть духу, въ ту сторону, куда скрылись олени (онъ прекрасно знаетъ по слѣду, куда направились они). Все тяжелое и необходимое для ночлега и продовольствія сзади его тащатъ люди артели. Стрѣлокъ же, мало-по-малу, съ себя сбрасываетъ все: послѣднюю куртку, шапку, рукавицы и т. д. и не смотря на морозъ часто въ 30° — 40°, ему все-же жарко; тогда онъ растегиваетъ воротъ, оставшейся на немъ послѣдней рубашки, подбѣгаетъ къ какой нибудь ели и стряхиваетъ съ вѣтвей ея снѣгъ себѣ на шею за рубашку. Такимъ образомъ освѣжаетъ себя и летитъ дальше. Если снѣгъ глубокій и твер-

дый, то онъ прямо догоняетъ бѣдное животное и бьетъ его; если же снѣгъ неглубокій и рыхлый, онъ не можетъ догнать оленя, но все-же оленю нуженъ и отдыхъ и кормъ и вотъ, когда олени останавливаются и, разгребая снѣгъ, ищутъ мохъ, онъ подкрадывается къ нимъ и бьетъ изъ винтовки. Пуля иногда пронизываетъ двухъ и убиваетъ третьяго: оставшіеся олени вскакиваютъ и въ недоумѣніи останавливаются. Въ это время охотникъ стрѣляетъ еще и еще, да къ тому же олень часто не знаетъ, откуда послѣдовалъ выстрѣлъ, и часто бѣжитъ прямо на дуло ружья, а охотникъ стрѣляетъ опять. Въ результатѣ иногда почти десятокъ убитыхъ оленей. Обезумѣвъ отъ страха, олени несутся дальше, а за ними также несется охотникъ, оставляя убитыхъ оленей тутъ же на мѣстѣ; ихъ подбираетъ уже идущая сзади артель, сдираетъ шкуры и выбрасываетъ внутренности, шкуры и мясо на чункахъ тащитъ съ собой. Она подбираетъ также и все, брошенное по лыжницѣ, этимъ лихимъ стрѣлкомъ. И только когда начинаетъ темнѣть, стрѣлокъ оставляетъ оленей, убѣжавшихъ впередъ, и идетъ обратно, на встрѣчу къ артели, а тѣ, въ свою очередь, идутъ къ нему. Встрѣтившись, они разводятъ костеръ и послѣ чая и ужина располагаются уже на ночлегъ. На другой день промышленники дѣлаютъ то же. Иногда сходятся по нѣсколько артелей Вологодской и Архангельской губерній и въ одно мѣсто сгоняютъ огромныя стада дикихъ оленей. Если промыслы очень обильны, то гдѣ-нибудь въ лѣсу устраиваютъ складъ и потомъ уже понемногу таскаютъ на лыжахъ до ближайшихъ поселковъ и оттуда уже куда нужно везутъ лошадьми.

Жители рѣки Мезени — народъ очень красивый и симпатичный — ходятъ на морскіе промыслы рыбы и звѣря на островъ Моржовецъ и Канинскій берегъ. Въ былое время они ходили и на Новую Землю и на Шпицбергенъ.

А. А. Борисовъ. Церковь въ Пустозерскѣ.

Обитатели низовьевъ Печоры хлѣба уже совершенно не сѣютъ и живутъ, главнымъ образомъ, промысломъ рыбы. Здѣсь-же ловится силками неимовѣрное множество бѣлой куропатки. Самое лучшее время ловли этой птицы — мартъ, то время, когда она собирается въ огромныя стаи для того, чтобы лететь въ Большеземельскую тундру на гнѣздовья. Такъ какъ уловленная куропатка направляется въ Петербургъ или Москву и т. д., а путь до Архангельской жел. дороги длиненъ, мѣсяцъ и больше, и поэтому она какъ разъ попала бы туда въ весеннюю теплую пору. И вотъ, чтобы этого не было дѣлаютъ такъ: куропатку, уловленную въ мартѣ, упаковываютъ въ бочки и кладутъ на ледникъ на цѣлое лѣто и только осенью съ первымъ саннымъ путемъ отправляютъ ее на желѣзную дорогу. Такимъ образомъ Москва и Петербургъ потребляютъ куропатку почти годъ пролежавшую. Тамъ на Печорѣ въ это время куропатки стоятъ по 2 $^1/_2$ коп. штука. (По этой цѣнѣ я самъ покупалъ и продаютъ ихъ хоть цѣлыми тысячами). Вотъ, если-бы какой нибудь разумный человѣкъ вздумалъ устроить въ этихъ мѣстахъ консервный заводъ, онъ былъ-бы благодѣтелемъ края и въ то-же время обогатилъ бы себя. Всевозможныя рыбы (семга, сиги, омули, пеледи, чиры и т. д. и т. д.), олени, оленьи языки, задки, оленьи телята (подобны нѣжной дичи) и безчисленное множество всевозможной птицы — и все это по баснословно дешевой цѣнѣ. Вѣдь теперь, если все это дорого у насъ, такъ это потому, что все везется безъ времени и на саняхъ. А на саняхъ провозъ невѣроятно дорогъ; такъ, напримѣръ, по моимъ свѣдѣніямъ, взятымъ на мѣстѣ, отъ станціи Палащельской до ст. Лампожни, всего 170 верстъ, берутъ 50 к. съ пуда. А отъ низовьевъ Печоры до Архангельска или ближайшей станціи жел. дор. 1000 верстъ. Другое дѣло кон-

сервы: они пошли бы въ лѣтнюю пору на пароходѣ съ Печоры въ Архангельскъ или за границу, и провозъ ихъ сравнительно стоилъ-бы грошъ.

Селеніе Усть-Цыльма, административный центръ Печорскаго уѣзда, находится на правомъ берегу рѣки Печоры, на противоположной сторонѣ устья рѣки Цыльмы. Главные обитали Устья-Цыльмы — староверы. Сѣютъ ячмень. Главный источникъ жизни — промыслы рыбы. Можетъ быть Усть-Цыльма скоро будетъ однимъ изъ оживленнѣйшихъ центровъ Сѣверной Россіи въ экономическомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что мнѣ мѣстные жители говорили, что по сосѣдству есть болото, на поверхности воды котораго всегда всплываетъ много керосина. Позднѣе анализъ показалъ, что это прекраснаго качества нефть. Вопросъ только въ томъ, много-ли нефти. Если много, то край оживетъ и дастъ огромный толчекъ всему.

Въ художественномъ отношеніи это селеніе очень бѣдно. Расположено оно по скучному и однообразному склону къ рѣкѣ. Здѣсь меня мѣстный врачъ г. Солнцевъ очень любезно снабдилъ небольшой аптечкой, а помощникъ исправника г. Смѣтанинъ далъ всевозможныя указанія и рекомендаціи для путешествія дальше внизъ по р. Печорѣ на Пустозерскъ.

Тяжелое впечатлѣніе производитъ Пустозерскъ. Это (вмѣстѣ съ селеніемъ Куей) послѣдніе проблески жизни осѣдлой, хотя убогой и тяжелой, но все же скроенной по извѣстной намъ мѣркѣ. Есть церковь довольно большая, но новая. Въ былое время было ихъ много: часть ихъ погнила, другая сгорѣла, и ничто больше не напоминаетъ о тѣхъ временахъ, когда въ Пустозерскѣ томились знаменитые ссыльные XVIII столѣтія. Здѣсь же кончилъ на кострѣ жизнь извѣстный протопопъ Аввакумъ: старики указываютъ на крестъ, который когда-то

А. А. Борисовъ. Самоѣдское волостное правленіе въ Пустозерскѣ.

былъ поставленъ на мѣстѣ сожженія почитателями Аввакума, прибывшими для этой цѣли изъ города Мезени. Говорятъ, что по кресту стекались поклонники, почему какой-то архіерей, во избѣжаніе соблазна, приказалъ перенести этотъ крестъ къ церкви.

Обитатели Пустозерска, какъ и вообще обитатели низовьевъ Печоры, хлѣба также не сѣютъ; живутъ промыслами рыбы, а богатые главнымъ образомъ, мѣновой торговлей съ самоѣдами. Иные отправляютъ свои аргыши *) съ разными товарами для самоѣдовъ **) на Варандей, иные въ Югорскій Шаръ и на о. Вайгачъ, а иные на своихъ утлыхъ «карбасахъ» ***) пускаются въ море на остр. Колгуевъ. Въ началѣ зимы ѣдутъ на ярмарку въ Пинегу и только небольшую часть зимы остаются дома. У наиболѣе зажиточныхъ русскихъ изъ Пустозерска пасутся въ Большеземельской тундрѣ стада оленей. Рядомъ съ Пустозерскомъ богатая деревня Устье; также ведетъ торговлю съ самоѣдами и занимается оленеводствомъ.

---

*) Аргышами называются обозы, везомые на нартахъ оленями. Нагружаются они мукой, мясомъ, сухарями, чаемъ, сахаромъ и, главное водкой, для мѣновой торговли съ кочевниками полярныхъ странъ.

**) По моему мнѣнію, названіе «самоѣдъ» неправильно; вѣрнѣе будетъ «самоедъ». Слово это происходитъ, не подлежитъ сомнѣнію, отъ слова *самъ одинъ*, т. е. живущій особнякомъ, отдѣльно, своей семьей, но никакъ не отъ словъ *самъ себя ѣстъ*. Дѣйствительно, на Печорѣ, въ Мезени и вообще въ Архангельской губерніи никогда даже и не зовутъ самоѣдовъ самоѣдами, а всегда зовутъ такъ: самодь, самоди (вмѣсто самоѣды), самодинъ или самоединъ (вмѣсто самоѣдъ), гдѣ очень прозрачно сквозитъ корень этого названія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, мы это названіе унаслѣдовали отъ *русскихъ* жителей сѣвера и исказили его изъ самодинъ, самоединъ, въ «самоѣдъ». Иные мнѣ возражали, что да, пожалуй, это объясненіе еще подходитъ для самоедовъ Европейской Россіи, гдѣ ихъ далеко меньше, чѣмъ на сѣверѣ Азіи, но можно-ли это-же толкованіе примѣнить и къ азіатскимъ самоедамъ? Я на это скажу: намъ извѣстно, что слово самодинъ, самоединъ или самоѣдъ слово русское (по самоедски-же они сами себя называютъ «неньця, хасово» — мужчина ихъ племени) и впервые появилось оно тамъ, гдѣ впервые появились русскіе. А намъ извѣстно, что русскіе появились прежде въ Архангельской губерніи и позднѣе уже въ Сибири. Отсюда видно, что и слово самоедъ впервые появилось на свѣтъ на сѣверѣ Европы, а оттуда уже въ свою очередь оно перенесено было вмѣстѣ съ появленіемъ русскихъ въ Азію и такимъ образомъ ссылка въ видѣ возраженій мнѣ на сѣверо-азіатскихъ самоедовъ здѣсь не причемъ.

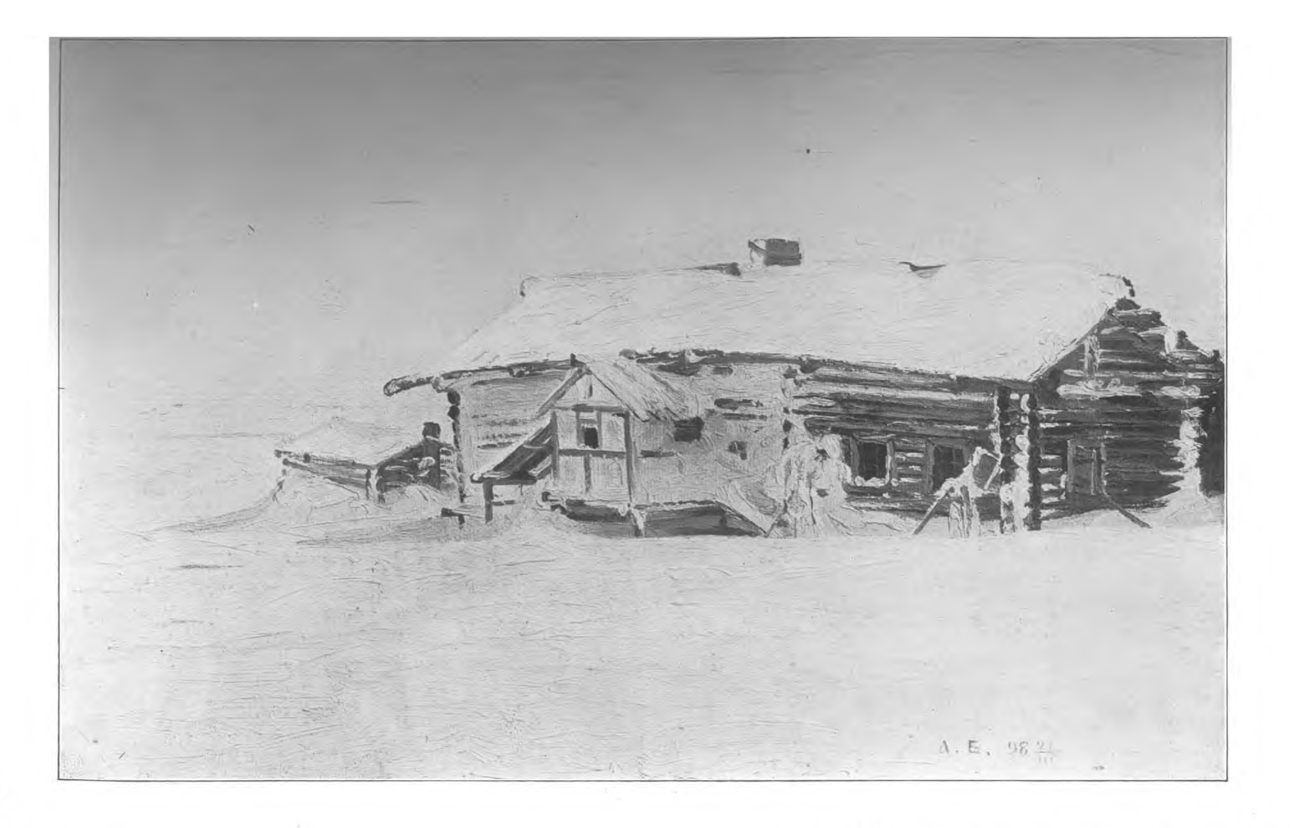
***) Карбасъ или баркасъ.

Въ настоящее время въ Пустозерскѣ 9—10 домовъ, и только четыре изъ нихъ новы и порядочны, все же остальное пришло въ крайнюю ветхость. Стоитъ Пустозерскъ посреди тундры, и ни кустика, ни холмика, только вѣтеръ неугомонный свиститъ, да засыпаетъ холоднымъ снѣгомъ!

Каждый годъ изъ Пустозерска часть здѣшнихъ жителей отправляется къ самоѣдамъ въ Югорскій Шаръ за промыслами. Сами пустозеры ѣдутъ только въ первыхъ числахъ мая, тогда какъ ихъ работники — самоѣды отправляются еще въ концѣ марта и медленно подвигаются къ Югорскому Шару съ тяжелыми аргышами. Вотъ съ такими то аргышами я и долженъ былъ ѣхать весь путь по Большеземельской тундрѣ.

Передъ отправкой изъ Пустозерска мнѣ выдалъ самоѣдскій старшина открытое предписаніе такого содержанія: «Предъявитель сего есть художественникъ, то есть мастеръ, а потому строго предписываю всѣмъ моимъ подвѣдомственнымъ самоѣдамъ оказывать ему всякое содѣйствіе. Въ случаѣ же неповиновенія вы строго будете отвѣчать по закону». Вмѣсто подписи клеймо самоѣда и печать Пустозерскаго волостного правленія самоѣдовъ.

По условію съ пустозерскимъ жителемъ С. Кожевинымъ его работники-самоѣды попутно должны были доставить меня со всѣмъ моимъ скарбомъ въ Югорскій Шаръ. Самоѣды эти выступили еще 31 марта и, отойдя верстъ 70, остановились посреди тундры, чтобы встрѣтить Пасху. Меня же добрые пустозеры ни за что не хотѣли отпустить до этого великаго праздника, и только на второй день Пасхи, 6-го апрѣля, къ вечеру я могъ выѣхать изъ Пустозерска. Сорокъ верстъ до деревни Никитицы мнѣ еще предстояло сдѣлать на лошадяхъ и эти сорокъ верстъ чуть было не стоили мнѣ жизни: лошадь, на которой я ѣхалъ, чего-то испугалась и понеслась,

А. А. Борисовъ.

Домъ въ Пустозерскѣ послѣ сильной снѣжной метели.

чуть было не убила меня, разломавъ сани и разметавъ по дорогѣ мои пожитки. 7 апрѣля въ деревню Никитицу, изъ тундры за 30 верстъ пріѣхали по условію, самоѣды на трехъ четверкахъ оленей. Все тяжелое и главное изъ моей поклажи было отправлено еще изъ Пустозерска съ аргышами, и мнѣ теперь пришлось переложить съ саней на нарты *) только самое необходимое. Въ часъ пополудни я сѣлъ на нарты, и самоѣды покатили. Они ѣхали впереди, а мнѣ сказали, чтобы я ѣхалъ сзади. Олени граціозно бросили рога на спину и понеслись бѣшенымъ галопомъ вдаль, унося насъ въ безпредѣльную тундру. Вотъ и послѣдній крайній къ сѣверу домикъ становится все меньше и меньше замѣтнымъ, и скоро совершенно пропалъ въ сѣрой дали! Только еще кое-гдѣ-не-гдѣ посылали намъ послѣдній привѣтъ кустики ползучей ивы, да убогой заполярной ели. Скоро и тѣхъ не стало. Кругомъ бѣлая широкая даль. Вѣяло вокругъ холодомъ и смертью!

Долго, очень долго ѣхали мы такъ и, наконецъ, взобрались на какую-то возвышенность. Проѣхавъ еще немного, мы увидѣли самоѣдскій чумъ, тотъ самый, съ которымъ мнѣ и пришлось потомъ кочевать по Большеземельской тундрѣ до Югорскаго Шара. Въ сущности, чумовъ здѣсь было два: одинъ работниковъ С. Кожевина, другой вольнаго самоѣдина Данила Сядэя. Данило тоже ѣхалъ къ Югорскому Шару, чтобы на о. Вайгачѣ встрѣтиться со своимъ зятемъ и отправиться на Новую Землю.

Возлѣ чума насъ встрѣтила высокая, стройная самоѣдка Иринья, жена одного изъ моихъ самоѣдовъ. Цвѣтъ лица у ней былъ очень смуглый, волосы длинные, прямые и черные какъ вороново крыло. Глаза не косые, какіе бываютъ въ боль-

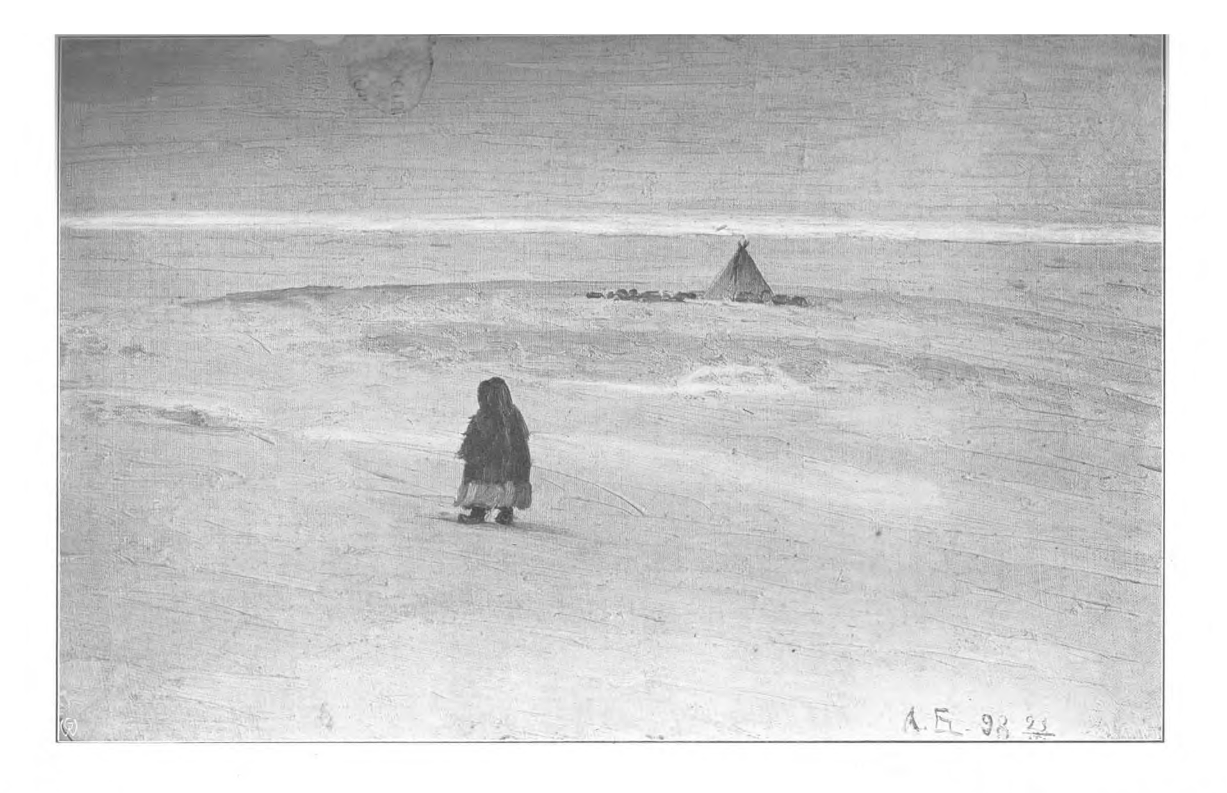
*) Нарты, по-самоѣдски «ханъ»; — это особаго типа сани, въ которыя запрягаются олени.

шинствѣ случаевъ у самоѣдокъ, и скулы не выступали, а овалъ лица былъ строго правильный. Типъ этой самоѣдки—типъ скорѣе индіянки, чѣмъ самоѣдки. Она гостепріимно пригласила меня въ свой чумъ и указала мѣсто по лѣвую сторону огня, которое я впослѣдствіи и занималъ во время всей дороги. Она натаскала изъ взятаго съ собою запаса множество дровъ и принялась кипятить огромный мѣдный чайникъ. Когда чайникъ вскипѣлъ, была подана внушительныхъ размѣровъ деревянная чашка оленьяго мерзлаго мяса—айбырдать*). Айбырдать для меня было не новостью, а потому я, ничтоже сумняшеся, съ удовольствіемъ сталъ уплетать вкусную мерзлую оленину, запивая горячимъ чаемъ, который, откровенно говоря, пахнулъ больше дымомъ и еще какой-то мерзостью, чѣмъ чаемъ. Чумъ былъ полонъ дыму и, чтобы не задохнуться, приходилось лежать совсѣмъ на землѣ, немного подперевъ голову рукою. Стѣнки чума всѣ были въ дырахъ, вслѣдствіе чего вѣтеръ здѣсь гулялъ почти такъ же свободно, какъ и на просторѣ тундры, и морозъ немного уступалъ только тогда, когда горѣлъ подъ котлами огонь; въ другое время температура была совершенно та-же, что и снаружи чума. И если мнѣ приходилось читать или дѣлать замѣтки, то я находилъ всего ул[illegible] нѣе забираться въ мой благодѣтельный спальный мѣ[illegible] Въ немъ было такъ уютно и мило, что я порою за[illegible] что я среди тундры и такъ далеко отъ теплой кровати.

---

*) Айбырдать—значитъ ѣсть сырое оленье мясо. Слово это самоѣдское, принято у русскихъ оленеводовъ и у зырянъ.

**) Этотъ мѣшокъ былъ сшитъ у меня изъ оленьихъ шкуръ шерстью внутрь; въ него я влѣзалъ днемъ въ курткѣ, на ночь же раздѣвался, совсѣмъ даже снималъ бѣлье и влѣзалъ туда съ головой.

А. А. Борисовъ. Въ Большеземельской тундрѣ.

Глава вторая.

Большеземельская тундра.—Оленеводство самоѣдовъ.—Частые падежи на оленей.—Мѣновая торговля съ зырянами.—Будущее оленеводства.

Большеземельской тундрой называется все то огромное пространство, которое граничится съ сѣвера Ледовитымъ океаномъ, съ запада рѣкой Печорой, съ востока горными хребтами Ураломъ и Пэ-хой и, наконецъ, съ юга лѣсной границей. По большей части это скучная и убійственно однообразная пустыня, зимой засыпанная снѣгомъ, а лѣтомъ то рыжая, мшистая съ кое-гдѣ рѣдкой зеленой травкой, то каменистая; только по южнымъ склонамъ холмовъ или рѣчекъ встрѣчаются обильныя гнѣзда цвѣтовъ и кустарниковъ низкорослой ползучей березы. Тундра зимой замираетъ совсѣмъ, но лѣтомъ зато на каждомъ шагу она наполняется жизнью; множество птицы немолчно оглашаютъ воздухъ, гамъ и крикъ стоитъ постоянно и только на 2, на 3 часа, когда солнце опускается близко къ землѣ, этотъ говоръ какъ будто стихаетъ. Шибко любитъ самоѣдъ свою тундру! Да какъ и не любить ему свою кормилицу. Вѣдь онъ здѣсь родился и выросъ, здѣсь и жизнь коротаетъ. Привольно чувствуетъ онъ себя среди безбрежной пустыни. Привольно и радостно дышитъ онъ здѣсь; а еще веселѣе ему на душѣ, когда видитъ онъ, какъ его необозримое стадо оленей (его жизнь) пасется и холится въ тундрѣ.

2*

Въ былое время тундра дѣлилась на участки между родами самоѣдовъ (Тайбареи, Пырерки, Вылки, Тысые, Сядэи и т. д. и т. д.), и всякій самоѣдъ могъ пасти свое стадо оленей только лишь на участкѣ своего рода, но теперь этотъ обычай уже отошелъ въ область преданій. Лѣтомъ въ тундрѣ пасутся сотни тысячъ оленей. Самоѣды и русскіе и въ особенности зыряне находятъ очень выгоднымъ заниматься оленеводствомъ, но бѣда вся въ томъ, что и здѣсь чувствуется огромный недостатокъ общаго умственнаго развитія и грамотности. Самоѣды мнѣ то-и-дѣло жаловались, что у нихъ нѣтъ мховъ для корма оленей и всю вину сваливали на то, что къ нимъ пришли ненавистные ижемцы—зыряне и вытравили своими оленями всю тундру. Часто мнѣ говорили они: «Вотъ, ты, Александръ, поѣдешь въ Питеръ, скажи Царю, что моху у насъ нѣтъ, оленей нечѣмъ кормить; олени околѣютъ. А олени околѣютъ, и мы всѣ помремъ!».

Самоѣдъ безумно любитъ оленя и вмѣсто того, чтобы разумно пользоваться имъ, онъ до безконечности увеличиваетъ свое стадо, и оно годъ отъ году дѣлается все больше и больше. И тундра какъ бы она не была велика въ концѣ концовъ переполняется. Вѣдь, она можетъ прокормить оленей лишь столько, сколько можетъ, и ничего больше. Природу не перехитришь! И вотъ на почвѣ плохого питанія и недоѣданія развиваются страшныя повальныя болѣзни оленя. Такъ, напр., по моимъ свѣдѣніямъ, которыя далъ мнѣ крестьянинъ Сизябской волости Маркъ Вокуевъ, въ 1897 году пало оленей въ Сизябской волости 70.000 и осталось въ живыхъ 40.000; въ Ижемской волости пало около 80.000 и осталось около 40.000; въ Букинской и Мокчинской тоже павшими считаютъ по 70.000 и оставшимися въ живыхъ по 40.000. У самого Марка Воку-

А. А. Борисовъ. Любимый цвѣтъ самоѣдовъ.

10

ева было 1.500, а осталось только 500; у его брата то же количество живыхъ и павшихъ. Можетъ быть эти свѣдѣнія нѣсколько и преувеличены, но все же и по многимъ другимъ моимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ среди самоѣдовъ и русскихъ, за 1897 г. въ Большеземельской тундрѣ всего пало 200.000 оленей; считая средней цѣной каждаго по 10 руб. — это составитъ 2 милліона рублей, а въ 1898 г. былъ такой же падежъ на оленей въ Малоземельской тундрѣ (къ западу отъ Печоры), и значитъ общій убытокъ за 2 года 4 милл. руб. Есть самоѣды, которые имѣютъ по 4.000 оленей; продай такой самоѣдъ все стадо, онъ получилъ бы 40.000 руб. и могъ бы быть вполнѣ обезпеченнымъ человѣкомъ; а между тѣмъ многіе изъ такихъ самоѣдовъ и зырянъ въ эти годы въ 2—3 недѣли дѣлались нищими. Такъ, напримѣръ, весною въ тундру иные отправлялись богачами съ полнымъ комфортомъ обитателя тундры, а назадъ возвращались пѣшкомъ, — у нихъ не осталось ни одного оленя. Я много бесѣдовалъ по этому поводу и съ самоѣдами, и съ зырянами, и съ русскими и вынесъ глубокое убѣжденіе, что всѣ они положительно согласны, съ тѣмъ, что увеличиваніе до безконечности стадъ—есть безумство. Часто мнѣ говорили они, что «вотъ намъ посылаютъ ветеринарныхъ врачей, которыхъ то-и-дѣло приходится развозить по тундрѣ, а пользы намъ отъ нихъ никакой; развѣ поможетъ ихъ лекарство нашимъ оленямъ, когда ихъ кормить нечѣмъ?!».

Если самоѣдъ имѣетъ стадо въ 4.000 оленей, онъ смѣло можетъ убивать ежегодно $^1/_5$ часть всего стада, т. е. 800 штукъ, и его стадо не уменьшится, благодаря приплоду, и значитъ, самоѣдъ будетъ имѣть ежегодно годового дохода 8.000 рублей. Олень достигаетъ полнаго своего апогея въ 3 года и послѣ этого возраста онъ уже не увеличивается въ цѣнности ни мя-

сомъ, ни шкурой (исключая ѣздовыхъ и въ особенности передовыхъ оленей), а между тѣмъ самоѣдъ держитъ своихъ оленей до 20-лѣтняго возраста, и теперь понятно, что тѣмъ количествомъ мха, которое съѣдаетъ одинъ олень впродолженіе 20-ти лѣтъ, могли бы воспитаться и достичь цвѣтущаго возраста 7 оленей, и такимъ образомъ оленеводство въ тундрѣ могло бы быть увеличено въ 7 разъ, и въ то же время тундра не переполнялась бы, и не кидались бы такъ дико милліоны рублей*). Еще разъ долженъ сказать, что природа не любитъ, чтобы насиловали ее; она терпитъ долгіе годы, олени борются, недоѣдаютъ, голодаютъ, а затѣмъ—острая повальная болѣзнь, и тундра сбрасываетъ насиліе надъ ней; огромное количество оленей погибаетъ, не принося никакой пользы, и только лишь заражая тундру для будущихъ поколѣній оленя. Затѣмъ снова ненормальное размноженіе и снова ужасный падежъ и т. д. и т. д., а самоѣды все остаются бѣдняками. Между тѣмъ богатство проходитъ мимо такъ глупо, такъ неразумно!

Часто я бесѣдовалъ съ самоѣдами и русаками на эту тему; они мнѣ между прочимъ говорили, что къ нимъ въ Большеземельскую тундру преимущественно по рѣкѣ Усѣ пріѣзжаютъ зыряне; они берутъ большой карбасъ и нагружаютъ его разной провизіей, а въ заключеніе вкатываютъ туда двѣ-три бочки водки или спирту; спиртъ, по легкости своей, удобнѣе для перевозки, а изъ него не трудно сколько угодно насуропить водки **). Нагрузивъ такой карбасъ, они отправляются

*) Я не говорю о тундрахъ на сѣверѣ Азіи; азіатскія тундры въ нѣсколько разъ больше нашихъ европейскихъ, и оленеводство тамъ можетъ быть развито неизмѣримо шире, чѣмъ въ европейскихъ тундрахъ.

**) Часто въ спиртъ доливаютъ столько воды, что, чтобы сохранить видимую крѣпость водки, прибавляютъ туда перцу, табаку и тому подобной мерзости, чтобы ужъ очень то не пахло одной водой. Водка эта зимой замерзаетъ, и ее перевозятъ льдинами на санях; смотря по требуемому количеству, такую водку откалываютъ топоромъ или ножомъ.

А. А. Борисовъ. Отдыхъ оленей въ Большеземельской тундрѣ.

11

вверхъ по рѣкѣ бичевой и отъ поры до времени останавливаются для мѣновой торговли тамъ, гдѣ есть самоѣды со своими стадами. Разумѣется, какъ только самоѣды почуютъ, что пришли ихъ «благодѣтели», ѣдутъ къ нимъ изъ окрестныхъ чумовъ и тащатъ зырянамъ у кого что есть: шкуры песцовъ, лисицъ, россомахъ и т. п. Въ это же время, во второй половинѣ іюля, очень цѣнятся шкуры молодыхъ оленей въ возрастѣ двухъ съ половиной, трехъ мѣсяцевъ, такъ называемые «неблюи». Тогда шкура молодого оленя покрыта чудной черной или темнокоричневой глянцевитой шерстью; изъ такихъ шкуръ шьютъ, большею частью, такъ называемыя дохи. Но пройдетъ двѣ-три недѣли, шерсть становится хохлатой и непріятно-рыжей, и цѣна шкуры вмѣсто 6-7 руб. рѣзко падаетъ къ низу. А потому самоѣды спѣшатъ убивать въ эту пору часть оленьихъ телятъ, и зырянамъ раздолье. Они покупаютъ или вымѣниваютъ на товаръ и на водку мѣха и звѣрей и оленей, но не мясо оленей. Шкуры очень легки и цѣнны, и зыряне легко укладываютъ ихъ цѣлыя тысячи себѣ въ карбасъ; другое дѣло мясо— много его не вгрузишь. И тутъ же рѣжутъ сотни оленей, а мясо преспокойно бросается, какъ ненужный навозъ и гніетъ. Рѣжетъ оленей каждый хозяинъ по 20 — 30 — 50 — 100 шт. и т. д., смотря по величинѣ стада. Перевозить самоѣдамъ мясо этихъ оленей вмѣстѣ со стадомъ немыслимо: тяжело на саняхъ по голой землѣ, да къ тому же все равно оно скоро испортилось-бы

И вотъ, въ то время, когда въ тундрѣ кидается мясо какъ ненужная тяжесть, въ центрѣ Россіи крестьяне питаются только картофелемъ, да и то часто впроголодь, мясо же видятъ они только къ Рождеству да къ Пасхѣ. А между тѣмъ, если бы организовать разумное хозяйство, это мясное богатство

могло бы стать и дешевой и доступной пищей народу. Вѣдь вывозъ возможенъ: сначала сплавомъ по мелкимъ рѣчонкамъ въ Печору, а оттуда на рѣчныхъ пароходахъ до устьевъ ея и далѣе моремъ на морскихъ судахъ. Очевидно, что для обитателя тундры будетъ находкой, если ему предложить по 1 коп. за фунтъ мяса, которое кидается даромъ. А при хорошей организаціи, доставка до устьевъ Печоры будетъ стоить не болѣе 20 коп. съ пуда и столько же, допустимъ, до Архангельска; слѣдовательно, это мясо съ доставкой до Архангельска будетъ стоить по 2 коп. за фунтъ. Но, если дѣло поставить разумно, то стада оленей, предназначенныя для убоя на мясо, могли бы итти живьемъ къ берегу моря, какъ Медынскій заворотъ или Югорскій Шаръ, или къ пристанямъ большой рѣки, какъ Печора; отсюда оленина вывозилась бы въ видѣ солонины или консервовъ. Такимъ образомъ, сложная доставка продукта по мелкимъ рѣкамъ стала бы излишней.

Не странно-ли, что въ то время, когда въ тундрѣ даже и осенью, въ лучшее время года, лучшее оленье мясо стоитъ одинъ цѣлковый за пудъ, въ Лондонѣ мясо стоитъ одинъ шиллингъ за фунтъ, т. е. 47 коп., а пудъ, значитъ, свыше 18 рублей?! Между тѣмъ стоимость провоза отъ Архангельска до Лондона нынѣ 13 коп. съ пуда; значитъ, если бы разумный человѣкъ вздумалъ консервировать или солить оленину, то онъ оказался бы величайшимъ благодѣтелемъ обитателя тундры и далъ бы бѣдному люду и Англіи и Россіи дешевый продуктъ но конечно, и самъ получилъ бы баснословныя прибыли. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, и теперь между Архангельскомъ и Печорой и Югорскимъ Шаромъ существуютъ рейсы срочнаго Архангельско-Мурманскаго пароходства, и, значитъ, вывозъ оттуда оленьяго мяса возможенъ по дешевой цѣнѣ. Допустимъ, что

А. А. Борисовъ. Олени.

по своему качеству оно уступитъ черкасскому мясу, но вѣдь и цѣна оленины баснословно дешевая.

Итакъ, въ тундрѣ въ исключительное время года нѣжное, прекрасное мясо молодого оленя кидаютъ даромъ и этимъ заражаютъ воздухъ, а въ обыкновенное время оно стоитъ по 2—2½ коп. за фунтъ; въ Англіи же мясо стоитъ 47 копѣекъ за фунтъ, въ Берлинѣ также 1 марка за фунтъ.

Въ Англіи существуетъ множество благотворительныхъ обществъ. Множество дамъ-патронессъ искренно занимаются облегченіемъ участи бѣдняка. Вотъ если бы онѣ положили начало такому полезному и благому дѣлу, какъ организація общества, цѣль котораго — доставка дешеваго мяса бѣдному люду Англіи посредствомъ торговли съ нашимъ сѣверомъ! Если бы благородныя леди пришли на помощь и сорганизовали такое общество которое повело бы тѣсную и непосредственную торговлю съ тундрой! Вѣдь этимъ онѣ дали бы милліонамъ бѣдняковъ дешевое мясо, а самоѣдамъ сносный сбытъ своихъ продуктовъ; и тѣ и другіе вѣчно благословляли бы ихъ! Если бы онѣ повліяли на своихъ мужей, братьевъ, убѣдили ихъ! Вѣдь мы живемъ не во времена Ивана Васильевича Грознаго и королевы Елизаветы, когда корабельная техника и мореходство далеко уступали нашему. Но и тогда была обширная и тѣсная торговля между Англіей и Россіей.

Стыдно намъ, господа, стыдно! Стыдитесь вы, интеллигентные люди, передовые и образованные, а въ особенности стыдитесь вы, молодежь, вышедшая изъ народа! Наши братья, поморы (Бѣлаго моря), покупаютъ себѣ деревянныя суда въ Норвегіи, построенныя изъ нашего же лѣса. Не на васъ ли лежитъ благородная задача ратовать за то, чтобы были у насъ соотвѣтственныя школы, чтобы были у насъ со-

отвѣтственныя мастерскія — верфи. Не проще ли ѣздить въ ту-же Норвегію для изученія кораблестроительнаго искусства деревянныхъ судовъ и, вернувшись обратно на родину, научить своихъ соотечественниковъ этому искусству. Вѣдь лѣсъ-то везется изъ Россіи сырьемъ и въ обработанномъ видѣ возвращается обратно въ Россію. Какъ только кораблестроеніе деревянныхъ судовъ на сѣверѣ Россіи будетъ доведено до нѣкотораго совершенства, то само собою разумѣется, разовьется и мореходство, разовьется и предпріимчивость, и Англія будетъ имѣть тогда уже мясо не по шиллингу за фунтъ, а по крайней мѣрѣ на половину дешевле. А наши сѣверяне не будутъ кидать это мясо какъ ненужный навозъ, какъ ненужный балластъ. Я вѣрю, что англичане, какъ народъ энергичный и умный, поймутъ это и пойдутъ этому охотно на встрѣчу. Дай-то Богъ, давно пора!

Для Россіи теперь самый подходящій моментъ завязать такую торговлю, послѣ нашумѣвшей такъ много книги американца Синклера — «Чаща» и послѣ того, какъ англичане и слышать не хотятъ объ американской солонинѣ и американскихъ консервахъ, послѣ того, какъ англійскіе солдаты бунтуютъ и отказываются принимать американскіе мясные консервы. Всѣ необозримыя пространства тундръ Европы и Азіи станутъ тогда неисчерпаемымъ источникомъ богатства *).

---

*) Стоитъ только провести желѣзную дорогу отъ р. Оби къ Медынскому завороту и тогда вся Азіатская тундра придвинется къ Европѣ, а богатство тундры—олени будутъ въ высокой степени полезными европейцу.

А. А. Борисовъ.

Въ гостяхъ у самоѣда.

Глава третья.

Пастьба оленей.— Ихъ дрессировка.— Жизнь въ тундрѣ.— Мятель.— Угощеніе сырыми оленьими почками.— Кровь.— Бѣгство Ириньи и поиски ея.

Олени, почуявъ весну, неудержимо рвутся туда дальше, на сѣверъ, на просторъ, къ Ледовитому морю, туда, гдѣ нѣтъ ни назойливыхъ мошекъ, ни комаровъ, ни нестерпимо докучливыхъ оводовъ, которые кладутъ свои яйца въ шкуру оленя и причиняютъ ему не мало страданій. Самоѣдъ, повинуясь инстинкту оленя, идетъ туда же. За то осенью олени стремятся обратно въ лѣса; худо имъ во время ужасныхъ зимнихъ снѣжныхъ мятелей среди безбрежной тундры. Другое дѣло въ лѣсахъ — они могутъ тамъ укрыться; среди лѣса въ большіе морозы и вьюги олени ложатся на отдыхъ въ пушистомъ снѣгу; даже если застигнетъ ихъ гололедица, и если они не могутъ достать мохъ изъ подъ снѣга, они собираютъ его по вѣтвямъ сосны и елки, а въ крайнемъ случаѣ могутъ питаться молодыми побѣгами ивы, березы.

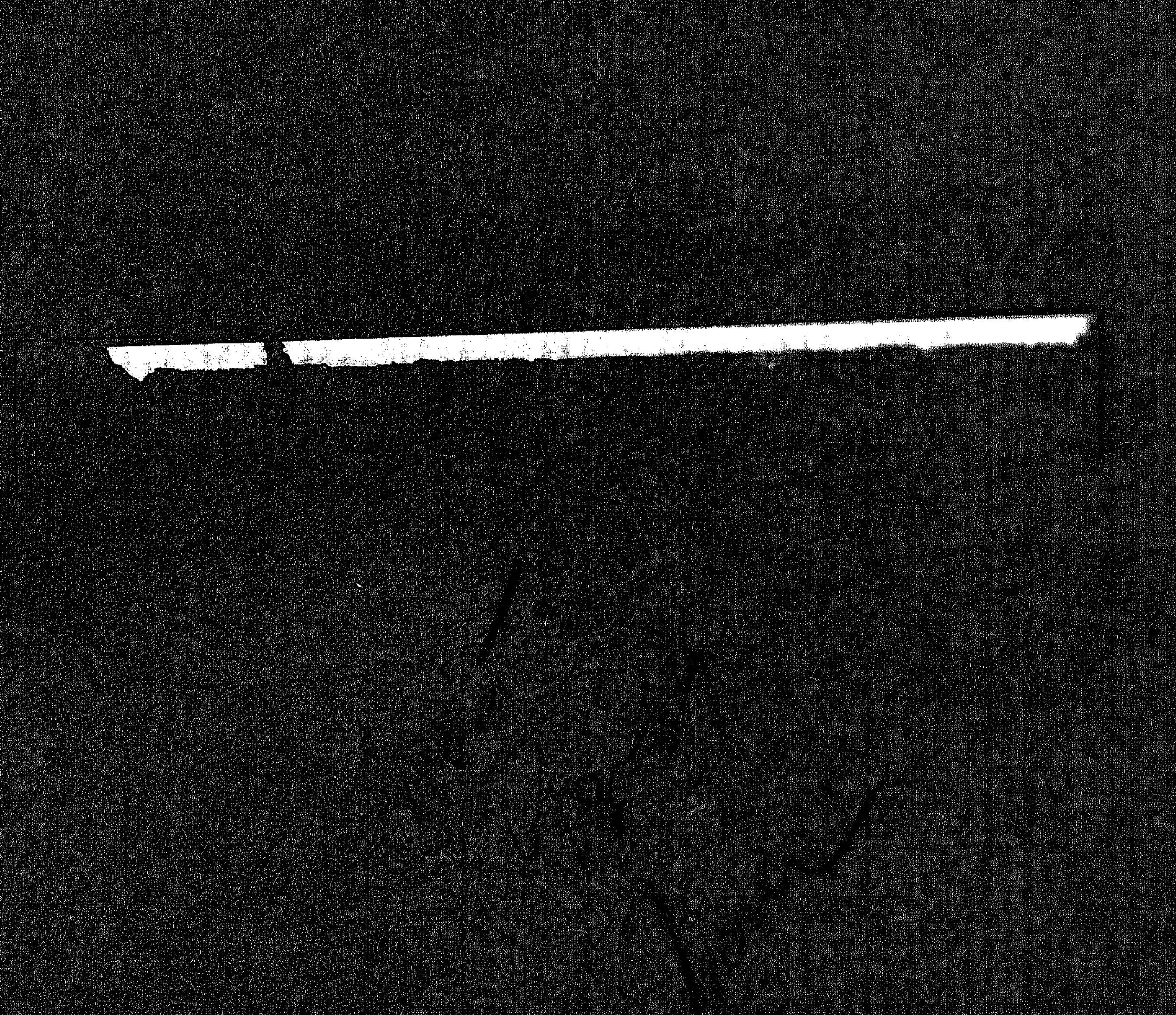
Самоѣдъ, имѣющій стадо въ двѣ - три тысячи штукъ оленей, держитъ трехъ или четырехъ пастуховъ; они пасутъ оленей по очереди. Въ такомъ большомъ стадѣ каждый изъ дежурныхъ пастуховъ всегда держитъ при себѣ четыре или пять оленей въ запряжкѣ, мѣняя ихъ ежедневно — сегодня однихъ, завтра другихъ, на тотъ случай, чтобы во всякую минуту онъ

могъ быстро передвигаться по тундрѣ. Обыкновенно къ вечеру всѣ пастухи и даже самъ хозяинъ сгоняютъ все огромное стадо въ одно мѣсто. Для этого они садятся на нарты, запряженныя пятеркой добрыхъ оленей, и мчатся въ разныя стороны тундры на поиски далеко отошедшихъ оленей и постепенно, дѣлая огромные круги, прижимаютъ ихъ все ближе и ближе къ центру. Послѣ этого олени ложатся на отдыхъ и всѣ самоѣды идутъ на покой, оставляя двухъ или трехъ пастуховъ на ночное дежурство. На утро олени встаютъ и начинаютъ пастись, подвигаясь въ общемъ въ одномъ направленіи, къ сѣверу или югу, смотря по времени года, но въ частности уклоняются въ стороны и снова расходятся въ разбродъ. Вечеромъ самоѣды ихъ опять собираютъ такимъ же путемъ, и т. д. изо дня въ день.

Лѣтомъ, не взирая на камни и песокъ, не говоря уже о мшистой тундрѣ, самоѣды ѣздятъ тоже на нартахъ, и природа и на этотъ разъ предусмотрѣла очень разумно. Тащить нарты лѣтомъ по камнямъ и песку въ нѣсколько разъ тяжелѣе, чѣмъ по снѣгу зимой, но зато и олени въ это время бываютъ очень сильны, и самоѣдъ по этимъ камнямъ несется—только искры летятъ. Осенью по первому снѣгу на оленяхъ можно проѣхать смѣло сто верстъ, не кормя. Другое дѣло весной, когда снѣгъ покрывается настомъ, и нарты скользятъ чрезвычайно легко — олень истощенъ и больной; въ это время съ трудомъ можно проѣхать на немъ только верстъ тридцать. Какъ бы много олени въ эту пору не ѣли, все равно мало пользы, такъ какъ весь кормъ, повидимому, уходитъ на питаніе его огромныхъ роговъ, которые выростаютъ всего лишь въ одинъ мѣсяцъ.

На остановкѣ всѣхъ оленей обыкновенно отпрягаютъ и отпускаютъ пастись на волю. На шеи тѣхъ оленей, кото-

А. А. Борисовъ. Остатки послѣ зимовья.

Борисовъ [illegible]

[illegible]

рыхъ трудно поймать, привязываютъ на веревкѣ или полѣно дровъ, или оленьи рога или еще что-либо иное *), чтобы они не могли быстро бѣгать. На другое утро, чтобы собрать стадо, самоѣды поступаютъ такъ: сначала привязываютъ своихъ маленькихъ дѣтей въ чуму на веревкѣ, чтобы тѣ не бѣгали вокругъ чума во время поимки и чтобы олени не затоптали ихъ. Потомъ изъ саней своихъ обозовъ-аргышей строятъ «корсакъ» (это—нѣчто въ родѣ баррикадъ на подобіе русской буквы С), а къ концамъ его привязываютъ длинныя веревки; за концы веревокъ берутся по одному человѣку, изображая такимъ образомъ какъ бы неводъ. Послѣ этого одинъ или два самоѣда, смотря по величинѣ стада, идутъ къ оленямъ и начинаютъ выкрикивать протяжное «о-о, о-о»! Олени, почуя этотъ призывъ, собираются въ кучу. Тогда самоѣды начинаютъ медленно гнать ихъ къ этому неводу и, загнавъ, окружаютъ веревками; на волѣ остаются лишь молодые олени или непокорные. Тогда самоѣдъ призываетъ собаку, показывая въ ту сторону, гдѣ эти олени, и кричитъ ей—«прь—ё»! Собака, какъ угорѣлая, срывается съ мѣста и что есть духу несется и начинаетъ неотвязно преслѣдовать оленя по пятамъ до тѣхъ поръ, пока тотъ, чтобы отвязаться отъ надоѣдливой лайки, не заскочитъ въ средину стада. Въ это же время на рога тѣхъ оленей, которые носятся вокругъ корсака и не хотятъ прыгнуть въ средину, ловко бросаютъ тындзе́й **), которымъ и подтягиваютъ ихъ къ себѣ. Хотя бываютъ и такіе олени, которые, какъ только бросится за ними собака, бѣгутъ отъ стада все дальше и дальше; тогда самоѣдъ отзываетъ собаку обратно, быстро запрягаетъ

*) По самоѣдски это называется «ленга́ло».

**) Тындзей—это родъ аркана, сплетеннаго изъ ремней.

четырехъ оленей, двухъ привязываетъ сзади и несется за бѣглецами. Послѣдніе, повидимому, соблазняются обществомъ бѣгущихъ на привязи сзади оленей и подбѣгаютъ близко къ санямъ; въ этотъ моментъ самоѣдъ бросаетъ поочередно то на одного, то на другого тындзей и, подтянувъ къ себѣ, привязываетъ пойманныхъ также къ санямъ. Перехватавши всѣхъ оленей, онъ возвращается къ стаду. Бываютъ и такіе олени, хотя довольно рѣдко, которые не поддаются и на этотъ обманъ, а бѣгутъ все дальше и дальше въ сторону, и тогда самоѣды уже просто стрѣляютъ ихъ изъ винтовки, чтобы не пропали шкура и мясо. Загнавъ оленей въ корсакъ, самоѣды идутъ внутрь его и начинаютъ хватать и связывать на длинную веревку тѣхъ оленей, которые нужны имъ сегодня для запражки; они прекрасно знаютъ всѣхъ ихъ на перечетъ, несмотря на то, что въ такомъ стадѣ 1.000 и болѣе головъ. Самоѣдъ ни за что не запряжетъ два дня подъ рядъ одного и того же оленя, въ то время, какъ другіе и вчера и сегодня шли на свободѣ; на мой же взглядъ всѣ олени невѣроятно похожи одинъ на другого: рога, морды, шерсть и т. д. у всѣхъ одни и тѣ-же. Затѣмъ, всѣхъ оленей, привязанныхъ на веревкѣ, они начинаютъ впрягать въ нарты и только послѣ этой длинной и каждый разъ одной и той-же процедуры, пускаются, наконецъ, въ путь.

Иногда бываетъ, что упрямыхъ и непокорныхъ оленей самоѣды дрессируютъ довольно грубымъ способомъ. Въ то время когда такой олень носится, преслѣдуемый собакой, вокругъ корсака, самоѣды кидаютъ тындзей; когда олень пойманъ, тогда одинъ самоѣдъ набрасываетъ веревку на рога животнаго и начинаетъ тащить къ корсаку, а другой въ это время бьетъ его что есть мочи тындзеемъ и безъ конца выкрикиваетъ свое протяжное «о-о, о-о»! Такое варварство иногда длится полчаса

и болѣе. Олень выбивается изъ силъ и полуживой едва доползаетъ по снѣгу въ корсакъ.

Первую ночь я спалъ великолѣпно; только четырехлѣтній ребенокъ самоѣдки сильно безпокоилъ меня своимъ неистовымъ ревомъ. Но впослѣдствіи съ этимъ я справлялся отлично. Въ то время, какъ самоѣды спали какъ убитые, а ребенокъ оралъ, точно его рѣжутъ, я подзывалъ его къ себѣ, показывая или баранокъ, или сухарь. Онъ сначала робко выглядывалъ изъ мѣшка самоѣдки, а потомъ вылѣзалъ. Смѣшной, совершенно нагой, съ большимъ животомъ и кривыми ногами и, не смотря на то, что иной разъ въ чуму во время мятели были большіе сугробы свѣжаго снѣга, онъ брелъ ко мнѣ по поясъ въ снѣгу, забиралъ сухарь и также спокойно, не спѣша, отправлялся обратно въ мѣшокъ, гдѣ грызъ этотъ сухарь и, грызя, засыпалъ.

Второй день въ тундрѣ встрѣтилъ меня прекраснымъ утромъ и тихой погодой. Долго мы хватали оленей, потомъ вытянувшись длинной вереницей поѣхали прямо на сѣверъ къ Болванскимъ сопкамъ; самоѣдъ Данило и я ѣхали сзади и подгоняли отставшихъ свободныхъ запасныхъ оленей, другіе же самоѣды, самоѣдка Иринья и жена Данила вели аргыши. Немного проѣхали, сталъ подувать вѣтерокъ, и съ сѣверо-запада надвинулись синія тучи. Вѣтеръ задулъ еще сильнѣе, и тундра мало по малу сдѣлалась страшной: вѣтеръ рвалъ и металъ, ужасно свистя и безжалостно засыпая все снѣгомъ. Меня пронизывало насквозь до костей, несмотря на то, что на мнѣ были надѣты малица и совикъ*). Олени ни за что не хотѣли итти

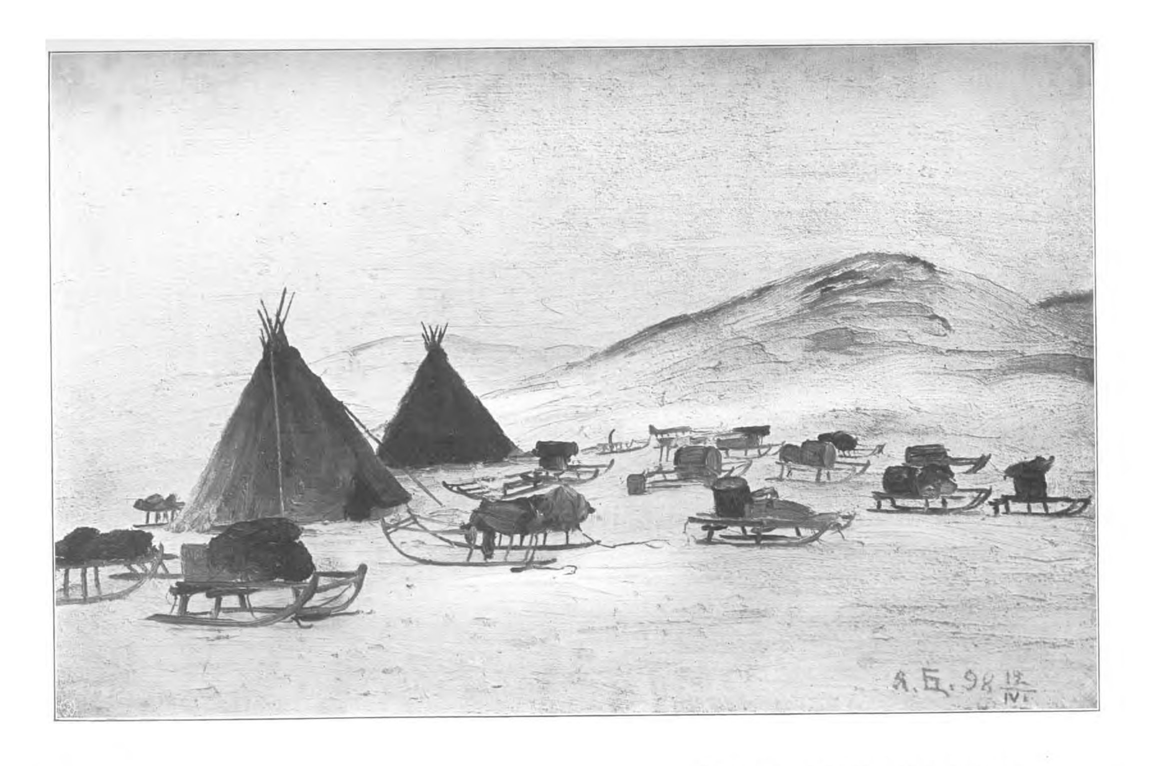
---

*) Малица—это одежда сшитая изъ оленьихъ шкуръ, замѣняющая пальто или шубу, безъ разрѣза спереди, и надѣвается черезъ голову. Совикъ та-же малица, только съ капюшономъ и шерстью шьется наружу.

хоть сколько нибудь противъ вѣтра, и то и дѣло старались поворотить по вѣтру. На бѣду одинъ олень не пошелъ при возахъ даже и тогда, когда его выпрягли и пустили на волю; его пришлось положить на нарты къ одному самоѣду, и тому надо было итти пѣшкомъ. Спустя еще немного времени, поднялась такая мятель, что очень рискованно было отъѣхать и на шесть шаговъ: того и гляди не найдешь самоѣдовъ. Стать бы хоть чумомъ и сколько-нибудь укрыться отъ этой неистовой вьюги, хоть сколько нибудь защитить лицо отъ этого ужаснаго вѣтра! Точно раскаленными металлическими щетками прижигаютъ лицо: такъ его рѣжетъ вѣтромъ со снѣгомъ! Мы давно бы остановились, да нѣтъ проталинъ, на которыхъ могли бы пастись наши олени. А здѣсь, среди этихъ снѣговъ, они не достанутъ себѣ насущный свой кормъ,—мохъ вслѣдствіе того, что снѣгъ послѣ оттепели покрылся нынѣ въ морозъ ледяной корой; и всѣ наши олени должны были бы околѣть. Для нихъ надо отыскивать такъ называемыя вареи, т. е. мѣста, обнаженныя отъ снѣга, содранныя вѣтромъ. Дай то Богъ поскорѣе попасть на такое мѣсто!

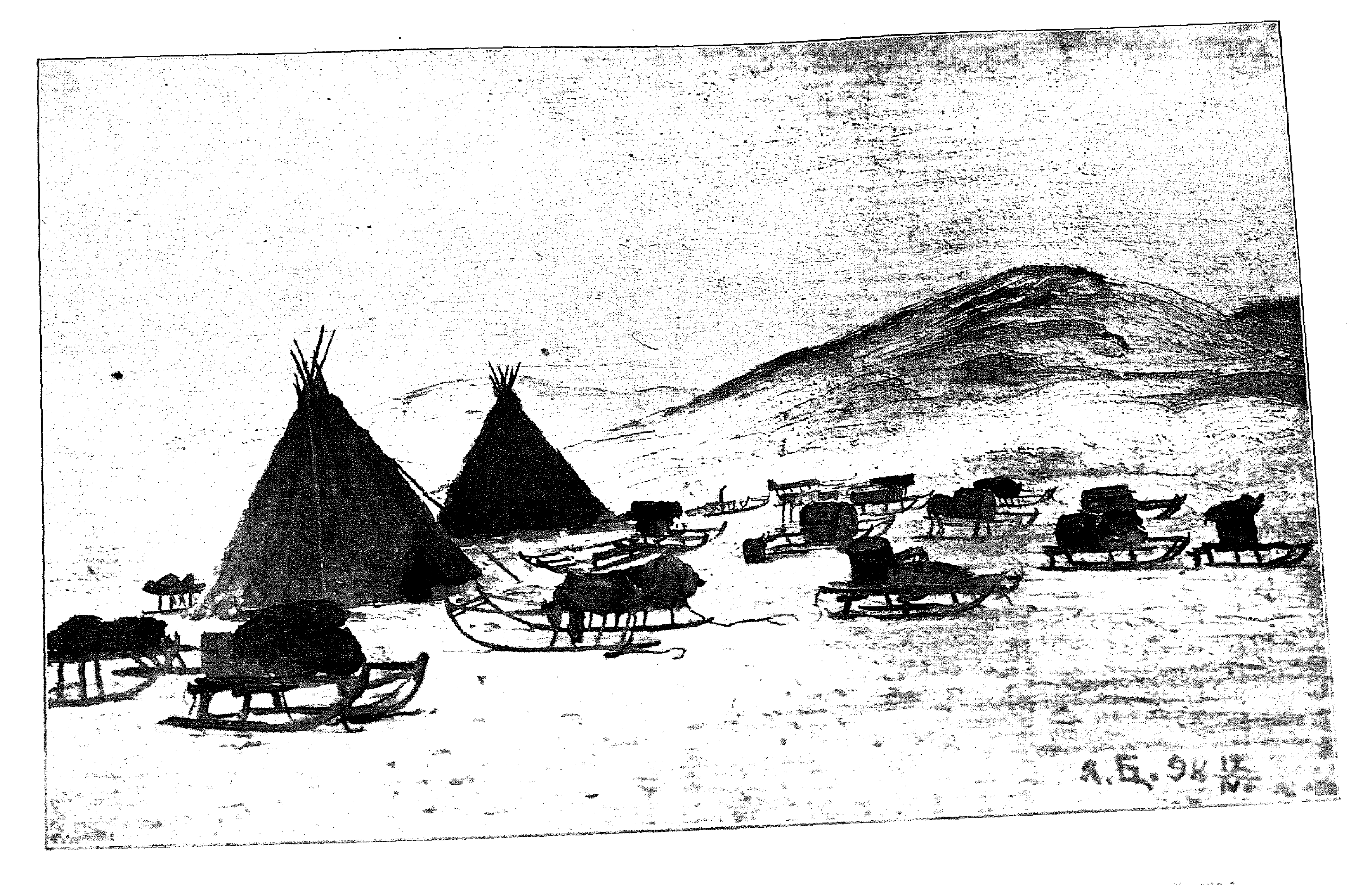
Жизнь въ тундрѣ, въ сущности говоря, тянулась довольно однообразно, и только въ нѣкоторые дни приходилось видѣть интересныя картины или переживать тяжелыя впечатлѣнія. Вотъ, напримѣръ, что написано въ моемъ дневникѣ подъ 12-е апрѣля.

«Дневка. Скверная сырая погода со снѣгомъ. Термометръ показываетъ + $^1/_2$°. Въ полдень совсѣмъ тепло и тихо. Вечеромъ подулъ сильный N, и стало очень холодно; въ особенности вѣтеръ пронизывалъ ужасно, несмотря на то, что на сѣверо-западѣ все небо было залито золотистою зарей и напоминало глазамъ теплый лѣтній вечеръ юга. Только снѣгъ

А. А. Борисовъ.

Мой обозъ во время пути на оленяхъ
отъ Пустозерска до Югорскаго Шара.

А. А. Борисовъ

разбивалъ всю эту иллюзію и составлялъ полный контрастъ съ небомъ. Онъ настолько казался голубымъ, что, если бы художникъ написалъ такую картину, сказали бы: «это не естественно и красочно!» На этомъ голубомъ фонѣ снѣга очень рѣзко вырисовывался нашъ убогій чумъ. Вправо, одна за другой, тянулись и пропадали въ безконечной дали Болванскія сопки. Въ этой картинѣ было что-то неумолимо суровое и безконечно прекрасное. Глядя на нее, мнѣ хотѣлось бы бѣжать и бѣжать въ эту таинственную чудную даль. Какое-то непонятное, пріятное чувство наполняетъ душу: вмѣстѣ и нѣжность, и грусть, и покорность, и любовь, и непреклонная воля, и сила — все сливается въ одно!!!...

Несмотря на такое возвышенное настроеніе, которое звало меня къ палитрѣ, написать этюдъ не удалось, вслѣдствіе множества разныхъ хозяйственныхъ заботъ. Эти заботы, а иногда и крайняя усталость, очень часто не позволяли мнѣ писать въ то время, когда картины окружавшей природы невольно къ этому меня тянули.

На другой день, только что тронулись, олень сломалъ себѣ ногу. Павелъ тутъ же зарѣзалъ его. Онъ сначала воткнулъ оленю ножъ въ спинную артерію около головы сверху, а потомъ, перевернувъ его на спину, въ сердце. Всѣ ѣли сырое мясо, въ томъ числѣ и я.

Мнѣ, какъ почетному гостю въ этихъ краяхъ, дали самое лакомое блюдо — сырыя почки. Я, чтобы не обидѣть хозяевъ, ѣлъ ихъ, хотя безъ особаго удовольствія, въ особенности, когда вспомнилъ, какую функцію исполняютъ почки. Теплое же мясо и съ теплой же кровью я ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, хотя кровь на мой вкусъ не прибавляла никакой пряности, тогда какъ самоѣды увѣряли меня, что она очень вкусна.

Впослѣдствіи и я началъ замѣчать своеобразный вкусъ теплой крови; сначала же она дѣлала впечатлѣніе просто чего-то мокраго.

Въ одномъ мѣстѣ я увидѣлъ много бѣлой куропатки, и мнѣ очень захотѣлось полакомиться за ихъ счетъ, тѣмъ болѣе что онѣ сидѣли недалеко отъ одного холма, изъ за котораго легко было подойти на ружейный выстрѣлъ. Но я не замѣтилъ, что въ одномъ изъ стволовъ дробовки былъ снѣгъ, и когда я выстрѣлилъ, ее разорвало. Однимъ изъ осколковъ ружья мнѣ задѣло носъ и содрало кожу, къ счастью, немного, а иначе пришлось бы прибѣгнуть къ помощи такого искуснаго хирурга, какъ самоѣдка Иринья.

14-го апрѣля мнѣ пришлось пережить вотъ что:

Чудный солнечный день, и только кое гдѣ по небу плывутъ небольшіе кусочки сѣрыхъ облачковъ, при очень слабомъ N — вѣтрѣ. Съ нами сегодня случилась ужасная вещь: сегодня отъ насъ сбѣжала самоѣдка Иринья! Шли мы нѣкоторое время всѣ очень не худо: самоѣдъ Данило Сядэй впереди, я за нимъ, а за мной жена Данилы вела свой аргышъ и потомъ уже мои самоѣды Павелъ, Никита и жена Павла Иринья; мы съ Даниломъ ѣхали «налегкѣ», довольно скоро оставивъ далеко позади наши аргыши; переѣхали рѣку Яче-Ягу и дождались аргышей, а потомъ снова оставили ихъ; еще проѣхали верстъ 12, мѣстами по волнистой тундрѣ, поднялись на холмъ и снова захотѣли дождаться. Вотъ, баба Данилы нагнала насъ и поѣхала дальше; мы съ Даниломъ остались еще; долго стояли мы съ нимъ на этомъ холмѣ, но моихъ аргышей не было и признака: точно они сквозь землю провалились. Наконецъ, и Данило поѣхалъ догонять свою бабу, сказавъ мнѣ, чтобы я дождался тѣхъ аргышей; «да скажи своимъ самоѣ-

дамъ, чтобы перемѣнили вонъ того оленя, онъ опристалъ, не пойдетъ» — добавилъ онъ. — При этомъ Данило ударилъ хореемъ *) того оленя въ моей запряжкѣ, который «опристалъ» (переутомился), и замѣтилъ, чтобы «самоѣды на другой разъ тебѣ не запрягали такую дрянь». Данило уѣхалъ и скрылся изъ глазъ, а аргышей все еще нѣтъ. Мною овладѣло чувство одиночества среди этой ужасной снѣжной пустыни. Къ великому моему счастью была хорошая, ясная и тихая погода, и слѣды виднѣлись прекрасно; однако здѣсь на это полагаться нельзя: здѣсь изъ чудной погоды въ одну минуту можетъ сдѣлаться адская мятель, во время которой и не съ такимъ опытомъ, какъ я, да и то погибаютъ. Наконецъ, видя, что изъ моей стоянки никакого толку не будетъ, я понемногу поѣхалъ назадъ по нашимъ старымъ слѣдамъ. Не проѣхалъ я и двухъ верстъ, какъ не пошелъ олень, про котораго говорилъ Данило. Ну, думаю, дѣло совсѣмъ худо! Обозлился страшно на оленя, отпрягъ, пнулъ нѣсколько разъ его ногой; но онъ лежитъ, точно околѣлъ, и глазами не смотритъ. Бросилъ его тутъ-же на дорогѣ, а самъ поѣхалъ дальше, отчаянно ругая въ душѣ своихъ самоѣдовъ, зачѣмъ запрягли такую дрянь. Теперь сани мои тянули только два оленя, считая и передового, а потому мнѣ постоянно приходилось вылѣзать и итти пѣшкомъ. Съ трудомъ миновалъ знакомую рѣчку съ черными берегами, кое гдѣ выступавшими изъ-подъ снѣга. Вотъ и холмикъ, на которомъ мы съ Даниломъ стояли, поджидая моихъ аргышей; думаю, поднимусь на него, непремѣнно увижу моихъ самоѣдовъ. Но и тутъ ихъ не было. Чтобы такое, думаю, могло случиться? Ѣхалъ еще и еще, проѣхалъ много холмиковъ и впадинъ, и,

*) Хорей—это длинный шестъ, которымъ погоняютъ оленей.

наконецъ-то, замѣтилъ черную точку на бѣломъ фонѣ. То были мои самоѣды. Пріѣзжаю ближе, смотрю—всѣ олени выпряжены и спущены пастись. Павелъ стоитъ, повѣся носъ; Никиты нѣтъ.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— У насъ Иринья убѣжалъ. (Павелъ коверкалъ русскій языкъ и признавалъ въ немъ только мужской родъ).

— Какъ убѣжала?!

— Да такъ, онъ взялъ свой мѣшокъ, да и ушелъ отъ насъ.

— А гдѣ же парень?

— Парень, а вотъ онъ у его на саняхъ, все время, бѣдный ревѣлъ, а нынѣ спитъ.

— Взяла-ли хоть хлѣба да мяса? — говорю ему.

— Нѣтъ, какое тамъ мясо! Онъ взялъ только свой мѣшечекъ, въ которомъ вышивки да пимы, да и ушелъ.

— Ну, а Никита гдѣ?

— А Микита поѣхалъ искать его; вѣдь Иринья замерзнетъ, а меня потянутъ въ волостной судъ! Микиту вотъ не сколь давно видно было—вонъ на томъ холмѣ!

При этомъ Павелъ вытянулъ изъ-за пазухи засаленную руку и показалъ, гдѣ онъ видѣлъ Никиту. Худо наше дѣло: Данило насъ оставилъ, тотъ аргышъ, который вела Иринья, вести некому и, по всей вѣроятности, придется вести его мнѣ! А проснувшійся грудной ребенокъ Ириньи, томимый жаждой, такъ кричитъ ужасно, что всю душу раздираетъ. И въ заключеніе всѣхъ нашихъ бѣдъ, никто изъ насъ не знаетъ дороги. Ее знала только одна Иринья.

— А тамъ, вонъ, волки! показалъ мнѣ Павелъ.

Дѣйствительно, верстахъ въ двухъ отъ насъ, я замѣтилъ притаившагося около камня волка. Онъ, лежа, поджидалъ, не

подойдетъ ли поближе къ нему какой-нибудь простачекъ олень, котораго онъ тутъ же и прикончитъ.

— Вотъ волки передавятъ всѣхъ оленей, мы всѣ здѣсь и замерзнемъ. Вотъ мнѣ бы надо итти пасти оленей, да парень ревет—куда я пойду,—говоритъ Павелъ.

Ну, думаю, перспектива не изъ завидныхъ—замерзнуть въ тундрѣ, и изъ-за какой-нибудь самоѣдки! Этого ужъ я никакъ не ожидалъ!.. Смалодушничалъ: забылъ о краскахъ и картинахъ...

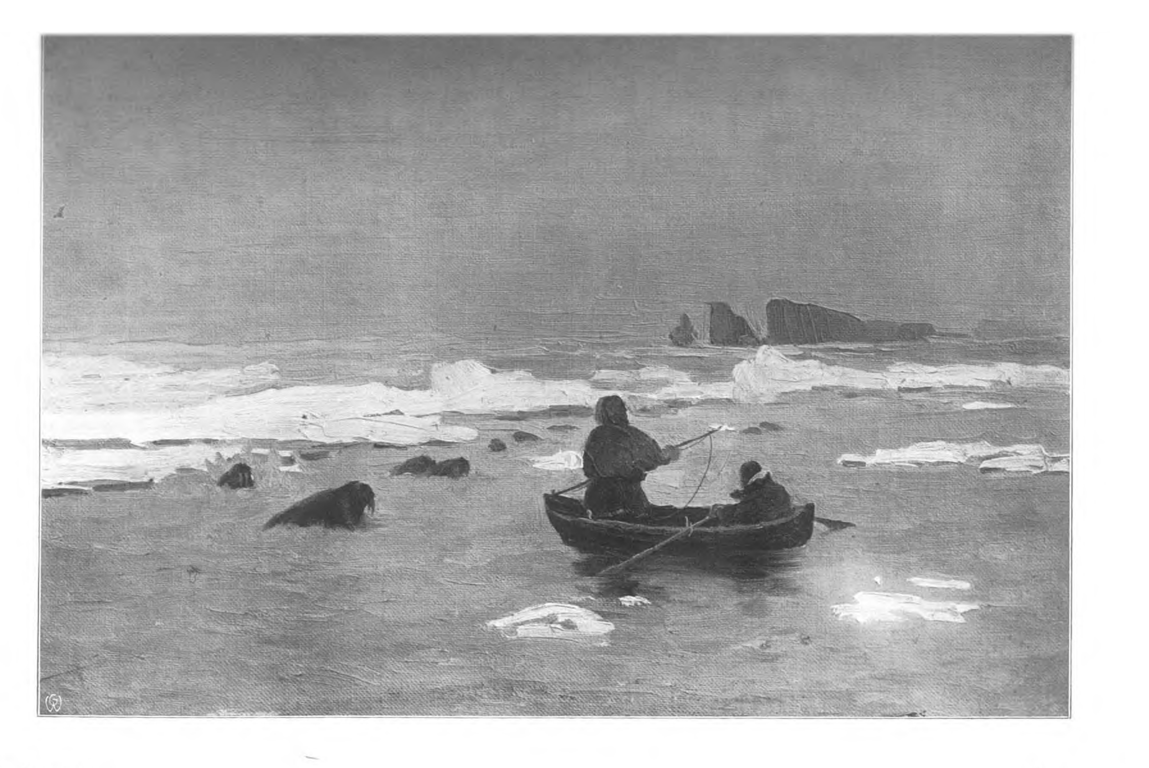
Дѣйствительно, скверно: если волки передавятъ хоть и не всѣхъ оленей, и если мы съ помощью оставшихся и дотянемъ назадъ до какого нибудь населеннаго пункта или самоѣдскаго чума, то все же придется побросать всѣ наши пожитки, кромѣ, конечно, самой необходимой пищи и одежды. А это для меня было бы не многимъ менѣе ужасно, чѣмъ самая смерть: безъ кистей и красокъ жизнь среди тундры была бы невыносима!

Я взялъ винтовку и пошелъ, вмѣсто Павла, стеречь оленей. Хотѣлъ подойти поближе къ одному изъ непрошенныхъ гостей и залѣпить ему пулю. Но волкъ не подпустилъ меня на разстояніе и двухъ выстрѣловъ и задалъ тягу. Я выстрѣлилъ ему въ догонку, чтобы напугать остальныхъ. Обходя стадо, я еще нѣсколько разъ выстрѣлилъ въ воздухъ и вернулся къ возамъ страшно измученный и усталый.

Долго ждали Никиту. Сердце изнывало въ томительной тоскѣ, и думалось: а что̀, если Никита не привезетъ Иринью? Вотъ, наконецъ, показался и Никита. Онъ неистово гналъ оленей и скоро былъ у нашихъ саней. Иринью онъ не привезъ, нигдѣ не могъ ее отыскать. Павелъ произнесъ разъ пятнадцать подъ-рядъ какое-то самоѣдское непонятное для меня слово,

при чемъ сильно ударялъ себя въ грудь кулакомъ и плакалъ; наконецъ, взялъ четырехъ лучшихъ оленей, и уѣхалъ на нихъ неизвѣстно куда. Мы съ Никитой остались вдвоемъ. Кое-какъ перехватали оленей, запрягли и понемногу тронулись впередъ, думая во что бы то ни стало догнать Данилу Сядэя. Ѣхали долго. Стало темно. Проѣхали всѣ знакомыя рѣчки, проѣхали холмы и долины, ѣхали дальше и дальше, а все нѣтъ ни чума, ни Данила. Наконецъ, послѣ долгаго еще перехода, замѣтили мы знакомую точку чума. На душѣ у насъ повеселѣло, и мы, подбодренные, весело подгоняли уставшихъ оленей и чрезъ полчаса уже были совсѣмъ близко отъ него. Въ это время догналъ насъ и Павелъ. Ему гдѣ-то, подъ обрывомъ какой-то рѣчки, удалось поймать Иринью. Послѣ жестокой расправы, онъ втащилъ ее на нарты и, связавши, привезъ съ собой.

Скоро поставили чумъ, и съ какимъ наслажденіемъ, одинъ Богъ только видѣлъ, мы уплетали мерзлую оленину и попивали горячій чаекъ. Горе и несчастья были забыты. На сердцѣ такъ было легко, что я снова считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ и невольно благословлялъ судьбу за тѣ счастливыя условія, благодаря которымъ я могъ переживать въ концѣ-концовъ такія славныя минуты. Вернулся я къ своимъ художественнымъ задачамъ, размышляя, какъ хорошо бы изобразить на полотнѣ многое изъ недавно пережитаго. Вспомнился Петербургъ и тѣ безпечные вечера въ мастерской дорогого А. И. Куинджи, гдѣ мы такъ горячо судили и рядили о чемъ угодно, и гдѣ для каждаго сужденія такъ же легко было найти товарищескую поддержку, какъ и ярое возраженіе. Но гдѣ всѣ они—любимый профессоръ и дорогіе товарищи? Здѣсь я все рѣшаю одинъ, никто не осудитъ, но и никто не поддержитъ. Тутъ-то особенно чувствуешь, насколько самъ, т

А. А. Борисовъ. На моржа.

слабъ въ желаніи передать все, что видишь, и что творится въ душѣ. Но мало по малу меня стала одолѣвать дремота, и забившись въ свой спальный мѣшокъ, я, крѣпко заснулъ.

Иринья — удивительная особа: ничего не имѣя при себѣ, рѣшилась убѣжать отъ насъ въ то время, когда мы находились отъ самаго ближайшаго селенія Куи за 200 верстъ, въ тундрѣ, гдѣ только снѣгъ и снѣгъ, и больше ничего: ужасно!

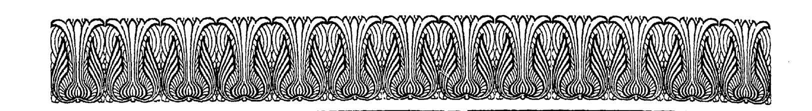
Убѣжала она по словамъ Павла, вотъ почему.

«Я ему сказалъ: зачѣмъ такъ тихо ѣдешь? А онъ говоритъ «держамы» *) худы. Я тогда отвязалъ у него аргышъ и сказалъ: поѣзжай одинъ безъ аргыша, я самъ вмѣстѣ съ моимъ поведу его. Арина не стерпѣлъ такого позору, разсердился на меня и сталъ выпрягать держамыхъ. Я за это его началъ ругать. Онъ взялъ свой мѣшокъ и пошелъ въ тундру. Я думалъ, что онъ не уйдетъ, и не остановилъ его. А когда онъ ушелъ изъ виду, я послалъ за нимъ Микиту искать».

Вотъ до чего доводитъ самоѣдское упрямство!

---

*) Держамы — это тѣ 4, 5 оленей, запряженные въ передніе нарты, на которыхъ ѣдутъ самоѣды правящіе оленями и ведущіе аргышъ.

Глава четвертая.

Иринья въ роли хирурга.—Поѣздка къ самоѣду «Маера».—Вьюга среди тундры.—Въ поискахъ за оленями.—Важанки.—У самоѣда «Сяско». — Въ чуму у Хааптиса.

16-го апрѣля, 10-й день. Пріѣзжалъ Созоновскій приказчикъ просить у меня медицинской помощи. У него сильно болитъ рука. Снизу на предплечьи синеватый прыщикъ, и вся рука покраснѣла и вспухла. Я посовѣтовалъ ему согрѣвательные компрессы и разсказалъ, какъ это надо дѣлать; горячо поблагодаривъ, онъ уѣхалъ сейчасъ-же отъ насъ.

Сегодня Иринья произвела операцію своему мужу. Вывернувъ вѣки глазъ, она дѣлала надрѣзы огромнымъ ножомъ*), а потомъ прикладывала маленькіе кусочки снѣга, которые впитывали въ себя кровь и сію же минуту совершенно окрашивались. Павелъ во время этой операціи лежалъ неподвижно (спиной на снѣгу), а братъ его Никита поглядывалъ на меня и, видя мое смущеніе, лукаво ухмылялся. Мнѣ думалось, что конецъ Павлу: непремѣнно произойдетъ зараженіе крови; но каково-же было мое удивленіе, когда Павелъ на другой день былъ совершенно здоровъ и прекрасно смотрѣлъ на свѣтъ, тогда какъ до того онъ не могъ смотрѣть и все время закрывалъ глаза руками и жаловался на страшную боль въ

*) Этотъ ножъ Ириньей вообще употреблялся въ хозяйствѣ: имъ она колола дрова рѣзала мясо, очищала малицу отъ испражненій своего ребенка и т. п.

А. А. Борисовъ. На берегу Ледовитаго океана (полночь).

вискахъ и орбитахъ. У него была снѣжная слѣпота. Самоѣды говорятъ, что это происходитъ отъ того, что къ глазамъ дѣлается сильный приливъ крови, и чтобы отогнать ее, они или натираютъ виски скипидаромъ, или же, если нѣтъ скипидару, какъ это было въ послѣднемъ случаѣ, они просто надрѣзаютъ верхнія вѣки глазъ и выпускаютъ кровь.

19 апр., 13-й день. Снялись довольно поздно. Днемъ было прямо жарко, 6° мороза. Лицо такъ и пекло. Въ воздухѣ весна. Совершенно тихо, и по временамъ снѣжокъ.

Не доходя немного до Хайпутырской губы, я рѣшилъ во что бы то ни стало отыскать богатаго самоѣда и взять у него за извѣстную плату штукъ десять оленей для ѣзды по тундрѣ до Югорскаго Шара, а главное, для ѣзды по о. Вайгачу. Наши олени къ этому времени настолько ослабѣли, что я сильно боялся, какъ бы не пришлось мнѣ бросить здѣсь часть моихъ вещей; въ противномъ случаѣ мы не дойдемъ до селенія Никольскаго до весенней распуты, и тогда намъ придется жить гдѣ-нибудь въ тундрѣ до двадцатыхъ чиселъ іюня. Такая перспектива мнѣ не нравилась, и я пустился на поиски новыхъ оленей.

Поѣхали мы съ Никитой. Сначала намъ надо было попасть въ чумъ самоѣда Маера̀, такъ какъ этотъ послѣдній давно живетъ здѣсь, да и вообще онъ зналъ всю Большеземельскую тундру такъ-же хорошо, какъ всякій изъ насъ свои пять пальцевъ. Пришлось сперва спуститься на какую-то рѣчку и долго ѣхать по ея разлогамъ. Потомъ мы поднялись на возвышеніе и скоро увидѣли чумъ Маеры̀. Самоѣдъ принялъ насъ очень гостепріимно. Сейчасъ же хромой, убогій мальчикъ, работникъ Маеры̀, выбралъ сани, которыя похуже, и изрубилъ ихъ на дрова. Потомъ онъ развелъ огонь и началъ кипятить чайникъ. Подали айбырдать и чай. Погода между тѣмъ

становилась все хуже и хуже. Вѣтеръ подувалъ сильнѣе и сильнѣе, и мало по малу поднялась ужасная снѣжная метель. Ѣхать дальше въ тундру за оленями — и думать нечего. Оставаться здѣсь мнѣ тоже не хотѣлось, такъ какъ мы были совсѣмъ близко отъ нашего чума, да къ тому же меня сильно соблазнялъ мой спальный мѣшокъ, котораго здѣсь, конечно, не было. Маера̀ долго старался уговорить меня, чтобы я не ѣздилъ отъ него въ такую дьявольскую вьюгу, но, видя, что ничего не помогаетъ, махнулъ рукой и указалъ въ какую сторону намъ надо ѣхать домой. Мы усѣлись вмѣстѣ съ Никитой на однѣ нарты спинами, и сначала поѣхали довольно скоро по указанному направленію. Кругомъ, дальше головъ оленей, на которыхъ мы ѣхали,—ровно ничего не было видно. Спустились въ разлогъ рѣчки. Никакого признака старыхъ слѣдовъ, точно ихъ и не существовало никогда! Долго мы шарили по берегамъ, чтобы найти мѣсто для подъема; кое-какъ выползли изъ рѣчки, проваливаясь до половины въ пушистый снѣгъ, и поѣхали почти прямо на вѣтеръ. Проѣхали съ часъ, а чума нашего все нѣтъ, хотя пора бы ужъ ему быть. Попробовали ѣхать еще и еще — нѣтъ. Вьюга между тѣмъ стала такая, что только и видать хвосты оленей, да и то не всѣхъ: вотъ, подите-жъ, бываютъ въ тундрѣ такія вьюги, что и совсѣмъ не видно оленей, на которыхъ ѣдешь! При такихъ условіяхъ, конечно, плохое путешествіе: еще, чего добраго, заѣдешь куда-нибудь въ горы (здѣсь «Яней») да свалишься, искалѣчишь себя и оленей! Подумали, подумали, да и рѣшили ужъ лучше никуда не ѣхать. Выпрягли оленей и привязали ихъ головами къ нартамъ, а сами забрались подъ нарты, упрятавъ головы и руки въ совикъ. Сначала мы какъ будто и ничего себѣ устроились, но скоро, однако, насъ стало совсѣмъ заме-

А. А. Борисовъ. Житье бѣднаго самоѣда въ тундрѣ подъ лодкой.

тать, и, чтобы не быть заживо погребенными, намъ надо было вылѣзать изъ-подъ нартъ и перетаскивать ихъ на другое мѣсто. Промучились мы такъ часа три, перетаскиваясь черезъ каждые полчаса на новое мѣсто, а вѣтеръ нисколько не унимался; онъ такъ неистово дралъ, что, казалось, терпѣнію конецъ; только и можно было немного укрыться, залѣзая поглубже въ снѣгъ. Приходилось плохо. Такія сильныя вьюги здѣсь иногда продолжаются по нѣскольку сутокъ подъ-рядъ, и не угодно ли отсиживаться и въ то же время зорко слѣдить, чтобы совсѣмъ не замело. Рѣшили еще попробовать послѣднее средство—пустить оленей на произволъ: можетъ быть, они вывезутъ насъ хоть на какой-нибудь чумъ. Запрягли снова, прочистили себѣ глаза, предварительно оттаявъ ихъ, такъ какъ рѣсницы буквально смерзлись; сгребли снѣгъ съ нартъ и усѣлись. Я положилъ хорей, намоталъ на руку около локтя возжу («маэтыни») и завалился немного за Никиту, думая хоть сколько нибудь укрыться отъ разъяренной стихіи. Бѣдный Никита сидѣлъ прямо на вѣтру, спиной, правда, къ вѣтру, но все равно отъ этого ему не было легче. Олени круто повернули влѣво. Плелись они очень медленно и все обнюхивали воздухъ. И какова же была наша радость: не прошло и полъ-часа, какъ они прямо вышли на тотъ самый чумъ, въ который мы и ѣхали.

Чумовой дымъ во время вьюги сильно разстилается по землѣ, и запахъ его далеко слышенъ чуткому обонянію оленя. Въ такую метель олень чувствуетъ себя въ одиночествѣ жутко и, если заслышитъ дымокъ, тянетъ къ своимъ товарищамъ, чтобы тамъ, у чума, отдохнуть, не боясь кровожадныхъ волковъ, которые въ такую погоду рыскаютъ по тундрѣ, высматривая жертву.

На утро метель пронеслась, и мы снова поѣхали къ самоѣду Маера̀, чтобы отъ него направиться дальше въ тундру.

На этотъ разъ со мной поѣхалъ Павелъ. Маера́ насъ ждать не заставилъ, запрягъ оленей и поѣхалъ съ нами. Ѣхали мы долго по ровной, слегка холмистой мѣстности. Переѣхали, не помню, какое-то озеро и остановились на холмѣ около песцовой норы. Постояли, посмотрѣли кругомъ, не видно ли гдѣ чума или стада оленей, и покатили дальше. Переѣхали совсѣмъ свѣжую «аргышницу»*). Она замѣтна была только въ одномъ мѣстѣ, да и то худо, и какъ мы ни старались рѣшить, куда прошли аргыши, ничего не могли разобрать. Проѣхали еще и опять остановились на холмѣ. Здѣсь Маера́ долго смотрѣлъ вдаль и по сторонамъ; потомъ сказалъ, что дальше онъ не поѣдетъ, такъ какъ тѣ самоѣды, къ которымъ онъ велъ, вѣроятно, еще не приходили и что они ему говорили, что остановятся здѣсь. Вотъ бѣда, думаю; не везетъ, да и только! Но, пока мы разсуждали, вѣтерокъ на мгновеніе пріутихъ, и чуть-чуть стало почище. Самоѣдъ, взглянувъ вдаль немного влѣво, закричалъ, подпрыгивая отъ радости на мѣстѣ: «Отте цертъ, тюку мяа»—чортъ возьми, да тутъ чумъ! Вскочили на нарты и отъ радости понеслись такъ, что духъ захватывало. Скоро мы выѣхали въ огромное стадо «ва́жанокъ» **) съ маленькими черненькими телятками, только что родившимися и едва едва бѣгавшими за испуганными матерями. А нѣкоторые такъ просто еще не стояли и на ногахъ, и отъ нихъ матери не отходили ни на шагъ. Тогда лишь, когда мы ужъ очень близко подъѣзжали къ такой парочкѣ, мать, испугавшись, съ какимъ-то своеобразнымъ хрюканьемъ отбѣгала недалеко, и, какъ только мы проѣзжали, она снова спѣшила на старое мѣсто.

---

*) Аргышница—слѣдъ прошедшихъ аргышей, слѣдъ обоза на оленяхъ.

**) Ва́жинка—оленья самка.

А. А. Борисовъ.

Во время санной экспедицiи
по берегу Карскаго моря.

Въ это время самоѣды пасутъ быковъ-оленей отдѣльно отъ самокъ (ва̀жанокъ), верстъ такъ за пять, за шесть. Дѣло въ томъ, что самцы чрезвычайно непріязненно смотрятъ на молодое поколѣніе, потому что самки — матери всю свою нѣжность и всю любовь удѣляютъ только что родившимся дѣтямъ, а старые ловеласы никакъ не хотятъ примириться съ этимъ. Они думаютъ, что если-бы лишить мать своего теленка, она снова стала бы доступной для ихъ ласки, и съ этой цѣлью они часто кидаются на телятъ съ тѣмъ, чтобы убить ихъ, но самка ревностно защищаетъ свое дитя. Правда, самка гораздо слабѣе самца, но природа и на этотъ разъ предусмотрѣла разумно. Самцы теряютъ рога гораздо раньше чѣмъ самки. И въ то время (въ маѣ мѣсяцѣ), когда самки производятъ на свѣтъ свое поколѣніе, самцы ходятъ уже съ новыми, на половину выросшими рогами, весьма мягкими и необычайно чувствительно-болѣзненными, тогда какъ самка въ это время имѣетъ еще твердые, старые рога, лишенные всякой чувствительности. И когда самецъ бросается на теленка, чтобы убить его и затоптать въ снѣгъ, самка кидается на оленя и, становясь на заднія ноги, начинаетъ быстро бить передними по молодымъ рогамъ самца. Послѣдній не переноситъ нестерпимой боли и позорно бѣжитъ, оставляя въ покоѣ теленка. Но такая защита не всегда бываетъ удачной, и во избѣжаніе утери телятъ, оленоводы на это время отдѣляютъ самцовъ. Какъ только теленокъ подрастетъ и станетъ проворно бѣгать, тогда и самка теряетъ свои старые рога и замѣняетъ ихъ новыми; тогда уже можно снова пасти все стадо вмѣстѣ. Случается, что только что родившая теленка самка почему либо погибаетъ или дѣлается жертвой волковъ, такъ какъ лучшая жатва волковъ бываетъ въ Б. тундрѣ въ

это время. Тогда самоѣдки берутъ теленка и воспитываютъ его сначала своей грудью, а потомъ пріучаютъ ѣсть хлѣбъ, мясо, и вообще все, что̀ хотите. Мнѣ иногда приходилось быть свидѣтелемъ такой довольно своеобразной картины: у одной груди самоѣдки ребенокъ, а другою она кормитъ теленка. Такіе олени бываютъ необыкновенно ручные и бѣгаютъ сзади точно собаки. Ихъ называютъ авками *). Я часто думалъ, что такой типъ оленя былъ бы незамѣнимъ для полярныхъ путешественниковъ. Скажемъ, на какой нибудь землѣ Франца-Іосифа или въ Гренландіи, гдѣ вѣчные льды, и совершенно нѣтъ мха, эти олени могли бы питаться хлѣбомъ и мясомъ. Олень, какъ средство передвиженія, въ 10 разъ по крайней мѣрѣ лучше собаки и увезетъ также въ 10 разъ больше. И если до сихъ поръ оленями полярные путешественники и не пользовались, такъ это только потому, что не имѣли возможности находить кормежку для нихъ, а о такихъ оленяхъ, которыхъ можно кормить мясомъ они и не подозрѣвали.

Попали мы въ чумъ самоѣда «Сяско̀». Этотъ самоѣдъ богатъ, владѣетъ стадомъ въ 2.500—3.000 штукъ оленей. Онъ принялъ насъ очень ласково: опять тѣ-же дрова изъ старыхъ саней, тотъ-же чай съ полугодовымъ бѣлымъ хлѣбомъ и то-же сырое оленье мясо. Выслушавъ меня, Сяско̀ сказалъ, что онъ охотно далъ бы оленей, но что олени его очень плохи, что не тѣльны и скоро пристанутъ; «видишь ли, мы зимой-то попали на худое мѣсто — не было моху, ну вотъ они и тово — исхудали», — говорилъ онъ. Посовѣтовалъ намъ поѣхать еще дальше за сорокъ верстъ къ самоѣду Хааптису который также имѣетъ до 3.000 оленей, и ужъ въ крайнемъ случаѣ, если бы

*) Авка. Такъ зовутъ ихъ къ себѣ, подражая самкѣ «авъ, авъ, авъ».

мы не нашли Хааптиса, обѣщалъ самъ дать оленей. Чтобы доѣхать до Хааптиса, Сяско́ предложилъ намъ своихъ лучшихъ оленей. Мы съ Павломъ поѣхали дальше, а Маера́ остался здѣсь. Проѣхавъ версты три отъ чума, мы попали въ огромное стадо быковъ-оленей Сяско́. Казалось, что этому стаду не будетъ и конца: ужъ такъ оно было велико! Миновавъ стадо, мы поѣхали по совершенно ровной тундрѣ, и только къ рѣкѣ Сиди-Ягѣ, въ которую мы и уткнулись, она немного поднималась. По этой-то рѣкѣ намъ и велѣлъ Сяско́ ѣхать внизъ къ Хайпутырской губѣ, далеко вдающейся изъ Ледовитаго океана въ Большеземельскую тундру. Мы такъ и сдѣлали. Долго мы ѣхали, но не нашли никакого признака, чтобы когда-либо бывалъ человѣкъ среди этой мертвой пустыни. Наконецъ, попали на какой-то слѣдъ нартъ и, разумѣется, очень обрадовались; но радость наша продолжалась не долго: слѣдъ насъ довелъ до какой-то песцовой норы, у которой стоялъ капканъ. Отсюда слѣдъ поворачивалъ обратно чуть-чуть въ сторону, а потому ѣхать по этому слѣду было бы безцѣльно, и мы, обезкураженные снова, поѣхали дальше къ Хайпутырской губѣ. Самоѣдовъ здѣсь точно никогда и не бывало! Одно время подумывали ужъ вернуться назадъ, но рѣшили доѣхать до самой губы. Только совсѣмъ близко у этой губы, на другой сторонѣ рѣки, мы замѣтили рѣдкую кучку оленей. Переѣхали рѣку и поднялись на довольно порядочную возвышенность. Отсюда намъ показалось огромное стадо оленей Хааптиса; оно паслось въ обширной впадинѣ, и вотъ почему мы такъ долго не могли найти его.

Помимо того, что, наконецъ, я получилъ возможность пріобрѣсть такъ долго разыскиваемыхъ оленей, пасущееся стадо представляло само по себѣ своеобразную и красивую

картину. Широкая волнистая тундра, усѣянная темными живыми пятнышками оленей, и безбрежный Ледовитый океанъ! Написать эту картину было невозможно; я страшно продрогъ и спѣшилъ поскорѣе добраться до благодѣтельнаго чума и хоть на нѣсколько минутъ забыть тридцатиградусный морозъ.

Пастухи, работники Хааптиса, сказали, что чумъ его не здѣсь, «а вонъ туда дальше въ гору (на берегу моря) верстъ за десять отсюда». Пріѣхали туда мы около трехъ часовъ пополуночи. Всѣ спали. Работники разбудили хозяйку—жену Хааптиса. Самого его не было. По словамъ работниковъ, онъ уѣхалъ въ тундру за тридцать верстъ въ сосѣдній чумъ, такъ какъ туда пріѣхалъ ижемецъ—торговецъ водкой. Дровъ здѣсь было очень много, вслѣдствіе близости моря, обильно снабжающаго самоѣдовъ плавникомъ *). Жена Хааптиса оказалась очень чистоплотной особой и очень внимательной. Видя, что у меня отъ мороза не попадалъ зубъ на зубъ, она пригласила сейчасъ же въ чумъ. Чумъ богатаго самоѣда поражаетъ васъ прежде всего своими огромными размѣрами: въ немъ, пожалуй, можно даже прогуливаться. По сторонамъ костра положено по три широкихъ доски ($2^1/_2$ четверти аршина). Стѣнки чума—изъ новыхъ великолѣпныхъ шкуръ въ два ряда, и вѣтеръ сюда никогда не заглядываетъ. Когда я поайбырдалъ и напился чаю, подано было вареное оленье мясо, и затѣмъ я легъ спать. Во время моего сна хозяйка приказала всѣхъ собакъ до единой отвести на почтенное разстояніе

*) Плавникъ или плавучій лѣсъ, выносится въ море огромными сибирскими рѣками (Обь, Енисей, Лена) и долгіе годы странствуетъ по океану; часть его волнами выбрасывается на берегъ и служитъ топливомъ и на хозяйственныя надобности жителямъ сѣверныхъ окраинъ; изъ него они дѣлаютъ сани, лодки, гробы и пр.

А. А. Борисовъ. Остатки послѣ зимовья.

отъ чума и привязать тамъ ко вбитымъ въ снѣгъ колышкамъ, чтобы онѣ своимъ лаемъ не безпокоили меня; своего пятилѣтняго ребенка, чтобы тотъ не лѣзъ ко мнѣ, привязала на веревку на противоположной сторонѣ чума, а меня очень внимательно покрыла бѣлыми чистыми оленьими шкурами, накинувъ сверху свою «паничу» *). И я такъ чудно спалъ, что когда проснулся часовъ такъ черезъ шесть — семь, то чувствовалъ себя великолѣпно — въ какомъ то неопредѣленномъ блаженствѣ. Послѣ обѣда мы съ сыномъ самоѣдки поѣхали искать Хааптиса. Надо было ѣхать сначала за двадцать верстъ въ чумъ брата Хааптиса, и тотъ уже помогъ бы намъ отыскать его. Отъѣхавъ верстъ пятнадцать, мы встрѣтили Хааптисова брата, который ѣхалъ въ нашъ чумъ, и сказалъ, что самъ Хааптисъ тоже пріѣхалъ домой; но мы его не видали, вслѣдствіе легкаго тумана. Вернулись назадъ и убѣдились, что Хааптисъ дѣйствительно дома. Скоро мы съ нимъ сговорились относительно оленей, и я, забравъ ихъ, отправился съ Павломъ во свояси.

---

*) Панича – эта та же малица, только съ разрѣзомъ спереди, какъ у пальто, и носится женщинами.

Глава пятая.

1 мая.— На лыжахъ.— Дальнѣйшее путешествіе близъ моря.— Лакомство изъ молодыхъ роговъ оленя.— Бѣльковъ носъ.— Гнѣзда сарыча и полярной совы. Разсказъ самоѣда.— Холодная ванна.— Кладовыя сани.— Пеструшки.

1 мая, 25-й день. Наконецъ-то мы дождались и перваго мая. Въ нашихъ краяхъ, я думаю весна уже давно вступила въ свои права. Правда, и мы сегодня были обрадованы тремя градусами тепла и Ю. ЮВ.—вѣтромъ, теплымъ и сильнымъ, но это еще не весна. Въ этихъ широтахъ Большеземельской тундры еще много разъ подуетъ суровый сѣверъ и много разъ покроются льдомъ всякія проталинки и лужицы. Но дѣло не въ томъ, что будетъ, а въ томъ, что у насъ сегодня три градуса тепла, и мы наслаждаемся весной. Мы очень скромны.

2 мая. Пріѣхалъ Павловскій приказчикъ Терентьевъ и разсказывалъ, что этой зимой два самоѣда на островѣ Матвѣевѣ съ ноября достали: девять моржей, одного бѣлаго медвѣдя, десять нерпъ и девять морскихъ зайцевъ. О такой добычѣ онъ зналъ семь недѣль тому назадъ, т. е. еще въ началѣ промысла. Теперь, конечно, они достали гораздо больше *).

Сегодня я сдѣлалъ новое открытіе въ кулинарномъ искусствѣ Ирины. Она захотѣла насъ угостить аладьями изъ бѣ-

*) По цѣнѣ Вайгача моржъ (средней величины) стоитъ 40 р., заяцъ —15 р., нерпа—2 р. 50 к. и медвѣдь—30 р. Всего по дешевой цѣнѣ Вайгача—775 р. По цѣнѣ Пустозерска: бѣлый медвѣдь—40 р., моржъ 55 р., заяцъ 20 р., нерпа—3 р. 60 к. Итого за все—1075 р. (это дешевая цѣна).

лой пшеничной муки. Но, такъ какъ тѣсто тянулось и льнуло къ лопаткѣ, то Ирина разрѣшила очень легко эту кулинарную загадку. Она просто откусывала тѣсто отъ лопатки и выплевывала его на горячую сковородку.

4-го мая перешли мы Хайпутырскую губу съ «Перевознаго носа» по неподвижнымъ ледянымъ торосамъ.

Прошли около старой развалившейся лодки, подъ которой лежали скелеты самоѣда и самоѣдки. Мои спутники мнѣ пояснили, что это мужъ и жена, которые наѣлись зачумленныхъ оленей и померли. Работниковъ у нихъ не было и похоронить ихъ было некому; тамъ, гдѣ они, пообѣдавъ померли, они и остались навсегда.

10 мая я отправился на лыжахъ. Кругомъ все было сѣромонотонно. Я поднялся изъ одной впадины и увидѣлъ впереди гигантскія горы. Страшно этому обрадовался, такъ какъ плоская тундра давно мнѣ надоѣла, да къ тому же я много уже написалъ и этюдовъ такой равнины, и теперь эти горы пріятно разнообразили сюжетъ для кисти. Но я удивлялся одному, почему же ни самоѣды, ни пустозеры ничего не говорили мнѣ объ этихъ горахъ, хотя я спрашивалъ ихъ неоднократно объ этомъ, и они неизмѣнно отвѣчали, что теперь вплоть до Вайгача горъ по дорогѣ не будетъ. Такъ размышляя, я прошелъ шаговъ пятнадцать, и дѣло объяснилось очень просто. Я замѣтилъ, что эти гигантскія горы быстро стали приближаться ко мнѣ и черезъ какихъ-нибудь еще десять-пятнадцать шаговъ онѣ лежали подъ моими ногами. Это были ничтожныя кочки, вытаявшія изъ подъ снѣга и, вслѣдствіе рефракціи, на нѣсколько минутъ превратившіяся въ исполинскія горы. Здѣсь въ этомъ отношеніи бываютъ прямо чудеса. Былъ я какъ-то разъ у одного самоѣда въ гостяхъ, и когда мы поѣхали съ нимъ обратно ко мнѣ въ

чумъ, то замѣтили, верстъ, такъ, на пять отъ чума этого самоѣда, оленей. Самоѣдъ началъ безпокоиться: «эко дѣло, это мои олени; пастухи оставили ихъ, не собрали, а ночью ихъ тутъ съѣдятъ волки»! Проѣхали еще немного и вдругъ видимъ: олени уже не одни, а запряжены четверками и тройками въ нарты, и на нихъ кто-то ѣдетъ на насъ. Мой самоѣдъ началъ строить планы и догадки, кто-бы это могъ быть. Но вотъ проѣхали еще, и нарты съ оленями превратились въ что-то другое. Я говорю тихонько самоѣду — «стрѣляй». Онъ смотритъ на меня изумленными глазами. Но въ это время эти странныя формы заколыхались и завытянулись въ длинныя ленты; еще одинъ моментъ, и онѣ поднялись немного надъ землей; оказалось, это были самые обыкновенные гуси. Самоѣдъ сидѣлъ на нартахъ, выпустивъ изъ рукъ мэтыни (возжу) и, дико блуждая глазами, говорилъ: «отте, цёртъ, отте цёртъ»!...

Сегодня самоѣдка меня убила! Только что стали на мѣсто, поставили чумъ и усѣлись за чай, какъ слышу подозрительный звукъ — «трахъ»!..., и самоѣдка со словами — «у дьяволъ, хальмеръ» *), поворачиваетъ ребенка заднимъ фасадомъ ко мнѣ, заворачиваетъ ему малицу и начинаетъ выскребать испражненія тѣмъ самымъ ножемъ, которымъ всегда рѣзала мясо и кокетливо мнѣ подавала. Покончивъ съ малицей, она два-три раза отерла ножикъ о снѣгъ, и вынувъ вареное теплое мясо, принялась рѣзать его. Но сегодня я мяса не ѣлъ...

Къ востоку отъ Хайпутырской губы волковъ уже совершенно нѣтъ, и мои хозяева по ночамъ не дежурятъ и не пасутъ оленей. А потому у Павла нашлось много времени, и онъ то и дѣло уѣзжалъ въ тундру и торговалъ водкой.

---

*) Хальмеръ — покойникъ. Самая большая ругань по самоѣдски.

А. А. Борисовъ.

Чумъ и хозяйство самоѣда-рыбака на берегу Ледовитаго океана.

Случалось, что и въ моемъ присутствіи онъ продавалъ ее и бралъ по рублю за бутылку, или за двѣ, за три бутылки — оленя. Это былъ единственный случай, чтобы самоѣдъ торговалъ водкой и при томъ не пилъ самъ своей водки ни одной капли. Другое дѣло, когда его угощали купленной у него же: тогда онъ пилъ.

Шли близъ моря по такъ называемому «муру» — по очень низкому травянистому берегу. Берегъ былъ настолько низокъ, что невозможно было подъ снѣгомъ замѣтить,—гдѣ кончалась земля и гдѣ начиналась вода. Только плавучій лѣсъ обличалъ, что это земля. Сегодня послѣ четырехъ градусовъ тепла четыре градуса мороза, да къ тому же сильный вѣтеръ съ С. С. З. Мятель. Пеструшки уже болѣе не бѣгаютъ, какъ прошлыми ночами, и чайки не кричатъ. Опять водворилась тишина, нарушаемая только воемъ вѣтра, да развѣ иногда пронзительнымъ крикомъ одинокой полярной совы. Все снова покрылось снѣгомъ, и показавшаяся было такая славная весна опять погребена вьюгой и снѣгомъ. Какъ здѣсь все дѣлается скоро!

Остановились на холмѣ, который ничего особеннаго изъ себя не представлялъ. Онъ былъ покрытъ множествомъ отдѣльныхъ маленькихъ кочекъ, которыя весьма богаты бѣлымъ мхомъ и даютъ обильную пищу оленямъ. Для остановокъ холмы эти обыкновенно выбираются безъ снѣга, (или вѣрнѣе въ данную минуту подъ свѣжимъ снѣгомъ), чтобы усталымъ оленямъ удобнѣе было доставать себѣ пищу. Вправо — устье рѣки Талаты, дальше прямо — довольно высокія террасы, окаймляющія эту рѣку. Немного влѣво — три чума; эти самоѣды, какъ и мы, тянутся, къ Югорскому Шару.

Здѣсь меня угощали молодыми оленьими рогами. Отрѣзавъ у живого оленя мягкіе концы роговъ, самоѣды бросаютъ

ихъ въ огонь и, опаливъ шерсть, выскабливаютъ ее ножемъ. Молодые рога у самоѣдовъ считаются лакомствомъ и совершенно справедливо: дѣйствительно, хрящевидные концы роговъ приготовленные «à la самоѣдъ», очень вкусны, но операція отрѣзанья роговъ невѣроятно мучительна для животнаго. Молодые рога—это самое чувствительное мѣсто оленя. Если взять за концы роговъ, то на ощупь они очень горячи, и слышенъ усиленный пульсъ. Бывало, усталый олень лежитъ, какъ мертвый, когда его травятъ собаками, но, когда его начинаютъ бить по этимъ рогамъ, онъ вскакиваетъ, какъ шальной. Чтобы отрѣзать мягкіе концы роговъ, самоѣды спутываютъ оленю ноги и валятъ его на землю. Шкуру обрѣзаютъ кругомъ ножемъ, а хрящъ ломаютъ силой, часто черезъ колѣно. Олень неистово корчится въ мукахъ, и, когда отрѣжутъ верхушки роговъ, кровь изъ остатковъ ихъ брызжетъ фонтаномъ. Рога затѣмъ перетягиваются мочалкой, и, если кровь продолжаетъ итти, самоѣды затыкаютъ артеріи просто ножемъ, какъ конопаткой. Олень ходитъ, какъ пьяный; вся голова его въ крови; но пройдетъ шесть-семь дней, и этотъ самый олень быстро добрѣетъ, оставляя далеко за собой въ дородствѣ своихъ товарищей съ рогами. Рога у такого оленя на этотъ годъ уже больше не ростутъ, и все питаніе идетъ на его организмъ.

Послѣ небольшого перехода около семнадцати верстъ, мы остановились у маленькой рѣчки, называемой Бѣлькова, въ концѣ губы этого-же названія, находящейся между материкомъ и Бѣльковымъ носомъ (по самоѣдски—Яръ-Саля, что значитъ песчаный носъ).

Бѣльковъ носъ—пунктъ, куда г. Голохвастовъ предполагалъ провести желѣзную дорогу съ рѣки Оби; но, вслѣдствіе моихъ писемъ и полемическихъ статей въ «Новомъ Вре-

мени» по этому предмету, планъ этотъ былъ отброшенъ. Въ самомъ дѣлѣ, море около Бѣлькова носа такъ мелко, что самоѣды не могутъ пристать даже на своихъ маленькихъ лодкахъ. Хорошей гаванью, закрытой съ востока мелями и островомъ Долгимъ отъ доступа карскихъ льдовъ, могъ бы служить Медынскій Заворотъ, заливъ, защищенный отъ всѣхъ вѣтровъ, глубиною въ 24 фута во время отлива.

Я все продолжалъ итти пѣшкомъ. Какъ-то разъ я уклонился отъ моего пути вправо на холмы, мѣстами каменистые и обрывистые. На одномъ изъ такихъ холмовъ нашелъ гнѣздо сарыча (по самоѣдски ыера). Оно было устроено надъ самымъ обрывомъ, и мнѣ пришлось обойти холмъ кругомъ, чтобы отыскать гдѣ-нибудь возможный подъемъ. Гнѣздо было выстлано немного вѣтвями, а больше кореньями ползучей ивы; тутъ же валялся старый распущенный канатъ; пуху въ гнѣздѣ никакого. По срединѣ гнѣзда лежало только одно сине-бѣловатое яйцо, величиною съ куриное, мѣстами забрызганное темными, слегка коричневатыми крапинами. Когда я разсматривалъ гнѣздо, сарычи все время кружились съ мяуканьемъ кошки надъ моей головой. Иногда они налетали такъ близко, что того и гляди, какъ бы не сорвали шапку. Пройдя еще версты четыре, я нашелъ гнѣздо полярной совы. Устройство этого гнѣзда нисколько не было похоже на гнѣздо сарыча. Оно было безъ всякой подстилки, а подъ яйцами было едва замѣтное природное углубленіе. Яицъ было шесть, но самоѣды говорятъ, что ихъ бываетъ десять — двѣнадцать штукъ, хотя при такомъ обиліи сова высиживаетъ сознательно не всѣ. Яйца величиною немного болѣе куриныхъ и такъ же, какъ у курицы, совершенно бѣлы и безъ всякихъ пятенъ, только бѣлизна немного прозрачно-синеватая. Совы, подобно сарычамъ, носились

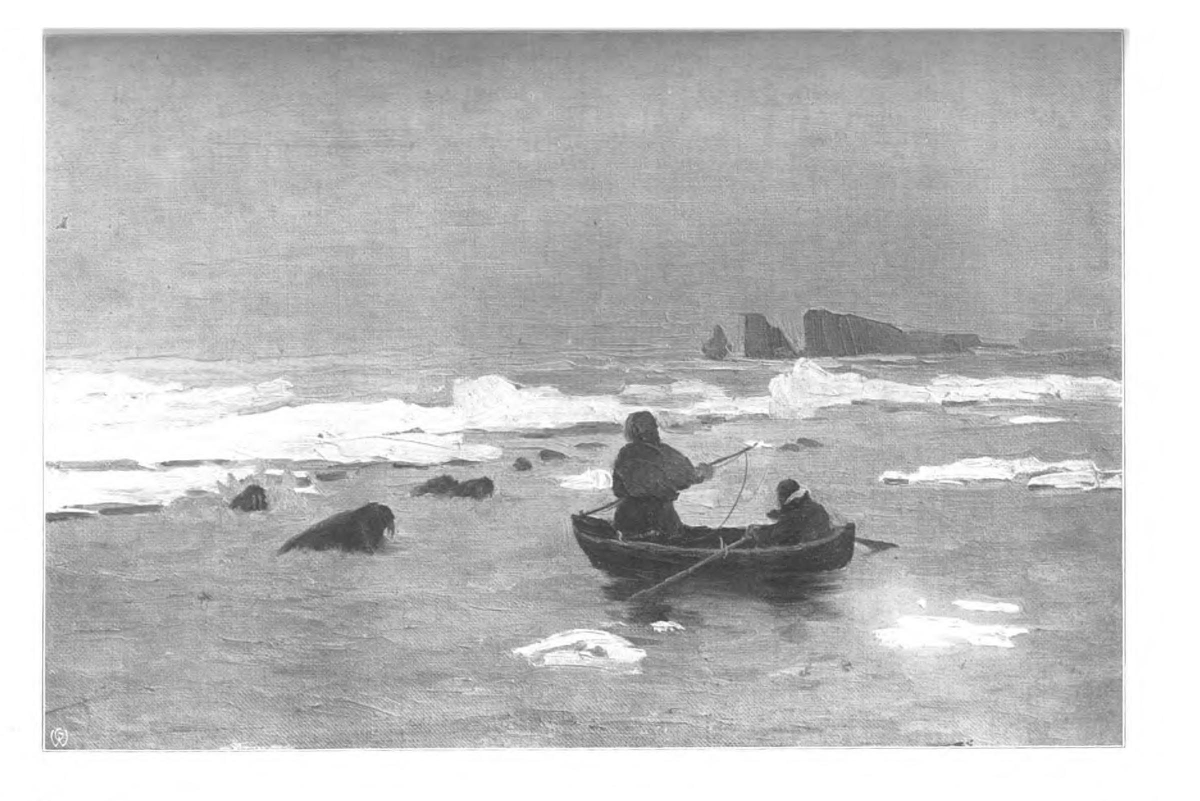
надъ моей головой; впослѣдствіи однако я наблюдалъ, что, при приближеніи къ гнѣзду, самка улетаетъ далеко отъ гнѣзда и не подпускаетъ на выстрѣлъ, самецъ же, напротивъ защищаетъ гнѣздо; онъ то совсѣмъ близко надлетаетъ съ какимъ-то яростнымъ шипѣньемъ и кажется готовъ проломить голову *), то притворится хворымъ, чтобы отвести отъ гнѣзда, вытягиваетъ оба крыла и едва-едва не ползетъ по землѣ, то какъ-то особенно запищитъ. Сарычи-же ревностно защищаютъ свое гнѣздо оба, и супругъ и супруга.

У самоѣдовъ есть странное повѣрье, что совы и соколы останавливаютъ гусей въ тундрѣ. Я впослѣдствіи долго наблюдалъ и убѣдился въ правильности этого повѣрья. Дѣйствительно, тамъ, гдѣ есть гнѣзда соколовъ, непремѣнно много и гусей, и съ перваго взгляда это кажется какой-то несообразностью, такъ какъ соколы чрезвычайно любятъ полакомиться гусями, и что̀ за охота гусямъ жить вблизи такихъ непріятныхъ сосѣдей. Но дѣло въ томъ, что у гусей есть еще бо̀льшіе враги—песцы, и вотъ гуси выбираютъ изъ двухъ золъ меньшее. Гдѣ соколы или совы выбрали мѣсто для гнѣздовьевъ, тамъ песецъ боится показаться, ибо тѣ сейчасъ же заклюютъ его. Я самъ былъ очевидцемъ, какъ одна сова налетѣла на моего пса и поддернула его за шерсть къ верху; послѣ этого собака ни за что не хотѣла отойти отъ меня и на полшага. Такимъ образомъ, гуси преспокойно гнѣздятся подъ случайной, но мощной защитой совы или сокола.

Во время моего пути на лыжахъ мой костюмъ состоялъ изъ мѣхового пиджака, обыкновенныхъ панталонъ, нерпичьихъ

---

*) Онъ такъ близко подлетаетъ, что самоѣды въ это время его убиваютъ хореемъ, тогда какъ хитрая сова въ другое время года ни за что не подпускаетъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла.

А. А. Борисовъ. На моржа.

пимовъ и оленьей шапки; подъ пиджакомъ я носилъ поморскую шерстяную рубаху. Этотъ костюмъ я нахожу очень легкимъ и совершенно теплымъ, даже и при 20-ти градусномъ съ вѣтромъ морозѣ.

Въ экскурсіи на лыжахъ я непремѣнно бралъ всегда съ собой самоѣдскую лайку, которую я купилъ себѣ въ Усть-Цыльмѣ. Однажды, когда я зашелъ въ сосѣдній чумъ самоѣды чистосердечно признались мнѣ, что, «вотъ-молъ, какъ ты только показался вонъ изъ-за тѣхъ холмовъ, наша старуха и говоритъ: вонъ, смотрите, идетъ какой-то человѣкъ, какой онъ, въ тундрѣ пѣшкомъ, поди, какой не добрый, надо-бы его убить; и мы уже вытащили винтовку, чтобы тебя пристрѣлить, да увидѣли собаку; а, съ собакой! Ну, значитъ, это хорошій человѣкъ!..» Они тутъ-же мнѣ разсказали о происшествіи въ Большеземельской тундрѣ съ однимъ глухонѣмымъ; кто былъ въ дѣйствительности этотъ человѣкъ, такъ и осталось до сихъ поръ загадкой. «Ѣдемъ мы разъ», разсказывали они, «около Пэ-Яги, и вдругъ я вижу, отсталъ олень. Я и говорю моимъ ребятамъ — э, дьяволы, оставили оленя, поѣзжайте и пригоните его. Они отвязали аргышъ, который вели, и на однихъ нартахъ на четверкѣ оленей поѣхали. Но смотрю, ѣдутъ назадъ, что-есть-духу, не забравши оленя. Пріѣзжаютъ и говорятъ: да это не олень, это какой-то человѣкъ лежитъ, не знаемъ, живой или мертвый. Я взялъ у нихъ сани, а ихъ посадилъ на мои съ аргышомъ и поѣхалъ. Пріѣзжаю, смотрю, дѣйствительно человѣкъ; зову — не отвѣчаетъ; потрогалъ—еще немного теплый. Ну, значитъ, еще немного живой; взвалилъ его на нарты, привезъ къ себѣ и сейчасъ же остановился. Поставили чумъ, отпустили оленей на волю, а его внесли въ чумъ. Отогрѣли. Запошевеливался, а ничего не го-

воритъ. Дали чаю—пьетъ, дали мяса—ѣстъ. Ну, думаю, ладно. На другой день нашъ человѣкъ ожилъ совсѣмъ, а все не говоритъ и показываетъ рукой, что онъ нѣмой. А кто его знаетъ, можетъ и притворился? Вотъ и ѣхалъ онъ съ нами до Югорскаго Шара: куда его бросишь, вѣдь замерзнетъ. Одежда худая — пальто, малицы нѣтъ; не самоѣдъ. Да вотъ какъ только стали подходить къ Югорскому Шару, онъ и показываетъ рукой, что туда не пойдетъ, а пойдетъ вонъ туда по чумамъ, къ рѣкѣ Усѣ. Да такъ и шелъ: сегодня у одного переночуетъ, а завтра у другого самоѣда (тогда уже было тепло, весной). Вотъ онъ и дошелъ до Усы и поселился у одного самоѣда, жилъ у него и пасъ его оленей. Но только пріѣзжаетъ другой самоѣдъ и говоритъ, что̀ это у тебя за человѣкъ, давай убьемъ его, поди не добрый. И вотъ этотъ человѣкъ, хотя былъ и глухой и нѣмой, а услышалъ, или понялъ какъ, что убить хотятъ его и этой-же ночью неизвѣстно куда-то скрылся, и никто его уже больше въ тундрѣ никогда не видалъ... А черезъ недѣлю—страшный падежъ на оленей. Вотъ онъ и ходилъ по тундрѣ, да разносилъ болѣзнь. Вотъ и надо-бы убить его, какъ нашли, и не было-бы падежа на оленей».

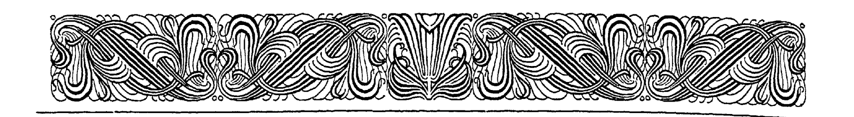
Я уже давно перебрался, такъ сказать, на дачу: со своимъ мѣшкомъ я началъ переселяться изъ чума подъ открытое небо; ужъ очень въ чуму и душно и вонько. Но зато и здѣсь были свои непріятныя стороны. Такъ, напримѣръ, сегодня я крѣпко заснулъ, пошелъ дождь, и я проснулся въ водѣ. Противно. Кое-какъ подъ сильнымъ дождемъ одѣлся и потащилъ свой мѣшокъ въ чумъ; натаскалъ дровъ, развелъ огонь и надъ огнемъ началъ сушить мѣшокъ. А днемъ опять исторія: такъ какъ ночью я не спалъ, то заснулъ во время перехода на

оленяхъ въ аргышѣ на своихъ саняхъ, но при переходѣ черезъ рѣку Сятъ-Ягу мѣшокъ мой всплылъ вмѣстѣ со мной и съ санями; и я такимъ образомъ принялъ убійственно холодную ванну.

Здѣсь на берегу довольно высоко стояло двое саней, навьюченныхъ самоѣдскимъ имуществомъ. Самоѣды мнѣ пояснили, что это кладовыя сани. Чтобы не возить съ собой лѣтомъ по тундрѣ весь свой зимній обиходъ, самоѣды упаковываютъ его на сани и оставляютъ гдѣ-нибудь въ тундрѣ. Раньше его никто не воровалъ, а теперь цивилизація проникаетъ и туда — начинаютъ воровать.

Сегодня я былъ буквально пораженъ обиліемъ пеструшекъ (ихъ здѣсь зовутъ просто мышами). Ихъ такъ много, что на нѣкоторыхъ холмахъ на каждую квадратную четверть аршина приходилось по одной. Онѣ неимовѣрно сновали и суетились, и когда подбѣгалъ мой песъ «Ефимъ», онѣ преуморительно кидались къ своимъ норамъ и старались втиснуться сразу по нѣсколько штукъ, застрѣвали и толкались на мѣстѣ. Собака сначала бойко бѣгала за ними, но потомъ наѣлась и едва поворачивалась.

Сегодня, 15 мая, я достигъ, наконецъ, Югорскаго Шара (селеніе Никольское). Все разстояніе отъ Пустозерска до Югорскаго Шара мною пройдено было въ сорокъ сутокъ; до Хайпутырской губы на оленяхъ, а отъ Хайпутырской губы (Няуко-Саля, Нерпичій носъ), около двухсотъ верстъ, на лыжахъ.

Глава шестая.

Югорскій Шаръ.—Селеніе Никольское.—Женитьба у самоѣдовъ.—Ихъ поэзія.—Промыслы.—Торговцы и эксплоатація самоѣдовъ — Роль водки при мѣновой торговлѣ съ ними.

Селеніе Никольское находится на берегу Югорскаго Шара, отдѣляющаго о. Вайгачъ отъ материка. Зимой оно необитаемо, и только лѣтомъ дѣлается оживленнымъ торговымъ пунктомъ Большеземельской тундры и о. Вайгача. Сюда самоѣды тащатъ все, что только можно продать или заложить русскимъ торговцамъ; все, что достанутъ они впродолженіе долгой полярной зимы на о. Вайгачѣ: шкуры бѣлаго медвѣдя, моржа, морского зайца, ворвань, пухъ, рыбу и проч. На Вайгачѣ у самоѣдовъ существуетъ въ нѣкоторомъ родѣ даже артельное начало. Такъ, напримѣръ, одни самоѣды промышляютъ звѣря, а другіе, человѣка три-четыре, пасутъ оленей и получаютъ со всѣхъ остальныхъ (у кого есть олени) извѣстный паекъ. Оленеводство на о. Вайгачѣ очень рискованно. Хотя здѣсь моху и много, вслѣдствіе немногочисленности оленей, но иногда бываютъ гололедицы, и олени гибнутъ отъ голода всѣ до одного. Зато лѣтомъ для оленя здѣсь приволье. И не даромъ всѣ русаки съ Югорскаго Шара оставляютъ оленей на о. Вайгачѣ; весною они гонятъ ихъ туда по льду черезъ Югорскій Шаръ, а лѣтомъ въ августѣ обратно вплавь.

Въ 1898 году лѣтомъ на Югорскомъ Шарѣ жило около пятнадцати человѣкъ русскихъ, считая въ томъ числѣ священ-

А. А. Борисовъ. Общій видъ селенія Никольскаго.

ника и псаломщика, которые ежегодно посылаются сюда весной на средства добраго человѣка, А. М. Сибирякова. А. М. Сибиряковъ выстроилъ здѣсь новую, великолѣпную деревянную церковь и большой домъ съ кладовыми. Кромѣ того, имъ же выстроенъ огромный амбаръ для склада самоѣдамъ ихъ промысловъ; но, къ сожалѣнію, этотъ амбаръ былъ покрытъ толемъ и его частью ободрало вѣтромъ, а частью самоѣды перетаскали себѣ на чумы; если не будетъ обращено своевременно должное вниманіе, то онъ безвременно сгніетъ. А будетъ жаль: вѣдь, говорятъ, онъ стоилъ Сибирякову больше 10.000 р.

А. М. Сибиряковъ предполагалъ на Югорскомъ Шарѣ основать монастырь, но монахи, вслѣдствіе плохого питанія, померли въ одну зиму; они, по обѣту монашеской жизни, не ѣли мяса и пали жертвой цынги. Теперь только желтый надгробный крестъ свидѣтельствуетъ объ ихъ участи.

Здѣсь въ лѣтнюю пору священникъ Тельвисочной самоѣдской церкви (съ Печоры) исполняетъ требы самоѣдовъ. Онъ креститъ дѣтей, иногда десяти лѣтъ отъ роду и болѣе, отпѣваетъ умершихъ и вѣнчаетъ свадьбы. Самоѣды, въ сущности говоря, всѣ идолопоклонники, но номинально они христіане, и вѣнчаются больше, конечно, для моды, чѣмъ по убѣжденію. У нихъ существуетъ многоженство. Мнѣ лично приходилось жить у самоѣда, у котораго было двѣ жены—«старый жёнка и молодой», но за Камнемъ, т. е. за Уральскимъ хребтомъ, какъ мнѣ говорили, бываетъ по три и болѣе женъ.

Самоѣдъ, когда захочетъ жениться, или самъ или сынъ, беретъ полведра водки и ѣдетъ въ чумъ своей «суженой». Пріѣхавъ туда, онъ долженъ напоить до безчувствія и «предметъ своей страсти» и родныхъ ея и только послѣ этого угощенія онъ смѣетъ говорить о цѣли своего пріѣзда; иначе

его со смѣхомъ прогонятъ. Идутъ споры о выкупѣ и, смотря по богатству самоѣда, даютъ за невѣстой извѣстное количество оленей, и счастливый женихъ, напоивъ всѣхъ еще два, три раза, забираетъ невѣсту, и свадьба готова.

Свадебныхъ пѣсенъ я не слыхалъ; да и вообще пѣсенъ у самоѣдовъ нѣтъ; когда онъ ѣдетъ на оленяхъ, онъ часто просто мурлыкаетъ на однообразный мотивъ свою импровизацію; или сидитъ пьяный, и однообразно, въ тактъ, съ боку на бокъ покачиваясь, мурлыкаетъ о томъ, — что у него есть жена, есть много собакъ или оленей, есть ружье, что онъ поѣдетъ на звѣря, а назадъ возвратится усталый, озябшій, и жена его встрѣтитъ; она уже сварила «котелъ» и приготовила чайникъ; весной придутъ русаки и дадутъ ему водки и т. д. и т. д. Или, напримѣръ, одна самоѣдка, которую мнѣ приходилось наблюдать, взяла почему-то два неприличныхъ русскихъ слова и, покачиваясь съ боку на бокъ, въ тактъ пѣла ихъ безъ конца. Вотъ и вся поэзія. Сказки тоже никогда не говорятъ ни о любви, ни о поэзіи; напротивъ, всегда о насущномъ хлѣбѣ: «они помирали съ голоду; шли, замерзая въ снѣгу. Но вотъ дошли до рыбнаго озера, наловили рыбы, наѣлись. Или убили дикаря (дикаго оленя) и тоже наѣлись. Или вотъ на нихъ напали дикіе великаны-тугусеи (очевидно тунгузы), покорили ихъ и держали вмѣсто оленей въ запряжкѣ. Возили на нихъ возы — аргыши, а также перекочевывали и сами съ мѣста на мѣсто». Вотъ и всѣ сказки и былины самоѣдовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что прежде самоѣды были обитателями болѣе южныхъ широтъ Азіи. Они, какъ болѣе слабые и менѣе культурные, были тѣснимы сильными сосѣдями съ юга и наконецъ достигли Ледовитаго океана, конца земли,

А. А. Борисовъ. Церковь, построенная извѣстнымъ покровителемъ самоѣдовъ А. М. Сибиряковымъ въ селеніи Никольскомъ. (Югорскій шаръ.)

какъ они говорятъ и дальше имъ итти некуда. Здѣсь они обречены или возродиться или на вырожденіе. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только одѣть въ самоѣдскую малицу корейца или японца, и тогда этихъ послѣднихъ ни за что не отличить отъ самоѣдовъ: такъ самоѣды похожи на нихъ и обратно—тѣ на самоѣдовъ. Но самоѣды нисколько не похожи ни на татаръ, ни на зырянъ, ни на финновъ или лопарей.

По берегамъ Югорскаго Шара впродолженіе всего лѣта самоѣды неводомъ ловятъ рыбу. Преимущественно ловится омуль, а также немного сигъ и еще меньше голецъ*). Трески здѣсь не ловятъ и объ ярусахъ не имѣютъ и понятія **). Хотя мнѣ говорилъ одинъ самоѣдъ, что разъ, когда былъ NW-ый вѣтеръ невѣроятной силы и когда буря стихла, онъ пошелъ по берегу Югорскаго Шара и весь берегъ былъ заваленъ треской; огромными волнами ее выкидало на берегъ и самоѣды собирали и ѣли ее.

Промыслы здѣсь вообще поставлены очень примитивно и скверно. Здѣсь, а въ особенности около береговъ о. Вайгача то и дѣло показываются огромныя стада бѣлухи (изъ породы дельфиновъ), но никто здѣсь этого звѣря не промышляетъ. Кѣмъ-то (кажется А. М. Сибиряковымъ) были даже доставлены спеціальныя сѣти для ловли бѣлухи, но при отсутствіи всякой организаціи все это кончилось печально: дорого стоющія сѣти сгнили. Я видѣлъ остатки ихъ; онѣ висѣли въ сибиряковскомъ амбарѣ и догнивали. Русскіе давно прекратили всякіе промыслы и не идутъ теперь на зимовье на о. Вайгачъ или на новую Землю и Грумонтъ (Шпицбергенъ).

---

*) Цѣна омуля на мѣстѣ по 2 руб. за пудъ, цѣна сиговъ по 1 руб. за пудъ.

**) Ярусъ — длинная веревка съ крючками; употребляется на Мурманѣ для ловли трески и другой рыбы.

Теперь они, не рискуютъ какъ въ былое славное время. Теперь мѣсто ихъ заняли норвежцы. Они бьютъ тюленей въ нашемъ Бѣломъ морѣ, а моржей въ Карскомъ, на Шараповыхъ кошкахъ. Норвежцы вывозятъ оттуда нерѣдко по два и по три груза, не смотря на короткое лѣто. Русскіе какъ-то опустились, и куда дѣлась ихъ былая энергія?! Здѣсь они предпочитаютъ покупать готовое, облѣнились. И грустно становится, когда вспомнишь времена Баренца, который триста лѣтъ тому назадъ попалъ въ наши моря и удивлялся искусству русскихъ прекрасно строить суда, искусству умѣло управляться въ морѣ, ихъ гигантской отвагѣ и русской предпріимчивости. Но съ тѣхъ поръ кораблестроеніе наше деревянныхъ судовъ дальше не подвинулось и точно замерло. А наши сосѣди все идутъ, да идутъ впередъ!

Въ августѣ здѣсь бьютъ много домашнихъ оленей на солонину. Это время наиболѣе выгодно для убоя; тогда мясо лучше, чѣмъ когда-либо: оно жирное и питательное. Шкуры тоже сравнительно цѣнятся; онѣ идутъ на малицы и въ огромномъ количествѣ на замшу, такъ какъ шкура тогда толста и безъ всякихъ дыръ. Въ особенности цѣнятся шкуры молодого оленя, родившагося въ маѣ текущаго года, потому что шкуры эти безъ всякихъ пятенъ съ тѣльной стороны; шкуры же отъ старыхъ оленей—въ пятнахъ отъ такъ называемыхъ свищей, т. е. отъ личинокъ овода *). Оленей для убоя сгоняютъ въ одно мѣсто, версты за три, за четыре отъ селенія и ловятъ арканомъ. Ударяютъ ножомъ въ спинную артерію сверху около головы, а потомъ перевертываютъ его на спину и вонзаютъ

*) Если содрать шкуру оленя въ іюнѣ, она будетъ вся въ дырахъ отъ этихъ личинокъ; къ осени хотя дыры и заростаютъ, но остаются пятна, и для замши эта шкура менѣе пригодна.

А. А. Борисовъ.

Приготовленіе самоѣдомъ ворвани
въ Югорскомъ Шарѣ.

ножъ подъ лѣвую лопатку въ сердце. Переколовъ такъ сотни двѣ, три, сдираютъ шкуры, а мясо разрубаютъ на куски и укладываютъ въ бочки.

Въ сентябрѣ оленеводы и торговцы съ товарами, вымѣнянными у самоѣдовъ, отправляются обратно съ Югорскаго Шара. Прежде они возили все, какъ и весной, на оленяхъ, а теперь все тяжелое — ворвань и проч., отправляютъ на пароходахъ срочнаго Архангельскаго Мурманскаго пароходства.

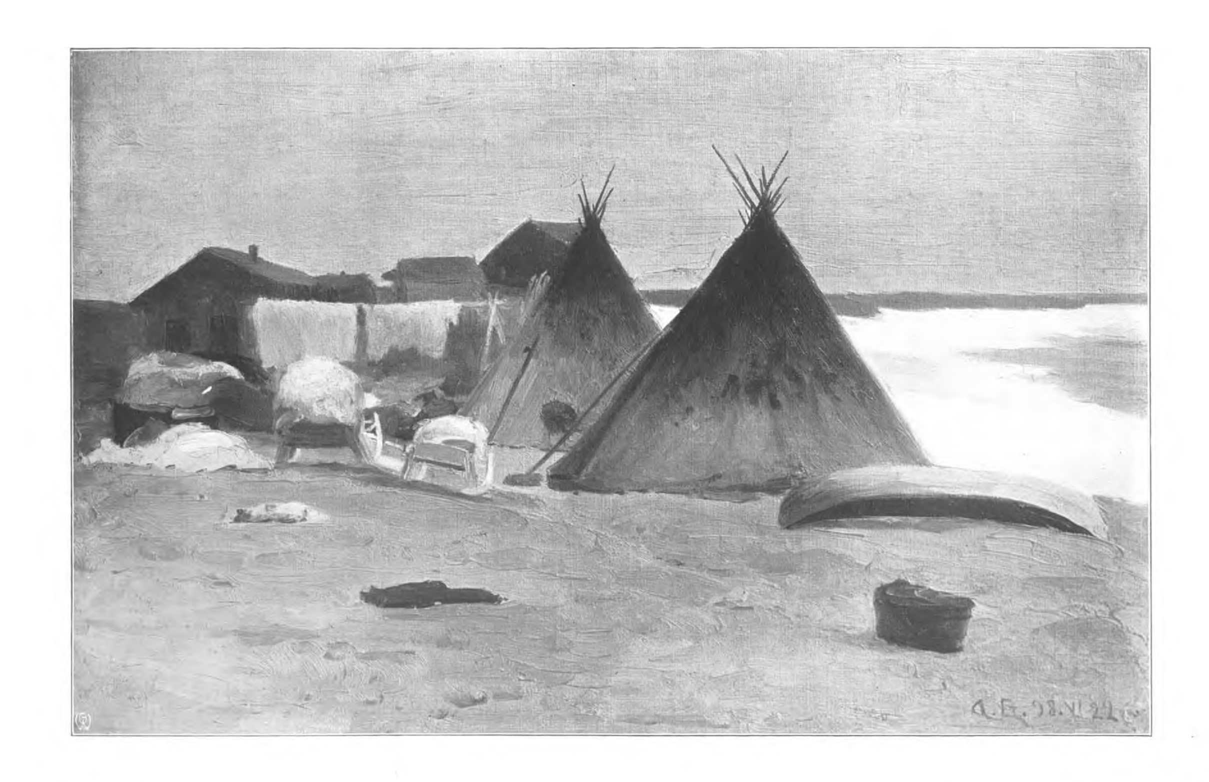
Торговцамъ чрезвычайно выгодно покупать все у самоѣдовъ не на деньги, а на товаръ, и еще выгоднѣе на водку. Это послѣднее средство здѣсь удивительно въ большомъ ходу. Ни одно дѣло, даже весьма небольшое, не дѣлается безъ водки. Самая малая покупка, напримѣръ одного пуда омуля, и та непремѣнно сначала смазывается водкой. Если же самоѣдъ къ «несчастью своему» уловилъ шесть-семь пудовъ этой прекрасной рыбы, то онъ, бѣдный, продавъ рыбу сначала, какъ и водится, на деньги, тутъ же пропиваетъ ихъ, платя по рублю за бутылку скверной водки, при чемъ уѣзжаетъ въ долгахъ у торговцевъ. Когда самоѣдъ спуститъ все вырученное отъ продажи, торговцы даютъ ему водку и въ долгъ, если это еще сравнительно въ началѣ лѣта, и слѣдовательно есть надежда на то, что самоѣдъ еще можетъ уловить и заплатить рыбой за выпитое вино. Если же ничего подобнаго не предвидится, то конечно, самоѣдъ, не получитъ ни капли водки, даже самой гадкой, и, несчастный, съ болью въ головѣ и съ тяжелыми мыслями на сердцѣ, ѣдетъ изъ ненавистнаго ему тогда Хабарова въ свой голодный чумъ гдѣ-то на берегу Ледовитаго океана Большеземельской тундры или на о. Вайгачъ. Но вотъ попало рыбешки, убилъ, Богъ знаетъ какъ, какую-то запоздалую нерпу, или просто-на-просто удалось

вытащить неводомъ тяжело раненую ранѣе, и самоѣдъ съ женой повеселѣли. Теперь ужъ онъ не будетъ ловить рыбы и не поѣдетъ на звѣря, хотя бы того и другого было вдоволь. У него тогда другое на умѣ. Онъ ждетъ попутнаго вѣтра, чтобы, направивъ свой утлый карбасъ, съ дырявымъ, съ милліонами заплатъ, парусомъ, нестись съ быстротой, конечно, такого паруса въ безконечно теперь для него прекрасное и веселое Хабарово и пропить все до-чиста и, если возможно, остаться на долгое время въ долгу у торговцевъ. Жены самоѣдовъ нисколько не останавливаютъ своихъ мужей и не препятствуютъ имъ пропивать послѣднее. Напротивъ, если мужъ не можетъ достать водки, тогда онѣ говорятъ, что онъ плохой самоѣдъ, и готовы, кажется, заложить или продать всѣхъ до послѣдняго своихъ дѣтей, чтобы только достать хоть съ полбутылки драгоцѣннаго напитка. Разумѣется, самоѣды стараются находить всевозможныя средства для удовлетворенія своей страсти, своей завѣтной мечты. А въ такія минуты удивительно ловко, да это и не трудно, пользуются нѣкоторые безжалостные и ловкіе торговцы. Водка — это отрава тундры; она убиваетъ въ самоѣдахъ всякое человѣческое чувство; она дѣлаетъ ихъ жалкими, низкими, гадкими до омерзенія. Въ трезвомъ видѣ самоѣды обыкновенно въ высокой степени симпатичны, добры, въ пьяномъ — отвратительны. Если не будутъ приняты скорыя энергичныя мѣры къ пресѣченію такой убійственной торговли виномъ, то тундрѣ грозитъ серьезное бѣдствіе, и тогда со стороны правительства потребуются и болѣе сложныя мѣры и расходы. Когда на Югорскомъ Шарѣ русаковъ и зырянъ нѣтъ (зимой и весной), пропившіеся самоѣды стараются наверстать потерянное. Воровство здѣсь уже начинаетъ принимать все большіе и большіе размѣры. Оно, какъ мнѣ кажется,

попало на хорошую, вполнѣ подготовленную почву. Отъ водки организмъ расшатанъ, разсудокъ помраченъ, человѣкъ приниженъ и обезличенъ. Чего-жъ ему ждать? Одно остается — продолжать въ томъ же духѣ и снова искать средствъ на водку. Теперь оленьи стада уже не могутъ ходить отдѣльно; были и такіе примѣры, что воровали сразу по восемьсотъ штукъ. Самоѣдъ не можетъ, какъ въ былое недавнее, прекрасное, простое время, спокойно, оставить свое жалкое зимнее имущество на лѣто гдѣ-нибудь въ тундрѣ: его тоже воруютъ. Ни одинъ самоѣдъ не можетъ поручиться за себя, что на морскихъ промыслахъ его не убьетъ изъ винтовки его же товарищъ. Дѣло въ томъ, что, какъ я уже сказалъ, человѣкъ исковерканъ; у него вѣчные долги, а изъ долговъ ему никогда не выбиться, если-бы онъ даже все Карское море сразу уловилъ и уловъ отвезъ къ торговцамъ. Какъ ни старается самоѣдъ сводить счеты и припоминать, что̀ онъ бралъ и чего не бралъ, все равно безполезно: онъ вѣчно останется въ долгу; ловкіе торговцы сумѣютъ ужъ подсчитать такъ, чтобы самоѣдинъ остался у нихъ въ долгу и въ вѣчной кабалѣ. Случается, конечно, что должокъ за инымъ самоѣдомъ и пропадетъ, да торговцу это безразлично, ибо онъ уже все съ него взялъ и получилъ во много разъ больше барыша, чѣмъ убытка. Впрочемъ, были и такіе случаи, какъ, напримѣръ, слѣдующій: одинъ русакъ, Алексѣй Павловъ, далъ самоѣду, продовольствіе для зимовки на о. Вайгачѣ съ тѣмъ, чтобы тотъ заплатилъ на слѣдующую весну промыслами, добытыми зимой. Но на этотъ разъ Алексѣю Павлову не посчастливилось. Когда слѣдующей весной онъ пріѣхалъ на о. Вайгачъ за полученіемъ промысла и спросилъ про него у своего «задатчика» (такъ здѣсь называютъ самоѣдовъ, которымъ даютъ въ долгъ припасы продовольствія), тотъ преспо-

койно и пренахально отвѣтилъ, что въ этомъ году былъ плохой промыселъ и что весь онъ лежитъ вотъ тутъ у него за чумомъ. Оказалось, что самоѣдъ оставилъ для Павлова только половину нерпы (приблизительно 35 фун. жиру и половину кожи, какъ здѣсь называютъ полъ «харавины» — всего не болѣе, какъ на полтора рубля). Павловъ отъ досады даже заплакалъ и сталъ требовать, чтобы тотъ отдалъ хотя бы свинецъ и порохъ, но самоѣдъ отвѣчалъ, что выстрѣлялъ по птицѣ. На самомъ же дѣлѣ у него былъ хорошій промыселъ, но онъ его продалъ другимъ торговцамъ, опоившимъ его водкой *). Павловъ былъ виноватъ самъ, зачѣмъ пріѣхалъ поздно. Не рѣдко тоже бываетъ, что одну и ту-же шкуру бѣлаго медвѣдя продаютъ по два и по три раза, если она еще не попала въ руки болѣе опытнаго торговца. Такъ же бываетъ и съ ворванью и заячьими ремнями. Мнѣ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ при такихъ случаяхъ. Вотъ, напримѣръ, нѣкто Окладниковъ купилъ тюленье сало и списалъ по счету долговъ этого самоѣда, и стало быть дѣло было кончено; но онъ не могъ сейчасъ-же взять этотъ товаръ и везти къ Югорскому Шару за недостаткомъ оленей (сало было въ Дыроватыхъ островахъ, верстъ за восемьдесятъ отъ Югорскаго Шара), а сдѣлалъ распоряженіе привезти его на карбасѣ при первой возможности плаванія въ этихъ водахъ. Пріѣхалъ другой купецъ И. Г. Безумовъ, тотъ самый, котораго Джексонъ за его торговые пріемы назвалъ Шейлокомъ. Безумовъ подпоилъ самоѣдовъ и купилъ снова проданные уже сало и ремень и тутъ-же погрузилъ на оленей. Онъ же перекупилъ купленную уже только что приказчикомъ Созонова шкуру бѣлаго мед-

*) Самоѣдъ этотъ затѣмъ бѣжалъ съ Вайгача за Камень, т. е. за Уральскій хребетъ.

А. А. Борисовъ.

Селеніе Никольское въ лѣтнюю пору.

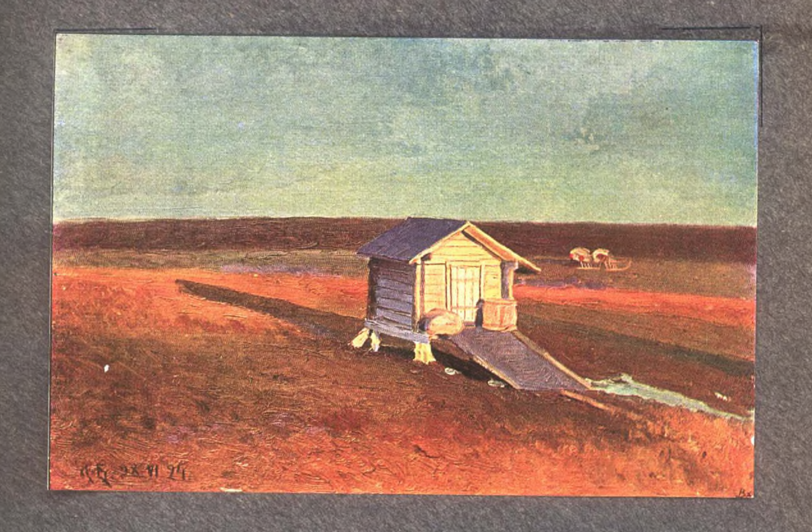
вѣдя. Все свое торговцы ставятъ по очень высокой цѣнѣ и, напротивъ, очень дешево все самоѣдское. Самоѣдъ неграмотенъ, и ему трудно помнить, что̀ онъ бралъ и чего не бралъ у русака или зырянина, и сколько ему доставилъ промысловъ. Онъ точно ужъ убѣжденъ, что ему на роду самимъ Богомъ предначертано вѣчно оставаться въ долгу, а потому, спрашивая торговца, онъ никогда не говоритъ—«сколько мнѣ съ тебя слѣдуетъ?». Нѣтъ, онъ спрашиваетъ — «сколько еще осталось за мной?». А то и просто ничего не спрашиваетъ, а съ горечью на сердцѣ, даже и при хорошемъ промыслѣ, только скажетъ: «спиши съ меня, а остальное послѣ, чего-ле додостану». И дѣйствительно, онъ нисколько не ошибается: какъ съ него не списываютъ, а всетаки долгу за нимъ остается чертова пропасть.

Торговцевъ съ Печоры обираютъ въ три дорога купцы изъ Чердыни, а тѣ—самоѣдовъ, и такъ другъ друга поѣдаютъ. Чердынцы ежегодно сплавляютъ по рѣкѣ Печорѣ до устьевъ ея барки со всевозможными товарами для торговли со здѣшними обитателями, главнымъ образомъ, мелкими торговцами. Всѣ товары даютъ въ долгъ и берутъ съ нихъ невѣроятно высокія цѣны, а печерцы въ свою очередь продѣлываютъ тоже съ самоѣдами. Осенью чердынцы нагружаютъ свои суда разными промыслами (рыбой, шкурами, ворванью и др.), взятыми съ торговцевъ за долгъ прошлаго года, и гонятъ ихъ къ верховьямъ Печоры пароходами или тянутъ людьми бичевой.

Если самоѣду даютъ пудъ черныхъ ржаныхъ сухарей, то берутъ съ него четыре пуда ворвани, которая здѣсь покупается по 1 р. 70 к.—1 р. 80 к., а на Печорѣ ее продаютъ за 2 р. 20 к. и 2 р. 50 к. Значитъ, судите-же, сколько берутъ за пудъ

ржаныхъ сухарей?! За муку ржаную торговецъ съ торговца беретъ по 3 р. за пудъ, самоѣдъ-же платитъ дороже. Безумовъ далъ Данилу Сядэю бахилы (обувь), ужасные бахилы, цѣна которымъ три рубля, и взялъ за нихъ заячьяго ремня 15 саженъ (обыкновенно продается по 35 к.—40 к.), оленьихъ запряжекъ на двое саней, деньгами рубль и нѣсколько пудовъ омуля. Чай, цѣна которому 1 р. 30 к., продается здѣсь если на деньги, по 2 р. 40 к., а если на товаръ, тогда часто обходится до 4 рублей и больше. Сахару самая обыкновенная цѣна 45—50 коп. за ф. на деньги, на товаръ дороже. Коровье масло продаютъ по 55—60 коп. Это все-таки на деньги, но, повторяю, что если что даютъ на товаръ, тогда все свое цѣнятъ еще дороже, а товаръ самоѣдовъ, напротивъ, дешевле. Нечего ужъ и говорить, когда что-либо дается въ долгъ! Если кто-нибудь изъ пріѣзжихъ (не торговецъ) захочетъ здѣсь купить шкуру бѣлаго медвѣдя, ему не купить ее: она невѣроятно дорога. Но торговцу, при мѣновой торговлѣ, это ни почемъ. Такъ, напримѣръ, самоѣдъ назначаетъ 200 руб. за шкуру, въ два раза дороже обыкновенной цѣны, но тогда и торговецъ за все свое ставитъ въ два раза дороже. Самоѣдъ назначаетъ, 300 р., и торговецъ цѣнитъ свое въ три раза дороже и т. д. и т. д. Другое дѣло, когда кто покупаетъ на деньги. Въ самомъ дѣлѣ, не платить-же ему по 300 руб. за шкуру, когда и въ Архангельскѣ она стоитъ 100—150 руб.

Вѣдь, ухъ, какъ хорошо можно-бы жить здѣсь въ богатыхъ промыслами краяхъ! Въ нашихъ мѣстахъ (Вологодской губ.) посмотрите, какъ работаетъ мужикъ круглый годъ изо дня въ день, и только еле-еле, при всей своей скромности, можетъ прокормить себя и семью. Не то здѣсь! Здѣсь достаточно иногда одной недѣли, чтобы обезпечить себя на цѣлый годъ,

А. А. Борисовъ. При полуночномъ солнцѣ.

если-бы торговцы не эксплоатировали такъ самоѣдовъ, если-бы самоѣды хоть сколько-нибудь умѣли сохранять и распоряжаться этимъ богатымъ достояніемъ. Самоѣдъ дѣтски простъ, даже если онъ и не пьянъ, а когда пьянъ, тогда и говорить нечего; тогда онъ только заносчивъ, но русакъ ловко справляется и съ пьянымъ. Пьяный самоѣдъ, напримѣръ, цѣлуетъ у русака руку и въ свою очередь подноситъ и свою, грязную до омерзенія, къ губамъ русака. Русакъ, хотя и чувствуетъ, что это противно, но, не подавая никакого вида отвращенія, цѣлуетъ. Не поцѣлуй онъ, тогда не попадетъ къ нему и весь богатый промыселъ самоѣда. А торговцу только промыселъ и нуженъ, и онъ готовъ унижаться какъ угодно. Попробуй самоѣдъ продѣлать съ русакомъ штуку въ подобномъ родѣ, когда съ этого самоѣдина не предвидится что либо взять: тогда русакъ постоитъ за себя; тогда онъ покажетъ, что онъ не будетъ унижаться передъ грязнымъ самоѣдомъ.

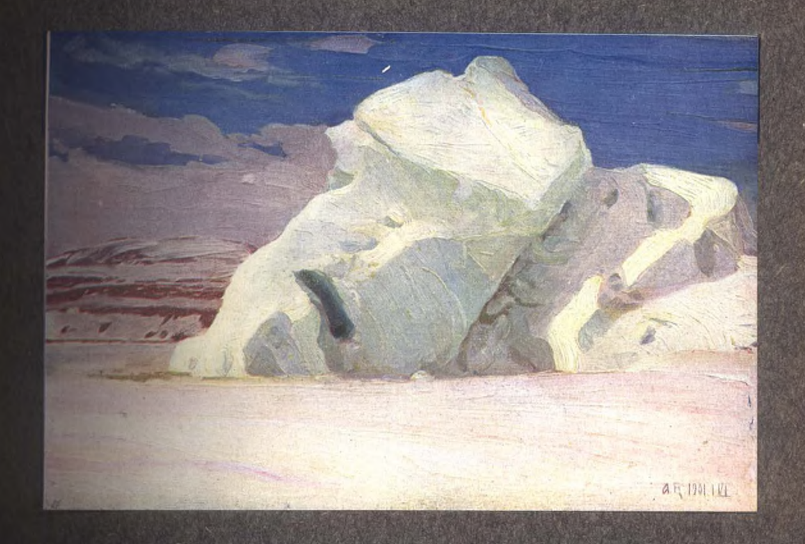

Глава седьмая.

Суевѣрія самоѣдовъ.—Человѣческія жертвы богамъ.—Разсказъ Терентьева.—Мой разговоръ съ самоѣдами по поводу ихъ человѣческихъ жертвъ.—Торговля водкой.—Раціональная организація ея.

Въ воздухѣ чувствуется весна, а промыселъ какъ нарочно плохой. А плохой промыселъ, значитъ и водки—ни, ни, русакъ и понюхать не дастъ. Тогда самоѣдъ рѣшается на все, только-бы обезпечить себя хоть на нѣкоторое время нѣсколькими бутылками водки. Если нѣтъ возможности украсть, тогда онъ пускается еще на бо́льшее. Самоѣды упорно убѣждены, что если преподнесть Сядэю (дьяволу) человѣческую голову, тогда непремѣнно Сядэй пошлетъ богатый промыселъ. И чтобы достать хорошій промыселъ, самоѣды стараются задобрить Сядэя. Это не сказки былыхъ, доисторическихъ временъ! Это живая дѣйствительность, которая нисколько и не думаетъ отойти въ область преданій! Вотъ, напримѣръ, одинъ самоѣдъ Іогарканъ убилъ своего пятилѣтняго сына. Жена говоритъ, что мужъ хотѣлъ убить бо́льшаго сына (я послѣ видѣлъ этого мальчика; ему на видъ было 14—15 лѣтъ), но почему-то убилъ маленькаго, бросилъ ружье и заплакалъ. Прошлой зимой онъ хотѣлъ убить свою жену. Прицѣлился, взвелъ курокъ, но, не выстрѣливъ, опустилъ ружье, такъ какъ на этотъ разъ въ чуму его была посторонняя самоѣдка, которая могла какъ-нибудь проговориться и выдать

А. А. Борисовъ. Ледяная гора въ Карскомъ морѣ.

его въ руки правосудія. Похороненъ мальчикъ гдѣ-то на о. Вайгачѣ, на берегу Карскаго моря. Русаки всѣ знаютъ объ этомъ, но молчатъ, такъ какъ сами, увы, убѣждены, что, дѣйствительно, если дать человѣческую голову Сядэю, онъ дастъ хорошій промыселъ. А хорошій промыселъ, значитъ и имъ хорошая нажива. А если и не станетъ одного самоѣдскаго мальчика, — что имъ за дѣло. Имъ пришлось бы долго дожидать, когда можно извлекать изъ него выгоду.

Другой самоѣдъ, Нертя Карачей, принесъ Сядэю голову, Сомдё, своего товарища по промыслу. Разскажу, какъ объ этомъ передалъ мнѣ Петръ Терентьевъ *).

«Въ 1895 году весной въ срединѣ мая я пришелъ изъ сосѣдняго чума за 30 верстъ въ чумъ на островѣ Чирачьемъ, около сѣвернаго конца острова Вайгача. Прожилъ шесть дней и хотѣлъ уже итти домой, но наканунѣ хозяева этого чума (ихъ было двое) достали двухъ моржей, а потому я еще остался денька на два; думаю, не достанутъ-ли еще, и тогда я уже заразъ все куплю и расчитаюсь. Ночью они пошли на море промышлять, я-же остался въ чуму. Пролежавъ нѣкоторое время, я отправился къ нимъ, тѣмъ болѣе, что открытая вода и плавучій ледъ были очень близко отъ берега. Одинъ изъ самоѣдовъ, Ефимъ Окотыта, по самоѣдски — Нертя Карачей, въ это время гонялся за морскимъ зайцемъ, а другой Петръ Вылка, по самоѣдски — Сомдё, ѣхалъ въ лодкѣ и гребъ. Долго они преслѣдовали звѣря, но безъ всякаго успѣха: онъ нырялъ въ воду, снова показывался на поверхности и снова нырялъ. Самоѣдъ стрѣлялъ семь разъ, и все напрасно. Мнѣ надоѣло смотрѣть, и я снова пошелъ въ чумъ. Но не прошло

*) Приказчикъ торговца Павлова, изъ дер. Устье на Печорѣ.

и часу, какъ я услышалъ выстрѣлъ и неистовый крикъ. Я подумалъ тогда: должно быть самоѣды убили большого моржа, и одинъ другого зовутъ на помощь, но въ ту-же минуту прибѣгаетъ самоѣдскій мальчикъ и говоритъ мнѣ: «Сомдё умеръ.» Какъ такъ умеръ?! Я только что видѣлъ его, и онъ былъ совершенно здоровъ! Сію-же минуту я сбросилъ съ себя малицу и побѣжалъ на ледъ. Прибѣгаю туда, а Сомдё лежитъ, съ окровавленной грудью, мертвый. Пуля попала ему прямо въ сердце». По словамъ Терентьева, Ефимомъ Окотытой была обѣщана человѣческая голова Сядэю, и во исполненіе этого обѣщанія онъ убилъ Сомдё. При слѣдствіи, Ефимъ Окотыта, показалъ, что его товарищъ Петръ Вылка застрѣлился самъ, вынимая ружье изъ лодки. Конечно, доказать убійство чрезвычайно трудно, ибо самоѣды нерѣдко промышляютъ только вдвоемъ. Но фактъ существованія у самоѣдовъ человѣческихъ жертвоприношеній не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мнѣ неоднократно объ этомъ приходилось слышать; да, наконецъ, скажемъ о человѣческихъ жертвахъ идоламъ на Новой Землѣ. Такъ, напримѣръ, самоѣдъ Павелъ Ледковъ въ разное время убилъ семь человѣкъ съ цѣлью принести въ жертву Сядэю. Мой спутникъ Павелъ сказалъ мнѣ, что еще лучше принести въ жертву голову русака (русскаго). «Какъ только посулишь голову русака, то непремѣнно убьешь ошкуя (бѣлаго медвѣдя)». Самоѣдъ Федоръ Вылка (Махазей, что значитъ по самоѣдски горбатый) постоянно возитъ съ собой голову своего отца, такъ какъ, по увѣренію его, отецъ былъ «татибей», т. е. колдунъ. Онъ постоянно кладетъ эту голову себѣ ночью въ изголовье и что приснится ему, онъ то и дѣлаетъ: значитъ, такъ совѣтуетъ ему отецъ. Самоѣдъ говоритъ, что хорошій промыселъ достать очень недолго: «вотъ у меня

А. А. Борисовъ. Лѣтняя полночь въ Карскомъ морѣ.

есть мальчикъ-работникъ; только стоитъ его «положить» *), вотъ и готово, и промыселъ хорошій. «Въ этомъ году рыбы будетъ много въ Югорскомъ Шарѣ. Я неоднократно видѣлъ ночью много рыбы. Мнѣ отецъ говорилъ» (т. е. голова отца). Одного медвѣдя добуду, а больше ничего».

Я самъ видѣлъ у самоѣда Сяско, по русски Ивана Пырерки, маленькія саночки, въ которыхъ покоилась супружеская чета небольшихъ истуканчиковъ. Эти саночки становятся всегда сверху воза въ аргышѣ хозяйки. У многихъ самоѣдовъ въ чуму встрѣтишь также и икону, передъ которой по праздникамъ они зажигаютъ восковыя свѣчи и кадятъ ладаномъ. Я часто говорилъ съ самоѣдами, что не хорошо приносить человѣческія головы Сядэю, что это безнравственно и противно велѣніямъ Бога, но мнѣ они отвѣчали:

— Да потому-то мы и дѣлаемъ это, что противно Богу. Вѣдь это мы дѣлаемъ не для Бога (Хая), а для Сядэя (злого духа, дьявола). А дьяволъ любитъ, что-бы мы дѣлали худо и за это намъ пригонитъ много, много звѣря и рыбы.

Суевѣрія эти настолько укоренились, что даже русскіе съ Печоры и тѣ вѣрятъ и приносятъ жертвы Сядэю, хотя, правда, не человѣческія, а пользуются для этого оленями. Въ одинъ годъ стояли продолжительные сѣверо-восточные вѣтры, и изъ Карскаго моря то-и-дѣло надвигались густые льды. А пустозерамъ надо было переправить своихъ оленей съ Вайгача на материкъ вплавь черезъ Югорскій Шаръ (что дѣлается, какъ я уже и говорилъ, ежегодно). Но льды мѣшали, и не было никакой возможности переправить оленей, а между тѣмъ приближалась осень, и надо было отправляться

*) Т. е. принести въ жертву Сядэю

къ Пустозерску. Тогда одинъ изъ пустозеровъ Александръ Павловъ, грамотный и довольно развитой торговецъ, закололъ своего оленя и принесъ его въ жертву Сядэю. И... послѣ этого, говорятъ, вѣтеръ перемѣнилъ направленіе, льды отнесло, и олени благополучно переплыли проливъ. Обо всемъ этомъ я самъ слышалъ отъ самоѣдовъ и пустозеровъ въ 1898 году на Югорскомъ Шарѣ, и не было никакой возможности разубѣдить ихъ, что здѣсь была простая случайность. «Нѣтъ, это Сядэй помогъ!»— говорили они.

Слѣдуетъ, непремѣнно слѣдуетъ въ корнѣ уничтожить пагубную торговлю водкой въ томъ видѣ, въ какомъ она здѣсь производится. Иначе, много потребуется командировокъ разныхъ слѣдователей и товарищей прокуроровъ, а это конечно будетъ сопряжено для правительства съ порядочными расходами: суточныя, подъемныя, прогоны и проч.

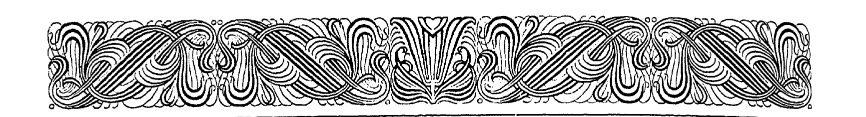
Администрація утверждаетъ, что нельзя давать патента на право торговли водкой въ тундрѣ среди самоѣдовъ, такъ какъ самоѣды—народъ полудикій. Но такой взглядъ г.г. чиновниковъ еще и на руку торговцамъ: они не платятъ за право торговли водкой и въ то-же время всѣ торгуютъ ею. Всѣ они знаютъ, что если кто донесетъ на нихъ, то и на него донесутъ. Конечно, было-бы идеально прекрасно здѣсь совсѣмъ уничтожить торговлю водкой, но если этого достигнуть нельзя, то надо дозволить открытую торговлю, но только непремѣнно *одному* человѣку (въ одномъ кабакѣ), и тогда явится естественный контроль: русаки-торговцы изъ зависти будутъ строго слѣдить за кабатчикомъ, чтобы тотъ не бралъ за водку товаромъ, а продавалъ бы ее только непремѣнно за наличныя деньги; кабатчикъ, въ свою очередь, строго слѣдилъ-бы, соблюдая, конечно, свои интересы, чтобы и русаки не тор-

говали водкой. Или слѣдовало-бы на лѣтнее время въ Югорскомъ Шарѣ открыть одну казенную лавку, и тогда русаки опасались-бы продавца казенной водки и не торговали-бы по крайней мѣрѣ такъ открыто и не брали-бы медвѣжьими шкурами, заячьимъ ремнемъ, ворванью, пухомъ и проч. и проч. Такія мѣры отразились бы весьма благотворно на самоѣдахъ. Конечно, торговецъ казеннымъ виномъ долженъ быть человѣкомъ въ высокой степени честнымъ и хорошо оплоченнымъ; кромѣ того, продажа должна быть ограничена. Въ самомъ дѣлѣ: водки за товаръ самоѣду не дадутъ, и слѣдовательно надо его продать и волей неволей получить деньги. Получивъ-же наличными, самоѣдъ ихъ всѣ не пропьетъ, такъ какъ ему сразу не отпустятъ, положимъ, на 10 руб. или на другую болѣе крупную сумму. Торговля виномъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть оптовой. Она должна быть непремѣнно мелочной, не болѣе одной бутылки въ день на человѣка. Пожалуй скажутъ, что на одного и того-же самоѣда могутъ брать по бутылкѣ другіе самоѣды. Но дѣло въ томъ, что непьющаго самоѣда ровно нѣтъ ни одного, и поручить покупку вина другому самоѣду невозможно, ибо онъ сію же минуту и порѣшитъ съ ней по своему, выйдя за двери лавки; а если даже онъ и донесетъ водку до чума того самоѣда, который поручилъ ему покупку, то онъ непремѣнно выпьетъ половину въ угощеніе за услугу, и стало быть все-таки придется не болѣе одной бутылки на человѣка. Русакамъ и ижемцамъ ни подъ какимъ предлогомъ не слѣдуетъ разрѣшать привозить въ тундру вино. (На Мурманѣ, вѣдь, запрещено). Вино слѣдуетъ прямо конфисковывать, если будетъ замѣчено, что его везутъ на оленяхъ или лѣтомъ на пароходѣ. Обнаружить же наличность вина очень не трудно. Пропутешествовавъ сорокъ

дней отъ Пустозерска до Югорскаго Шара съ оленьимъ обозомъ русаковъ, въ которомъ везлась разная провизія, а также водка и спиртъ, я сразу уже по тому, какъ тянутъ олени, узнавалъ, есть ли въ той или другой бочкѣ водка или спиртъ. Русаки возятъ водку обыкновенно очень хитро. Ставятъ боченокъ ведеръ въ семь, восемь въ бочку, такъ называемую «ижемку», (бочка, въ которую помѣщается рыбы омуля пудовъ 18) и обсыпаютъ его плотно мукой, чтобы онъ не двигался въ ижемкѣ. Ижемку снаружи намазываютъ мукой и надписываютъ — «мука 10 пуд.». Но, какъ сама надпись, такъ и обмазыванье мукой, дѣлаются лишь только для отвода глазъ самоѣдовъ — работниковъ, сопровождающихъ обозъ, чтобы они не вздумали даромъ полакомиться драгоцѣннымъ напиткомъ, который обѣщаетъ русакамъ дать богатыя средства къ жизни на цѣлый годъ, а также и отъ любопытныхъ глазъ посторонняго человѣка. Я, напримѣръ, сначала былъ удивленъ, когда въ одномъ обозѣ увидѣлъ, что каждую изъ имѣвшихся двухъ ижемокъ съ большими усиліями везла тройка оленей. Посмотрѣлъ: надписано — «мука, 8 пуд.», но мнѣ показалось, что здѣсь далеко не восемь пудовъ, а по крайней мѣрѣ тринадцать, пятнадцать. Послѣ, когда, на остановкѣ, спустили оленей и всѣ ушли въ чумъ, я прошелъ къ этимъ бочкамъ и началъ ихъ внимательно осматривать, но и тогда только удивлялся и больше ничего. Но когда я началъ толкать бочку, тамъ что-то запрыгало и забулькало вовсе не похожее на муку. Тогда я приложилъ ухо къ бочкѣ и снова сталъ толкать ее и окончательно убѣдился въ томъ, что здѣсь, внѣ всякаго сомнѣнія, вмѣсто муки была водка, и въ другой бочкѣ тоже самое. Другой способъ состоитъ въ томъ, что, торговцы кладутъ

боченокъ съ виномъ въ ижемку съ сухарями, напримѣръ, ржаными и пренаивно надписываютъ — «сухари». Конечно, они стараются налить боченокъ какъ можно пополнѣе, чтобы жидкость не дѣлала никакихъ движеній при сотрясеніи. Но какъ-бы ни былъ боченокъ полно налитъ, водка частью испаряется и въ боченкѣ образуется небольшая предательская пустота, которая и выдаетъ присутствіе водки желающему про нее знать. Возвращаясь къ казенной продажѣ вина, скажемъ, что русаки, если захотятъ, могутъ получать водку изъ той же казенной лавки на общепринятыхъ правилахъ. Положимъ, что они будутъ брать каждый день по бутылкѣ и потомъ перепродавать самоѣдамъ по высокой цѣнѣ, но такая перепродажа въ сравненіи съ теперешней торговлей будетъ лишь каплей въ морѣ.

Если условія быта самоѣдовъ въ Большеземельской тундрѣ не измѣнятся, они всѣ обречены на вырожденіе, тогда какъ при другихъ условіяхъ они, какъ и всякій другой народъ, способны были-бы принять цивилизацію и со временемъ стать полноправными гражданами Россійской имперіи. Нагляднымъ примѣромъ можетъ служить на Печорѣ самоѣдскій поселокъ Колва. Здѣсь самоѣды съ сознаніемъ своего достоинства. Они богаты (есть такіе, которые имѣютъ по четыре тысячи штукъ оленей), разсудительны и грамотны. Съ этими самоѣдами даже неглупые и хитрые ижемцы обращаются съ почтеніемъ. Есть свои самоѣдскія школы, и нерѣдкость, если въ Колвѣ встрѣтите грамотныхъ самоѣдскихъ мальчика или дѣвочку.

Глава восьмая.

Островъ Вайгачъ.—Путь на сѣверъ.—Переправа черезъ рѣку Талату.—Туманы.—По припаямъ.—Вороновъ носъ.—Кресты.

ъ селеніи Никольскомъ самоѣдовъ трудно сосчитать, такъ какъ одни пріѣзжаютъ, другіе уѣзжаютъ, но въ бытность мою ихъ было приблизительно человѣкъ тридцать, не считая женъ и дѣтей.

Въ Никольскомъ я оставался болѣе недѣли, написалъ нѣсколько этюдовъ, напекъ хлѣба и насушилъ сухарей для предстоящаго пути по о. Вайгачу. 23 мая я переѣхалъ по льду черезъ проливъ Югорскій Шаръ на Вайгачъ съ тѣмъ, чтобы пройти островъ до самой сѣверной оконечности—Болванскаго носа. Путь намъ былъ еще труднѣе, чѣмъ по Большеземельской тундрѣ, такъ какъ отъ наступившихъ оттепелей снѣгъ порою настолько дѣлался слабымъ, что наши олени то и дѣло проваливались, да къ тому-же и сама мѣстность оказалось довольно гористой. Горы на Вайгачѣ тянутся съ юго-востока на сѣверо-западъ какъ-бы двумя параллельными хребтами, удаленными одинъ отъ другого верстъ на 15—20. Хребты эти невысоки, и рѣдкіе изъ нихъ достигаютъ только до 250 футовъ надъ окружающей мѣстностью. Горы состоятъ по большей части изъ известняковъ, вывѣтрившіяся вершины которыхъ нерѣдко имѣютъ самыя причудливыя формы. Я ихъ видѣлъ подъ толстымъ покрываломъ снѣга и тогда, когда, подъ вліяніемъ дождей, а

А. А. Борисовъ.

Видъ на Карское море съ Сѣверовосточнаго Болванскаго мыса на островѣ Вайгачѣ.

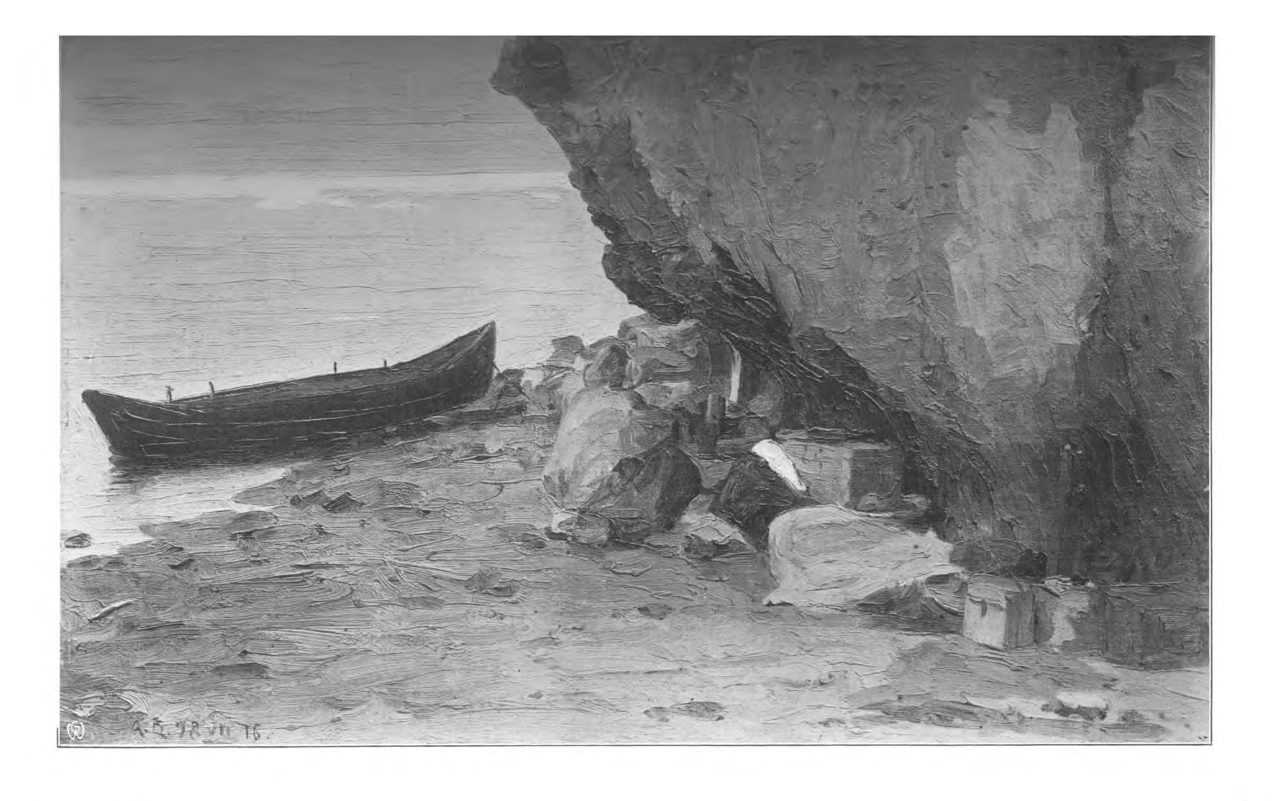
отчасти и лучей солнца, ихъ коричнево-рыжія маковки стали выглядывать на Божій свѣтъ. Все влекло къ палитрѣ, и я охотно писалъ одинъ этюдъ за другимъ. Мягкая температура воздуха и прекрасныя картины окружавшей природы поддерживали мою работоспособность. Кромѣ этюдовъ на Вайгачѣ, для меня было очень важно возможно большее ознакомленіе со свойствами береговыхъ припаевъ, т. е. неподвижныхъ льдовъ, окаймляющихъ берега. Мнѣ необходимо было ихъ извѣдать, такъ какъ предстоящій путь мой на собакахъ въ 1900 г. къ сѣверу отъ зимовки въ Маточкиномъ Шарѣ разсчитанъ былъ главнымъ образомъ по прибрежнымъ припаямъ Новой Земли. Я убѣдился, что морской ледъ весьма крѣпокъ, даже и поздней весной или лѣтомъ: онъ не имѣетъ свойства разсыпаться на иглы, какъ это бываетъ весной со льдами прѣсныхъ водъ, а въ крайнемъ случаѣ дѣлается, ноздреватымъ, въ родѣ губки, но все-же остается крѣпкимъ. Несмотря на то, что такой ледъ иногда бываетъ весь въ дырахъ, олень, если не попадаетъ ногами въ эти дыры, никогда не провалится.

24 мая. Прекрасное утро: солнышко и тепло $+4^{\circ}$, на солнечной сторонѣ $+12^{\circ}$. Настроеніе великолѣпное. Все какъ то пріятно весело, все какъ бы радовалось. Множество пеструшекъ сновало около насъ и весело попискивало; пустозеры пугливо подпрыгивали и непечатно ругались. Щебетали снѣжные подорожники и кое-гдѣ, пролетая мимо насъ, кректали гуси. А «хорявы» *) сегодня какъ-то особенно кричали, и голосъ ихъ я принялъ сначала за чаячій; я смотрѣлъ на все и любовался, отдыхалъ душой. Я говорилъ себѣ: ты мечталъ постоянно о Вайгачѣ, о Новой Землѣ, вообще о полярныхъ странахъ. Те-

*) Хорява—самоѣдское слово, по русски — морской разбойникъ.

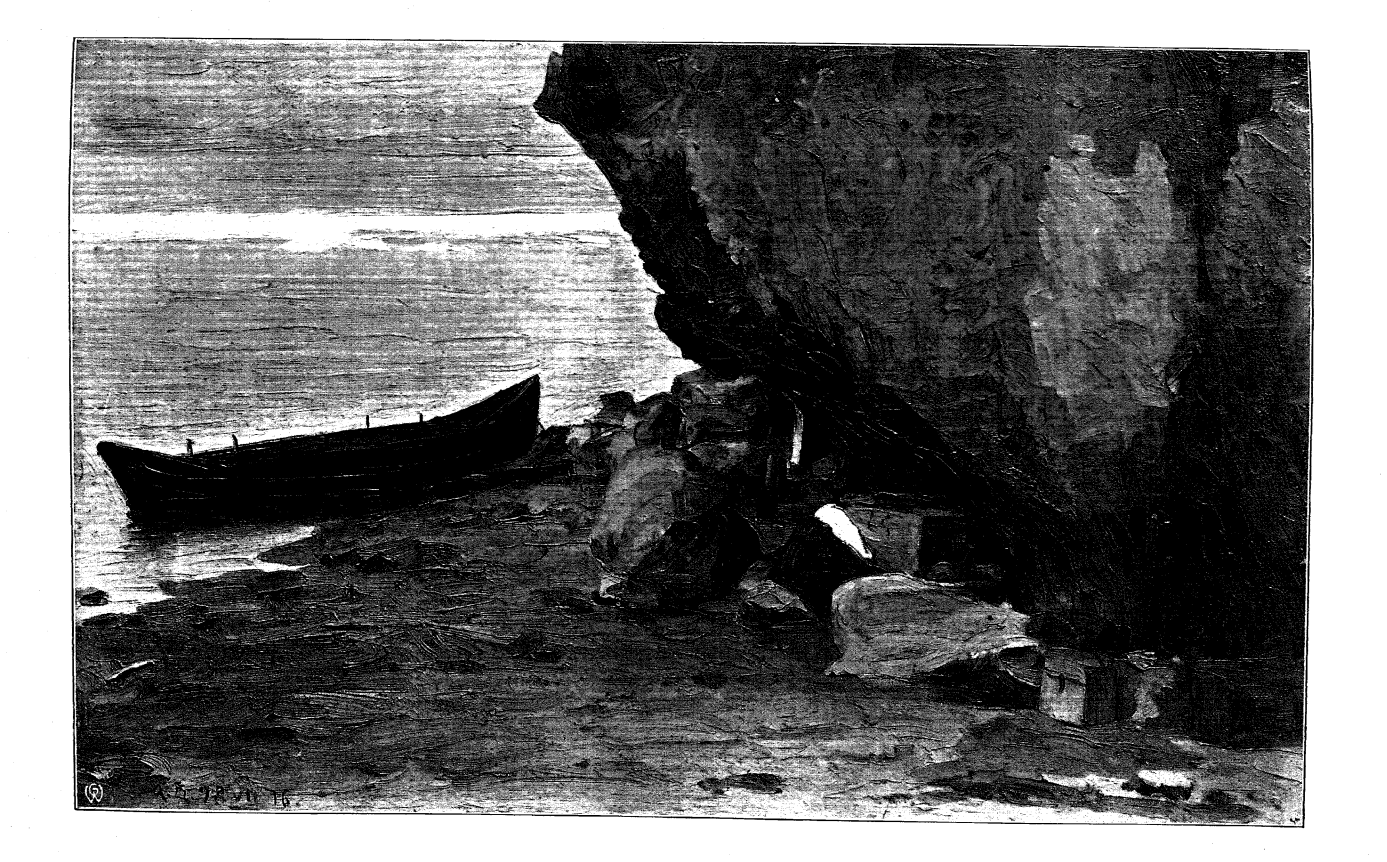
перь смотри, наслаждайся, пользуйся; теперь не мечты, а живая дѣйствительность!..

На другой день дорога была ужасная. Правда, сначала еще шло ничего, пока былъ хотя слабый заморозокъ, но, когда немного пригрѣло солнышкомъ и снѣгъ сталъ дьявольски мягокъ, олени начали проваливаться до половины боковъ, и чѣмъ дальше мы ѣхали, они проваливались все глубже и глубже и подъ конецъ дороги то и дѣло ложились и, хоть убей, ни за что не хотѣли вставать и сколько-нибудь ползти впередъ. Приходилось постоянно сходить съ саней и итти впереди оленей и тащить ихъ черезъ плечо за возжу. Если и это не помогало, тогда натравляли собакъ, которыя неимовѣрно рвали животныхъ за бока; олени вскакивали, падали, заплетались въ запряжкахъ и снова кое-какъ тащились. Къ концу дороги переѣхали р. Талату. Рѣка эта со страшно крутыми скалистыми берегами. Здѣсь, между прочимъ, по разсказу С. Кожевина, въ 1882 году 19 іюля произошелъ несчастный случай съ его аргышемъ, который переправлялся въ бродъ (здѣсь единственный способъ переправы — въ бродъ); передовой олень былъ какъ-то не совсѣмъ хорошъ, и самоѣдъ чуть-чуть взялъ вправо; весь аргышъ моментально подхватило быстрымъ теченіемъ и бросило внизъ между обрывистыми берегами пятидесяти футовъ вышиной. Эти берега отсюда тянутся на три версты вплоть до Лямчиной губы. Олени и весь аргышъ: бочки съ ворванью, шкуры медвѣжьи, сани и все прочее погибло безвозвратно, — все унесло въ море. Самоѣдъ, ведшій аргышъ какими-то судьбами спасся; онъ ногами досталъ дна и, отпихнувшись, во̀время выскочилъ на берегъ еще выше того мѣста, гдѣ начинаются отвѣсные берега. Несмотря на это, братъ Кожевина сейчасъ-же все-таки по-

А. А. Борисовъ.

Мой привалъ на берегу Карскаго моря.

А. А. Борисовъ

ѣхалъ черезъ рѣку съ другимъ аргышемъ и, взявъ немного лѣвѣе, благополучно перебрался на другой берегъ, хотя и здѣсь вода неслась съ ужасающей быстротой.

26 мая. Подвигаемся впередъ по ночамъ. Дорога сравнительно хороша. Морозикъ $3^1/_2{}^\circ$. Снѣгъ настолько покрылся ледяной корой, что держитъ сани и оленей, и только мѣстами они проваливаются.

Прямо на западъ было видно совершенно темное голубое открытое море съ едва замѣтными маленькими плавающими бѣленькими кусочками льда. На западѣ и юго-западѣ, на сколько хваталъ глазъ, льду не было совершенно, и только на сѣверо-западѣ, т. е. по направленію къ Карскимъ Воротамъ, ледъ былъ виденъ далеко на горизонтѣ.

Сегодня утро (или ночь, Богъ его знаетъ, солнце не заходитъ) было очень странное. То была чудная солнечная погода, то вдругъ нападалъ такой густой туманъ, что на разстояніи десяти шаговъ буквально ничего не было видно, то онъ снова разносился и снова солнышко весело проглядывало. Все время дулъ вѣтеръ довольно сильный W. NW и, не взирая на это, все-таки по временамъ царилъ туманъ. Переѣхали рѣчку Юноанзи (по самоѣдски; въ русскомъ переводѣ конскій пометъ). Эта рѣчка мѣстами выбивалась уже изъ-подъ снѣга, и кристальная водичка весело переливалась по сѣрымъ камешкамъ. Мѣстами она снова уходила подъ снѣгъ и здѣсь, избави Боже, вздумать переправляться. Эти мѣста очень глубоки; потонешь въ снѣжной кашѣ.

Погода скоро измѣнилась къ худшему, началъ дуть сильный W, а потомъ W. ZW; скоро пошелъ дождь и не переставалъ очень долго. Къ вечеру стало довольно холодно — 1°, но не смотря и на это дождь не переставалъ и скоро у насъ

все покрылось льдомъ. Подъ конецъ мой мѣшокъ сталъ точно изъ дерева или вѣрнѣе изъ толстаго листового цинка, и, если мнѣ хотѣлось поворотиться, то надо было употребить не мало усилій. Я какъ-то поднялъ голову и посмотрѣлъ, думая, нельзя-ли пойти написать этюдъ, но дождь такъ барабанилъ и такъ было скверно, что буквально ничего не было видно.

27 мая. Утромъ въ два часа запрягли оленей и двинулись дальше. Дорога была отвратительная. Олени то-и-дѣло проваливались выше брюха; приходилось постоянно вставать съ саней, и кое-какъ вытаскивать порожнія сани на болѣе сносное мѣсто. Перешли водой рѣку Суръ Яга (р. Лямчина). Она еще не вскрылась, и вода со страшной быстротой неслась по поверхности льда. Пришлось переѣзжать нѣсколько озеръ. Вода на одномъ изъ нихъ была настолько глубока, что залилась мнѣ на нарты и промочила мой мѣшокъ и все прочее. Дровъ не было, а потому чайники грѣли кое-чѣмъ: кто далъ ящикъ, кто коробки, доски, хотя и нужныя, двѣ лопатки, топорище и проч. Совершенно тихо и туманъ. Довольно тепло (+4°).

Дорога становилась все хуже и хуже. Снѣгъ быстро превращался въ кашу, рѣки быстро наполнялись водой и бурно съ шумомъ неслись къ морю. Погода — туманъ непроглядный. Охъ ужъ эти полярные туманы! Они наполняютъ душу путешественника какой-то тоской, какимъ-то отчаяніемъ. Они покрываютъ все своей таинственной пеленой, какъ-бы желая скрыть далекіе невѣдомые края отъ пытливыхъ взоровъ человѣка. Тебя, какъ будто, живымъ положили въ могилу, изъ которой вѣетъ сыростью и холодомъ. И какъ ни старайся раздвинуть эти гробовыя стѣны, усилія твои напрасны. Бѣги вправо, влѣво, дальше, все тотъ-же туманъ, та-же непроницаемая могильная стѣна и смерть. Ни одного звука, во время этого

убійственнаго тумана. Какъ будто-бы смерть спустилась на эту забытую Богомъ область и внезапно осѣнила ее своимъ страшнымъ покровомъ.

Ночью все время шелъ дождь и не переставалъ барабанилъ въ мой мѣшокъ. Еще въ довершеніе всего всю ночь бродилъ около моихъ саней, на которыхъ я спалъ, какой-то пьяный самоѣдъ, пришедшій съ моря изъ сосѣдняго чума, и по русски ругался.

28 мая. Погода настолько скверная, что русаки не выходили изъ своего чума и ни за что не хотѣли итти дальше. Они согрѣли чайникъ и пригласили меня пить чай. Послѣ, я все-таки, не взирая на убійственную погоду, пошелъ осматривать мѣстность. На мое счастіе немного прояснилось и стало чуть почище, а потому я могъ видѣть кое-что вокругъ. Подошелъ къ рѣкѣ Осмининой *). Она уже повсюду прорыла по льду въ снѣгу себѣ русло и, плескаясь и подпрыгивая, весело въ противоположность погодѣ, несла свои мутныя воды. По берегамъ еще лежали гигантскими обрывами сугробы снѣга и отъ времени до времени съ оглушительнымъ шумомъ падали внизъ и подхватывались быстрымъ теченіемъ.

Самоѣды угостили насъ превосходнымъ вареным, горячимъ гусемъ. Хотѣли запрягать оленей и ѣхать, но погода вдругъ измѣнилась и стала настолько скверной, что о ѣздѣ нечего было и думать. Легли спать. Я затащилъ, по совѣту заботливыхъ самоѣдовъ, свой мѣшокъ въ чумъ. Ночью поднялся снѣжный ураганъ. Буря такъ выла и немилосердно трепала чумъ, что мы все время боялись, какъ-бы не снесло его. Къ утру я заснулъ и, проснувшись, былъ удивленъ, что я

---

*) Здѣсь отъ цынги во время зимовья померло 8 человѣкъ русскихъ промышленниковъ, отсюда названіе Осьминина и мѣстное названіе—Хальмеръ-Яга—рѣка покойниковъ

чѣмъ то придавленъ. Когда я съ трудомъ открылъ, вѣрнѣе выперъ, силою своихъ рукъ парусинную оболочку мѣшка, глазамъ моимъ представилась странная картина: чумъ внутри былъ полонъ снѣга. Всѣ вещи были погребены въ снѣгу, и сколько надо было усилій, чтобы отыскать ихъ. Чумъ переставили на другое мѣсто и устроились лучше.

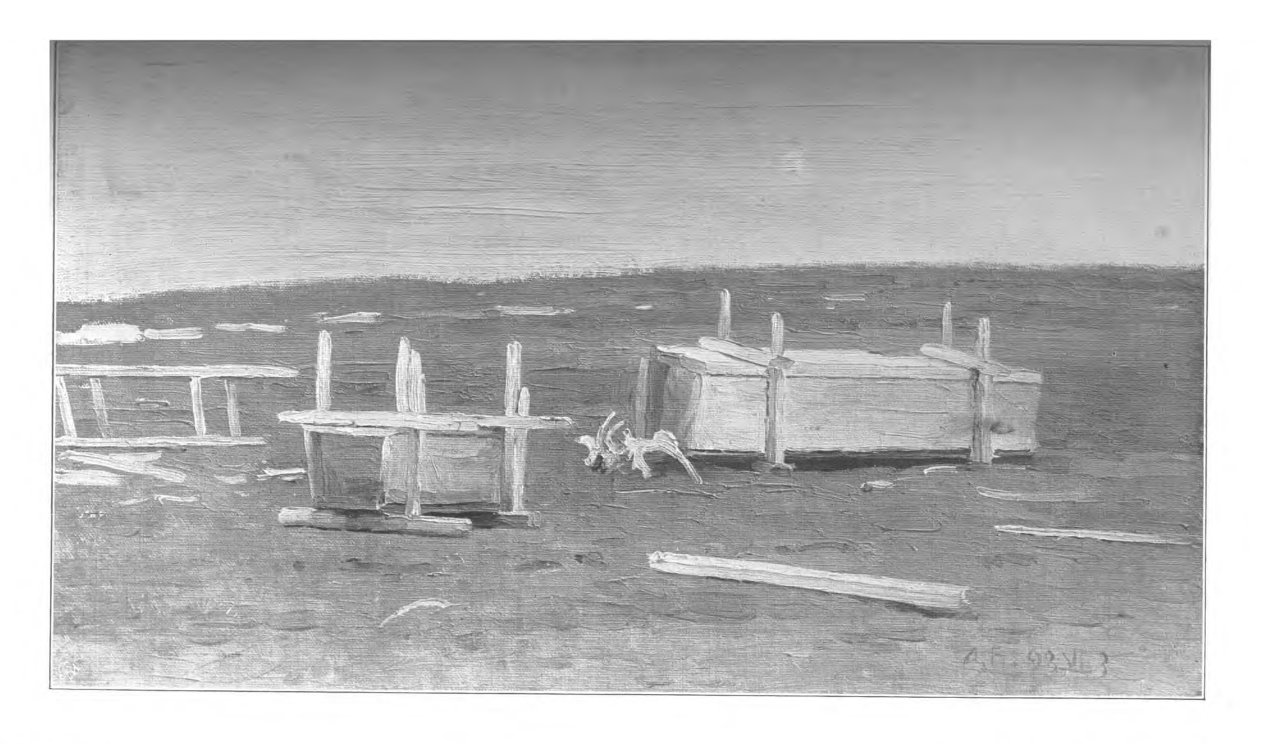
29 мая. И. Безумовъ на одномъ озерѣ провалился въ воду вмѣстѣ съ оленями. Я ѣхалъ сзади и къ счастію вовремя остановилъ оленей и благополучно избѣгъ ледяной ванны. При совершенно тихой и довольно теплой погодѣ я видѣлъ какихъ-то мошекъ, перелетавшихъ съ одного холмика на другой.

Далѣе ѣхали по припаямъ. Ледъ былъ весь изрытъ гигантскими торосами, и мы съ трудомъ отыскивали себѣ дорогу. На наше счастье мы скоро выѣхали въ Дыроватые острова, названные такъ потому, что между ними очень много всевозможныхъ проливовъ, какъ-бы дыръ. Здѣсь такъ много островов и проливовъ, что только опытный самоѣдъ можетъ найти между ними дорогу. Долго ѣхали мы такъ называемымъ Инькевымъ Шаромъ и, наконецъ, увидѣли чумъ. Дорога между островами была великолѣпна. Ледъ былъ совершенно гладокъ и мы неслись на оленяхъ чуть ли не съ быстротой курьерскаго поѣзда. Славно было такъ прокатиться послѣ черепашьей ѣзды!

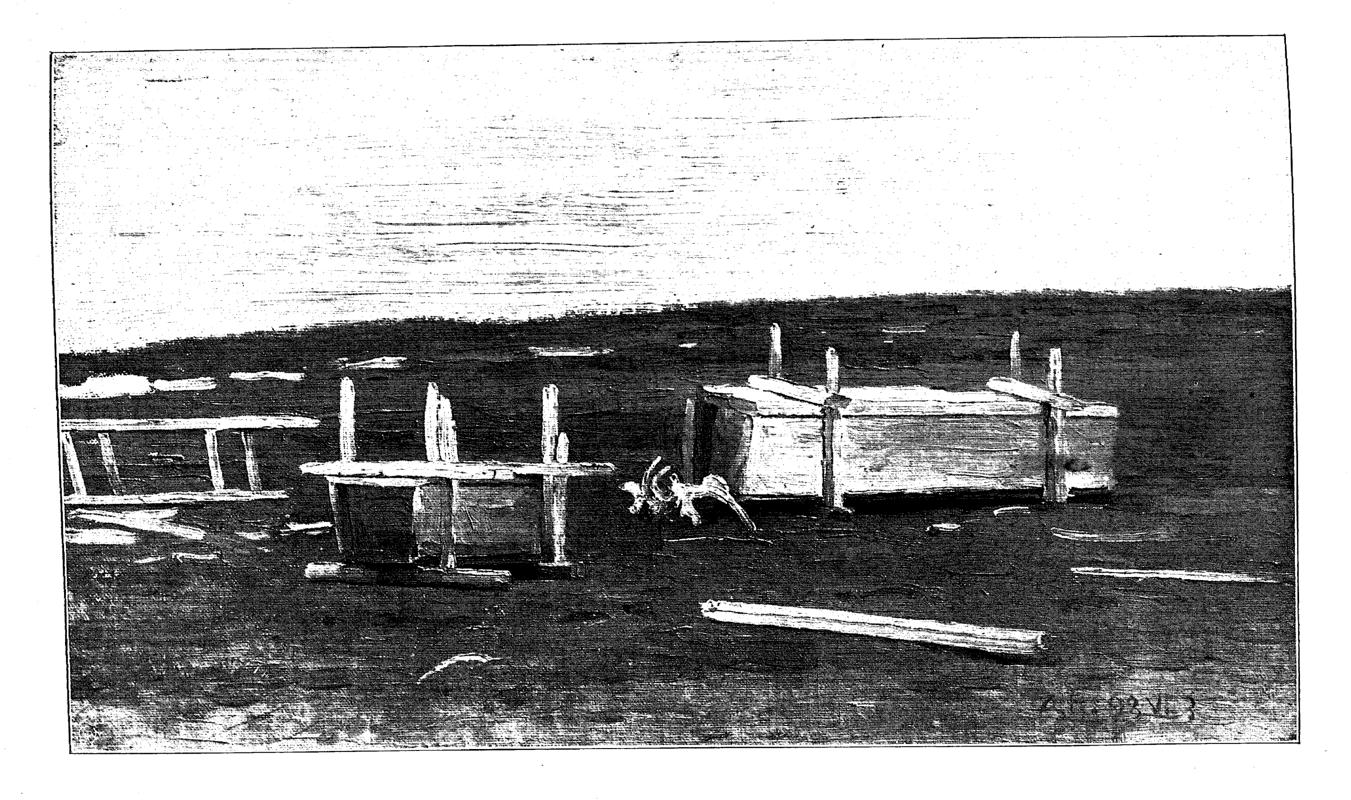
По дорогѣ заѣзжали въ чумъ самоѣда Іогоркана. Онъ промышлялъ хорошо: убилъ 170 тюленей.

Сегодня самоѣды убили двухъ моржей. Они видѣли огромное стадо ихъ, но, благодаря скверному ружью, убили только двухъ. На гарпунъ не брали, такъ какъ моржи лежали на льду.

30 мая. Часовъ въ восемь вечера пріѣхали къ самоѣдамъ на Вороновъ Носъ. Здѣсь было четыре чума. Владѣльцы ихъ

А. А. Борисовъ. Самоѣдскіе гробы на островѣ Вайгачѣ.

А. А. Борисовъ.

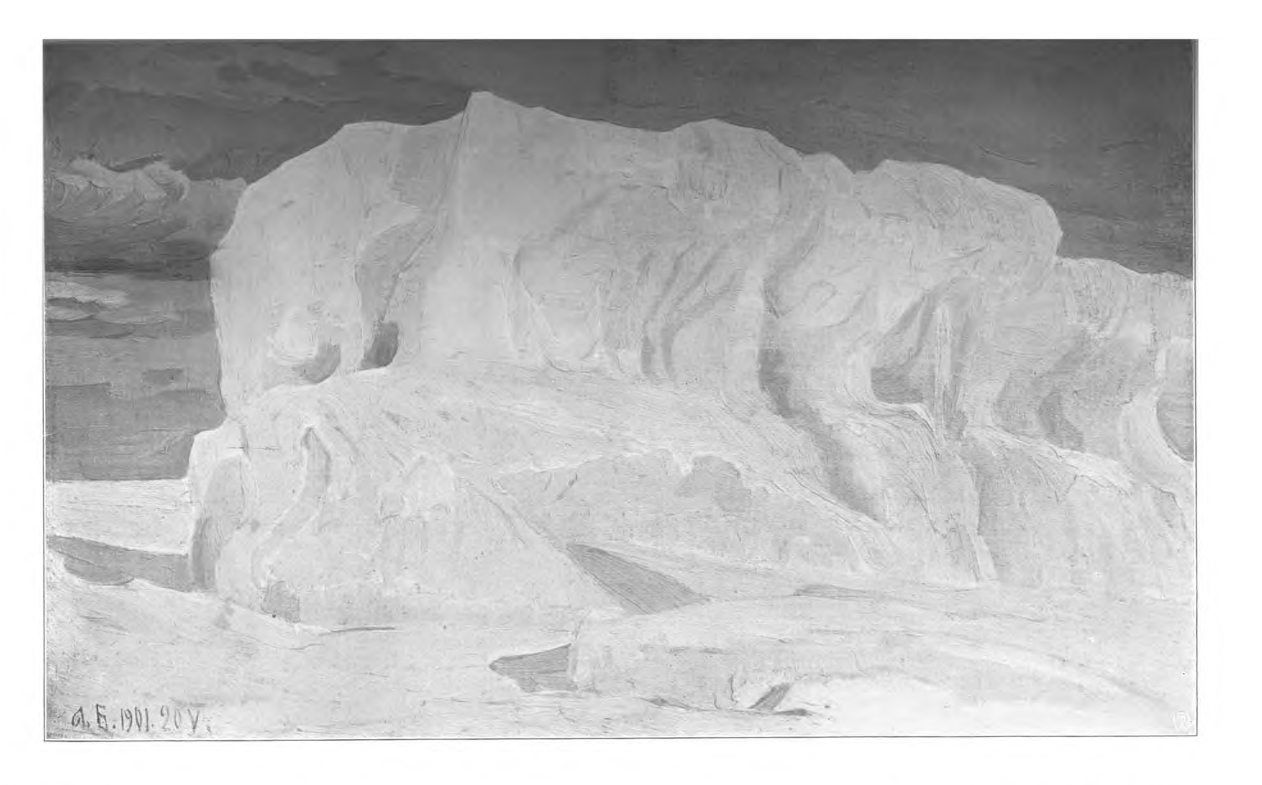
Самоѣдскіе гробы на островѣ Вайгачѣ.

всѣ промышленники морского звѣря. Погода была отвратительная, и я пошелъ въ мѣшокъ спать. Но, чтобы не надоѣдали пьяные самоѣды и при малѣйшемъ шорохѣ оглушительный ревъ и вой собакъ (здѣсь всѣ самоѣды ѣздятъ на собакахъ), перетащилъ свои сани съ мѣшкомъ за холмъ, версты за двѣ отъ чумовъ. Не спалось. Вылезъ изъ мѣшка и пошелъ побродить. Направился къ Воронову Острову. Шелъ долго. Уже сталъ серѣть низкій берегъ Воронова носа, а островъ все еще почти такъ-же далеко! Какъ удивительно обманчивы здѣсь разстоянія! Но вотъ, наконецъ, благополучно достигъ острова. Это—страшная громада высотою приблизительно футовъ 300, падающая на С.З. совершенно отвѣсно. Къ западу она постепенно опускалась склономъ и на высотѣ 70 футовъ опять падала отвѣсно, и, если бы не сугробъ снѣга, по которому я вскарабкался на четверенькахъ, засовывая голыя руки до локтей и этимъ не давая себѣ свалиться обратно на ледъ, мнѣ не попасть бы туда. На самомъ высокомъ мѣстѣ стоялъ крестъ, сдѣланный изъ толстаго бревна. Откуда это бревно? Найдено-ли въ плавникѣ, или привезено нарочно съ материка, рѣшить невозможно, но только одно можно сказать съ достовѣрностью, что крестъ этотъ поставленъ очень давно. Боже, какимъ онъ казался старымъ! Казалось, что онъ былъ старше этихъ громадъ, падающихъ отвѣсной стѣной въ море, этихъ геологическихъ развалинъ. Какъ онъ поросъ мхомъ, какъ онъ былъ выѣденъ вѣтромъ и какъ источенъ неумолимыми снѣжными бурями суровой полярной зимы! На западной сторонѣ креста священныя надписи, а съ сѣверной—гласившая, когда крестъ былъ поставленъ и кѣмъ, но къ несчастью эту надпись и по догадкамъ положительно разобрать нельзя было, настолько она обветшала. Но все-таки

внизу можно было разобрать вотъ что: «вновь въ 1823 году, іюля К (20) и въ 1838 году іюля 23, и буквы Г, Б, С, X.» А наверху сохранились двѣ буквы—К и Е. Въ надписяхъ было еще труднѣе разобраться, вслѣдствіе того, что всякій грамотный посѣтитель хотѣлъ оставить по себѣ память и вырѣзывалъ, какъ и я, свои начальныя буквы. Вся мѣстность около креста для непривычнаго глаза казалась покрытой пнями изъ подъ вырубленнаго лѣса, но всмотрѣвшись, вы увидите, что это были, конечно, каменные брусья и плиты. Я подошелъ къ сѣверному краю острова. Здѣсь было такъ высоко, что, не доходя еще за сажень до самаго обрыва, я почувствовалъ, что у меня по кожѣ пробѣжали мурашки. Я легъ ногами къ западу и головой лицомъ внизъ къ обрыву. Ухъ, какая высота, даже духъ захватываетъ! Торосы кажутся просто царапинками на льду. На сѣверо-востокѣ прилѣпилось сбоку маленькое, низкое продолженіе острова. Оно казалось совершенно не кстати и какъ будто сдѣлано послѣ.

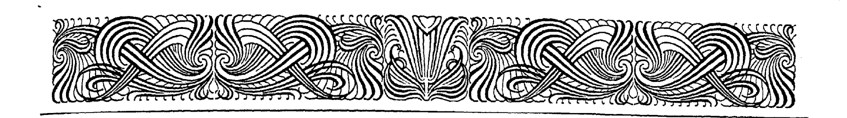
Здѣсь на Вайгачѣ и вообще на сѣверѣ часто ставятъ вмѣсто морскихъ знаковъ кресты, обозначая этимъ мѣста, удобныя для стоянки судовъ. И, сюда, если застигнетъ буря, идутъ, не боясь ни мелей, ни камней: значитъ, входъ безопасный и есть гдѣ укрыться.

На западѣ отъ Вайгача небо сѣрое, признакъ, что тамъ нѣтъ открытой воды, но на востокѣ за землей, надъ горизонтомъ градусовъ на 15, небо обрисовалось темно-синей полосой, что служитъ несомнѣннымъ признакомъ открытой воды. А тамъ, далеко—далеко на сѣверѣ, за пловучими льдами протянулась тоненькой полоской Новая Земля, земля моихъ завѣтныхъ мечтаній.

А. А. Борисовъ.

Ледяная гора въ Карскомъ морѣ.

Глава девятая.

Болванскій носъ.—Священное мѣсто самоѣдовъ.—Кладбище.—Поѣздка въ самоѣдскую Мекку.—Ихъ боги.—Главная обитель бога.—Обратный путь къ Югорскому Шару.—Лямчинъ носъ.—Моржовыя кости.—Гнѣздо сокола.—У самоѣда Холи.—Поѣздка на Сторожевой островъ.—Итоги.

31 мая я съ проводникомъ моимъ Ячей былъ на сѣверо-восточной оконечности о. Вайгача, называемой Болванскимъ носомъ. Здѣсь находится священное мѣсто самоѣдовъ; вотъ почему этотъ мысъ и получилъ такое названіе. Въ настоящее время это мѣсто ничего особеннаго изъ себя не представляетъ почти всѣ предметы приношеній растасканы частыми посѣтителями—промышленниками.

Переѣзжали множество ручейковъ, теперь весною чрезвычайно неудобныхъ для переѣзда на саняхъ, въ другое-же время года вовсе не замѣтныхъ. Иногда эти ручейки замыкались мелкими камешками, набросанными морскими волнами осеннихъ непогодъ и представляли какъ-бы озера, на которыхъ было множество гусей, утокъ и чаекъ, а по берегамъ ихъ взадъ и впередъ сновали кулички и весело тянули свое «тюрюрю». Во многихъ мѣстахъ изъ такихъ озеръ вода шумно выливалась, продѣлавъ себѣ русло подъ землей.

Я пошелъ писать этюдъ, а самоѣдъ задумалъ приготовить что-нибудь изъ свѣжей дичи къ обѣду. Тутъ-же возлѣ меня въ небольшомъ озеркѣ образовавшемся отъ таянія снѣга,

плавало много утокъ. Онѣ были такъ наивны, что нисколько не боялись ружейнаго выстрѣла. Самоѣдъ выстрѣлилъ шесть разъ изъ своей винтовки и, конечно, не убилъ ни одной. Я хохоталъ, что есть мочи, къ неудовольствію моего яраго стрѣлка. Въ концѣ концовъ, чтобы выместить свою злобу, онъ началъ бросать въ утокъ камнями, но тѣ точно знали, что у самоѣда скверная винтовка, и, что называется, и въ усъ себѣ не дули, а преспокойно плавали, отъ поры до времени ныряя въ прозрачной снѣжной водѣ. Но неудачамъ моего достойнаго спутника наступилъ конецъ: въ тотъ-же вечеръ онъ принесъ гуся. Гдѣ-то въ тундрѣ, найдя гусиное гнѣздо, онъ поставилъ капканъ, который оказался гораздо сговорчивѣе, чѣмъ упрямая винтовка, и зацѣпилъ за шею бѣдную жертву. Съ гусемъ въ капканѣ, конечно, справиться не трудно, а потому мой косокій другъ доколотилъ его прикладомъ своей чудовищной винтовки и притащилъ ко мнѣ съ видомъ воина, побѣдившаго въ десять разъ сильнѣйшаго врага.

За триста саженъ отъ священнаго мѣста стоялъ необыкновенно ветхій деревянный крестъ. Всѣ поперечные концы его обвалились, ихъ даже не было и на землѣ, а уныло только торчалъ одинъ сѣдой отъ моху столбъ и уныло насвистывалъ вѣтеръ свою старую пѣсню. Этотъ крестъ поставленъ былъ по крайней мѣрѣ двѣсти лѣтъ тому назадъ; здѣсь дерево гніетъ чрезвычайно медленно. Впослѣдствіи на Новой Землѣ я видѣлъ крестъ поставленный Пахтусовымъ, и онъ настолько сохранился, а также сохранились и всѣ надписи, вырѣзанныя на деревѣ, что какъ будто-бы онъ былъ поставленъ всего три, четыре года тому назадъ. Вокругъ креста и въ особенности на востокѣ къ морю валялось множество остатковъ отъ зимовьевъ самоѣдовъ: кости, обрывки ремней, кожи оленей, сани, бочки,

А. А. Борисовъ.

Главная самоѣдская святыня на островѣ Вайгачѣ.

боченки, примитивное деревянное горно для литья пуль и пр. Здѣсь также валялся какой-то ящикъ съ надписью—«polar expedition». Другія надписи разобрать было невозможно и судить было трудно, какой полярной экспедиціи принадлежалъ этотъ ящикъ, а равно и откуда этотъ ящикъ взялся также ничего сказать было невозможно, но одно было достовѣрно, что онъ былъ въ употребленіи у самоѣдовъ во время ихъ зимовокъ.

Здѣсь я трое сутокъ работалъ подъ-рядъ, и все это время не спалъ: меня охватилъ какой-то бѣшеный восторгъ, и я, въ возбужденіи, бѣгалъ отъ одного мыска къ другому, отъ одного камешка къ другому—хотѣлось все увидѣть! Пошелъ побродить по другому, сосѣднему съ этимъ, носу «Арка-саля» (Большой носъ) и наткнулся на самоѣдское кладбище, состоящее изъ двухъ могилъ. Гробы стояли непосредственно на поверхности земли; около нихъ валялись нарты, ломаный хорей, топоръ и черепа съ рогами тѣхъ оленей, на которыхъ ѣздилъ покойный. Тутъ-же валялись недавно обгорѣвшія дрова: вѣроятно, здѣсь справлялась тризна по умершемъ родными или близкими знакомыми. Мною овладѣло чувство любопытства, и мнѣ захотѣлось заглянуть въ могилу. Я сколотилъ поперечныя перекладины и открылъ крышку. На днѣ этого крѣпкаго лиственичнаго ящика, очевидно сдѣланнаго изъ плавучаго лѣса, лежалъ покойникъ, завернутый съ головой въ рогожу; на тѣлѣ малица, на ногахъ пимы. У головы стояли: деревянная чашка, съ чѣмъ-то черным внутри, по всей вѣроятности съ разложившейся кровью и мясомъ, и желѣзный, ржавый безъ ручки, ковшикъ; около пояса лежали топоръ и ножикъ,—очевидно, они вложены были покойному въ руки; съ правой стороны около груди лежалъ небольшой идолъ,—это все предметы, такъ нужные самоѣду въ его загробной жизни. Другая могила была

ребенка, трупъ котораго съ головой былъ зашитъ въ какую-то полотняную тряпку. Здѣсь никакихъ атрибутовъ не было. Оба покойника лежали головами на сѣверъ. Померли они 25 лѣтъ тому назадъ, какъ послѣ я узналъ отъ самоѣдовъ. Ужасно сильное впечатлѣніе производитъ это кладбище на путешественника. Гробы долго еще простоятъ на этомъ голомъ утесѣ: лѣтомъ грозное Ледовитое море и гигантскіе вѣчные льды стерегутъ ихъ покой, зимой-же ихъ ревниво охраняютъ полярныя вьюги, скрывая подъ толстымъ снѣжнымъ покровомъ отъ голодныхъ песцовъ и бѣлыхъ медвѣдей!

Мелодія—и тяжелая, и грустная, но безконечно поэтичная!

Припайка къ западу отъ Большого носа до Воронова была очень велика. Здѣсь тянутся подводные рифы, которые и задерживаютъ натиски полярныхъ льдовъ, вслѣдствіе чего «припаи» могутъ устоять. Вдали отъ берега дѣйствительно торосы были ужасныхъ размѣровъ. Они видны на далекое разстояніе и кажутся какъ-бы гористыми, покрытыми снѣгомъ островами. Это несомнѣнный признакъ того, что тутъ подводные камни.

Написалъ этюдъ—жертвенный камень съ кучей костей и самихъ божествъ, а также обрывистый берегъ и кладбище. Писалъ ледяные торосы, а неумолимый самоѣдъ все время стояло и подгонялъ, говоря, что надо ѣхать, скоро унесетъ припайки, и намъ придется ждать лѣта, когда пройдутъ рѣки. А онъ былъ правъ, тысячу разъ правъ! А какъ-бы не хотѣлось отсюда ѣхать, какъ-бы хотѣлось здѣсь еще поработать, пожить! Но надо ѣхать. Вотъ уже полночь. Напалъ страшный туманъ и не далъ мнѣ докончить этюдъ. Окутанные имъ, мы понеслись обратно, направляясь къ «Лы-саля» (Костяной носъ). Тамъ я мертвецки заснулъ на 18 часовъ; вѣдь я трое сутокъ не спалъ!

Возвратясь 4-го іюня на Вороновъ носъ, я уговорилъ самоѣдовъ, чтобы они свозили меня въ горы и показали свою главную святыню. Самоѣды долго не соглашались, но въ концѣ концовъ, уступили моимъ просьбамъ и поѣхали. Нечего и говорить, что путь намъ былъ очень труденъ: онъ шелъ по совершенно голымъ каменистымъ и дресвянымъ утесамъ, или чрезъ страшные овраги и рѣчки, забитые снѣгомъ. Перебравшись за послѣднюю преграду—«Божескую рѣку» (Хай-Яга), мы поѣхали въ гору. Здѣсь по склону еще кое-гдѣ лежалъ снѣгъ, и намъ, лавируя затѣйливыми зигзагами, удавалось ѣхать довольно сносно по этому снѣгу, хотя очень рыхлому и, конечно, не державшему оленей. Не доѣзжая версты три до главной святыни, мы остановились, у предуверія такъ сказать самоѣдской Мекки. Я опрометью бросился осматривать эти интересныя мѣста и наткнулся между двухъ скалъ на огромную груду идоловъ. Она была такъ велика, что, если-бы потребовалось перевезти ее на другое мѣсто, пришлось бы нагрузить 30—40 возовъ. Кругомъ божествъ, въ особенности съ западной стороны, лежало множество оленьихъ череповъ съ рогами и череповъ бѣлаго медвѣдя. За нѣсколько шаговъ отъ нихъ попадались огромныя кучи топоровъ, ножей, цѣпей, обломковъ якорей, очевидно взятыхъ съ судовъ, потерпѣвшихъ аваріи, гарпуновъ, обломковъ отъ ружей и замковъ, пуль и проч. и проч. Сюда самоѣды ѣдутъ за тысячи верстъ, чтобы здѣсь, у подножія жилища властелина полярныхъ пустынь, принести въ жертву оленя и кровью его окропить святыню. Очень многіе думаютъ, что самоѣды теперь уже этого не дѣлаютъ, но они жестоко ошибаются: самоѣды такъ-же чтутъ своихъ «хаевъ» и «сядэевъ» какъ и въ былое далекое время. Свидѣтельствомъ этому служили глаза, уши и губы только-что убитыхъ оленей

и кровь, только-что засохшая на нѣкоторыхъ богахъ. Шагахъ въ двадцати валялись три оленьихъ желудка и недавно погасшіе священные костры.

Послѣ того, какъ я написалъ этюды, мнѣ представилась возможность собрать интересную коллекцію этихъ идоловъ и разныхъ предметовъ приношеній для одного изъ общественныхъ музеевъ. Сначала мой проводникъ долго старался уговорить меня, чтобы я не трогалъ и не гнѣвилъ страшныхъ боговъ. «Я не хочу, чтобы всѣ мои олени сдохли»,—сказалъ онъ въ ужасѣ. «Вотъ разъ какой-то архимандритъ захотѣлъ сжечь сядэевъ, да не отъѣхалъ и десяти верстъ—умеръ».

— Да вѣдь я знаю, отвѣтилъ я, у васъ можно брать отсюда, только надо взамѣнъ что-нибудь оставить, и тогда сядэй не разсердится. Вѣдь тутъ ничего нѣтъ унизительнаго для вашего бога. Вѣдь возятъ-же наши чудотворныя иконы въ Москву, въ Успенскій соборъ.

И такимъ образомъ, послѣ долгихъ моихъ убѣжденій, и когда я обѣщалъ принести въ жертву цѣлую кучу порожнихъ флаконовъ изъ-подъ красокъ, битый стаканъ и серебряную монету въ десять копеекъ, самоѣдъ согласился везти идоловъ на своихъ оленяхъ, и въ результатѣ я нагрузилъ ими трое саней.

Напились чаю, и самоѣдъ сказалъ мнѣ, что это еще не главная святыня: «главная вонъ на той горѣ за рѣчкой, около трехъ верстъ отсюда». Мы направились туда. Еще задолго до мѣста стали встрѣчаться груды топоровъ, ножей и проч. Самые идолы лежали на двухъ высокихъ, огромныхъ, известняковыхъ столбахъ. Столбы эти отдѣлялись отъ горы расщелиной, шириной въ сажень, и на нихъ можно было попасть благодаря только тому, что надъ этой страшной расщелиной образовалось

А. А Борисовъ.

Груда самоѣдскихъ идоловъ въ нѣсколькихъ саженяхъ
отъ главной святыни на остр. Вайгачѣ.

изъ камней что-то въ родѣ арки. Божествъ и костей было меньше, и это меня поразило. Но самоѣдъ мнѣ пояснилъ, что здѣсь приносить въ жертву домашнихъ оленей нельзя.

— «Здѣсь домъ «Хая» (бога) и сюда можно приносить только голову откуя (бѣлаго медвѣдя), да голову «дикаря» (дикаго оленя). А съ тѣхъ поръ, какъ много стало людей на Вайгачѣ, дикари перевелись,—ну, значитъ, и ходить сюда нельзя. А тамъ, гдѣ мы были раньше, можно жертвовать и домашняго оленя».

Что внушило самоѣдамъ обоготворить это мѣсто? Вѣроятно, причудливыя формы грота отвѣсныхъ скалъ, вертикальные столбы, весь этотъ волшебный каменный лабиринтъ! Самоѣды привыкли къ ровнымъ обширнымъ пространствамъ тундры, и мѣсто это могло показаться имъ чѣмъ-то изъ ряда вонъ выходящимъ, сверхъестественнымъ.

До меня главная святыня не была посѣщена ни однимъ путешественникомъ, такъ какъ ни въ одномъ изъ описанiй полярныхъ путешествiй объ этомъ мѣстѣ не говорится. Да оно и понятно: онъ далеко находится отъ моря, а кромѣ того, надо много пожить съ самоѣдами и по-самоѣдски, чтобы они рѣшились указать это до высшей степени интересное мѣсто.

Обратный путь къ Югорскому Шару лежалъ по ледянымъ припаямъ западной стороны. Одно время намъ пришлось отъѣхать далеко въ море и пробираться по плавучимъ льдамъ, вслѣдствiе того, что весь припай состоялъ изъ гигантскихъ непроходимыхъ торосовъ.

Все время стояла ужасно худая погода: вѣчно царилъ туманъ, кругомъ такъ было тихо, такъ мертво! И только около Лямчина носа сѣрая туманная пелена немного стала рѣдѣть, и милое солнышко бросило снопъ своихъ божественныхъ лучей. Все

какъ-то ожило, все заиграло и отразилось множествомъ радужныхъ тоновъ и красокъ! Жизнь полилась веселой рѣкой. Тысячи пернатыхъ дружно подхватили свою пѣсню. Тутъ-же въ изумрудныхъ водахъ океана шаловливо плескались тюлени, отъ поры до времени беззаботно показывая свои усатыя мордочки и глянцевитыя спинки. Ахъ, какъ хорошъ въ эту минуту грозный Ледовитый океанъ! Сколько поэзіи, сколько очарованія! Кажется, не оторвалъ-бы глазъ отъ этой красоты!..

Лямчинъ полуостровъ почему-то на всѣхъ картахъ показанъ отдѣльно отъ Вайгача островомъ. Это не вѣрно—онъ соединенъ съ Вайгачемъ перешейкомъ, и слѣдовательно его такъ обозначать нельзя.

Мой самоѣдъ пошелъ спать, а я надѣлъ лыжи и пошелъ бродить по льду. Здѣсь у Малаго Лямчина носа открытое море было весьма близко и тянулось вдаль на далекое пространство. Оно было кое-гдѣ тронуто бѣлыми пятнышками небольшихъ льдинокъ, и только далеко на горизонтѣ виднѣлась тонкая бѣлая сплошная полоска льда. Сначала мнѣ пришлось итти по гладкому льду, еще стоящему около берега, но скоро лыжи мои начали опираться о грандіозные торосы. Торосы эти здѣсь стояли частью примерзшими къ подводнымъ камнямъ, частью были свободные, но неподвижные, вслѣдствіе того, что вѣтеръ дулъ съ моря и сильно прижималъ ихъ къ припайкѣ. Мнѣ часто приходилось шагать черезъ трещины, шириной нерѣдко около двухъ аршинъ, и, я думалъ, что если мои лыжи выстоятъ, не сломаются, я избѣгну холодной ванны; въ противномъ случаѣ мнѣ придется испытать на собственномъ тѣлѣ температуру этой, какъ кристаллъ прозрачной, воды. Кстати, въ одной изъ такихъ трещинъ, шириною въ полтора аршина, я взялъ въ ладонь воды и попробовалъ на вкусъ. Она была совершенно

А. А. Борисовъ. Моментъ полнаго солнечнаго затменія 27-го Іюля 1896 г.

прѣсна и даже годилась бы на чай, не смотря на то, что это мѣсто находилось отъ берега въ четырехъ миляхъ, а на берегу не было ни рѣчки, ни ручейка. Я смѣрилъ глубину хореемъ, но до дна не досталъ. Значитъ, эти трещины несомнѣнно сквозныя, и вода соединялась непосредственно съ морской, но не взирая, на это, она была совершенно прѣсной. Объясняется это, по моему мнѣнію, тѣмъ, что прѣсная вода образовалась отъ таянія снѣга и льдовъ, но такъ какъ она гораздо легче соленой, то и стояла на верху. Буря еще не успѣла тронуть этихъ уютныхъ уголковъ и не перемѣшала прѣсную воду съ морской.

«Капитанъ Іоганссенъ наливался прѣсной водой»—такъ отмѣчено на картѣ одно отдаленное отъ материка мѣсто въ Карскомъ морѣ. Полагаютъ, что прѣсная вода, которой воспользовался Іогансенъ для своего корабля, заносится рѣкой Обью. Все можетъ быть. Но не можетъ ли быть примѣнено и къ данному случаю упомянутое выше мое объясненіе.

По словамъ самоѣдовъ, на одномъ изъ Карповыхъ острововъ и на одномъ изъ Лямчиныхъ они находятъ подъ землей вершка на три, на четыре, множество моржевыхъ костей и клыковъ. Здѣсь моржи лежали огромными стадами одинъ возлѣ другого и повидимому погибли всѣ до одного. Какая причина была ихъ гибели, я рѣшить не берусь, а равно ни самоѣды, ни русаки—пустозеры не могли мнѣ сказать по этому поводу ничего удовлетворительнаго. По всей вѣроятности, моржи на этихъ маленькихъ островахъ были внезапно окружены льдами. Льды вскорѣ сковались морозами и закрыли моржамъ обратный доступъ въ море. Не знаю, удовлетворяетъ ли такое объясненіе этого чрезвычайно интереснаго вопроса. Я спрашивалъ, въ дѣйствительности ли это кости моржа? не мамонта-ли? Но всѣ го-

ворили, что кости и клыки именно моржевые, только не очень большихъ моржей. Послѣ этого сомнѣваться въ справедливости было-бы нелѣпо. Вѣдь, всѣ здѣшніе жители такъ превосходно знаютъ строеніе этихъ драгоцѣнныхъ животныхъ, что дай Богъ такъ знать любому анатому—зоологу.

11 іюня. Сегодня съ такой силой рвалъ W. ZW, что казалось сію минуту снесетъ эти отвѣсныя скалы (Сирти саля—Сиртіевъ носъ). Утромъ, около трехъ часовъ я пошелъ побродить по этому гористому полуострову. Вышелъ въ одной курткѣ изъ овечьихъ шкуръ, но она мало меня защищала отъ вѣтра; вѣтеръ такъ насквозь и пронизывалъ не только мой полушубокъ, но, хваталъ, казалось, прямо за кости. По временамъ налетали снѣжные сильные шквалы; получалась удивительно печальная картина. Вѣдь уже 11-е іюня. Какъ хорошо тамъ на югѣ, а здѣсь еще ни зелени, ни цвѣтковъ, хотя иногда попадались розовыя вероники и голубыя незабудки. Они еще нисколько не поднимались надъ землей на своихъ стебелькахъ и робко показывали лишь свои головки. На одномъ, самомъ высокомъ и отвѣсномъ, обрывѣ я нашелъ гнѣздо сокола. Мнѣ хотѣлось этихъ птицъ (самца и самку) взять для коллекціи, конечно, вмѣстѣ съ гнѣздомъ, но у меня не было дробовки и нужно было сходить за ней. Путь пролегалъ по чрезвычайно скверной болотистой тундрѣ. Здѣсь нечего удивляться, если и на крутыхъ горахъ и склонахъ найдешь болота, лужи и даже озера. Внизу камень, сверху торфъ и мохъ. Все это оттаиваетъ и лѣтомъ лишь на три, на четыре вершка и, весьма понятно, что вода, накопившаяся отъ таянія снѣга, не можетъ просочиться сквозь замерзшую почву и остается на поверхности земли до тѣхъ поръ, пока и сама она не превратится отъ мороза въ такую-же твердую массу, какъ и то,

на чемъ она стоитъ. И тогда только тундра становится удобной для передвиженія по ней. Съ трехъ выстрѣловъ убилъ соколовъ и взялъ въ гнѣздѣ три, забрызганныхъ кровавыми пятнами, яйца, а также валявшіеся въ гнѣздѣ камешки и древесные коренья.

Проѣхалъ Красную губу. На берегу увидѣлъ два чума, къ которымъ и направился, такъ какъ у меня ровно ничего не было изъ съѣстныхъ припасовъ, а равно ни чаю, ни сахару. Были только два сокола и турухтанъ и, конечно, если-бы не попался этотъ спасительный чумъ, мнѣ пришлось-бы завершить день ужиномъ изъ сырыхъ соколовъ и турухтана. Впрочемъ въ тундрѣ мнѣ уже приходилось ѣсть сырую, только-что убитую куропатку. Я нашелъ ее великолѣпной, въ особенности со свѣжей кровью. Чумъ, въ которомъ я остановился, принадлежалъ самоѣду Холѣ.

Я спустилъ оленей и вошелъ въ чумъ. Самоѣдъ былъ совершенно пьянъ и спалъ, выставивъ изъ-подъ оленьей шкуры свои грязныя ноги. Самоѣдка что-то таскала руками изъ котла и пожирала съ аппетитомъ волка, не ѣвшаго недѣли три. Картина вообще была не эстетична. Самоѣдка согрѣла чайникъ и предложила мнѣ чаю, который я пилъ съ жадностью, хотя онъ и пахнулъ больше дымомъ и тундрой, чѣмъ чаемъ. Послѣ чаю хозяйка сварила двѣ утки и угостила меня ужиномъ.

12 іюня я вернулся въ селеніе Никольское. Дѣлалъ частыя экскурсіи и писалъ этюды. 13 іюля, чтобы хоть немного поразнообразить сюжеты для кисти, я отправился на Сторожевой островъ, находящійся въ Югорскомъ Шарѣ ближе къ Карскому морю. Островъ былъ покрытъ множествомъ могилъ. Въ одномъ мѣстѣ я наткнулся на черепъ, вѣроятно, вырытый или песцами или вѣтромъ. Черепъ этотъ принадлежалъ кавказской

расѣ, и очевидно это были могилы отважныхъ русскихъ былого времени. Между скалъ въ одномъ мѣстѣ я нашелъ сани, въ которыхъ возятъ самоѣды своихъ боговъ. Они были около 24-хъ вершковъ длиной, съ семью копылами. Сверху было сдѣлано что-то въ родѣ сундука, въ которомъ лежалъ одинъ деревянный идолъ и одинъ каменный, а также деревянные волкъ и медвѣдь примитивной и грубой работы. Это шаманъ послѣ своихъ заклинаній завезъ сюда медвѣдя и волка, чтобы тѣ никогда не показывались въ тундрѣ; «пока они бу́дутъ лежать здѣсь, не будетъ ни волковъ, ни медвѣдей»—говорятъ шаманы. Здѣсь-же лежалъ камень, завернутый въ красное суконце,—это болѣзнь, отвезенная далеко за море, чтобы никогда не могла вернуться обратно къ больному.

Окружавшая меня природа на пути отъ Пустозерска до Югорскаго Шара и по о. Вайгачу давала полное представленіе о характерныхъ чертахъ крайняго сѣвера. Я переживалъ то время, когда полночь такъ-же свѣтла, какъ и полдень, освѣщеніе одно и то же. То разнообразіе тоновъ и тѣней, которое является въ нашихъ широтахъ результатомъ смѣны дня ночью и обратно, совершенно отсутствуетъ. Сѣренькій тихій день, все однообразно, все мертво. Жутко чувствуешь себя въ этой безграничной пустынѣ, гдѣ даже не примѣчаешь линіи, ограничивающей горизонтъ. Въ тихій день все сливается въ общемъ ощущеніи какого-то безпредѣльнаго пространства, спокойнаго, но холоднаго и неумолимаго. Но стоитъ прорваться сѣрой пеленѣ тумана или сплошному однообразному слою облаковъ, и картина мгновенно мѣняется: между землей и небомъ устанавливается связь, и земля, одѣтая въ бѣлоснѣжный покровъ, повторяетъ то, что говоритъ ей небо. Въ свою очередь и на облакахъ, парящихъ на далекомъ небосклонѣ, опытный взоръ

видитъ отраженіе того, что находится на землѣ или на водѣ, далеко за предѣлами горизонта. На душѣ становится легче, взоры ласкаютъ чудные переливы тоновъ, и исчезаетъ та гнетущая тоска, которая окутывала душу такъ же тѣсно, какъ туманъ землю.

Не одного художника радуетъ такая природа. Самоѣды, по темнымъ отраженіямъ на облакахъ, узнаютъ за десятки верстъ мѣста тундры, обнаженныя отъ снѣга, гдѣ могутъ пастись ихъ олени, или открытую воду въ океанѣ, гдѣ можно найти звѣря.

Въ этой природѣ главная красота рефлексовъ—въ тѣхъ необыкновенно нѣжныхъ переливахъ тоновъ, которые только и можно сравнить съ драгоцѣнными камнями, отражающими одновременно лучи зеленоватые, голубоватые, желтоватые и проч. Мнѣ кажется, что если нашу обычную природу средней Россіи можно изобразить тонами и полутонами, то даже для приблизительнаго изображенія крайняго сѣвера необходимо ясно отдавать себѣ отчетъ даже въ одной десятой тона. И не дай Богъ вспомнить не во-время какую-нибудь условность, какіе-нибудь тона, видѣнные на понравившейся когда-то картинѣ: неминуемо уйдешь отъ природы, и она, оскорбленная, оставитъ васъ навсегда! Только правдой, глубокой правдой, самой вѣрной и чуждой всякаго резонерства, передачей странныхъ, порою поразительныхъ, сочетаній тоновъ можно достигнуть того, что черезъ два-три мѣсяца, вдали отъ мѣстъ, гдѣ написанъ этюдъ, полотно дастъ нѣкоторое слабое представленіе о видѣнной картинѣ природы: когда же смотришь на этотъ самый этюдъ рядомъ съ природой, какою жалкою и дерзостною попыткой представляется онъ разочарованному художнику.

Мнѣ кажется, что всякій художникъ долженъ это чувствовать, гдѣ бы онъ ни работалъ. Но въ обыкновенныхъ условіяхъ гамма проще и выручаетъ интересъ рисунка. На сѣверѣ же часто нѣтъ никакого рисунка, или онъ такъ незатѣйливъ, что самъ по себѣ интереса возбудить не можетъ.

Конечно, не слѣдуетъ слишкомъ обобщать мое замѣчаніе о рисункѣ: я говорю о тундрѣ, говорю о безконечныхъ поляхъ припаевъ, о той едва всхолмленной поверхности земли, какую представляютъ почти сплошь берега Ледовитаго океана къ востоку отъ Бѣлаго моря; но есть отдѣльные пункты, гдѣ и на нашемъ сѣверѣ изъ нѣдръ земли воздымаются скалы, хотя и не особенно высокія, но придающія пейзажу совершенно особый характеръ. Таковы были на моемъ пути Большеземельской тундры: Пытковъ камень, Яней и проч. На западѣ почти весь Мурманскій берегъ представляетъ довольно высокія горы съ глубокими ущельями и почти отвѣсно спускающимися къ морю скатами.

Мнѣ случилось видѣть марокксkie этюды и нѣкоторые изъ нихъ прямо поразили меня сходствомъ эффектовъ съ хорошо знакомой мнѣ природой сѣвера: сильное полуденное солнце юга среди бѣлыхъ построекъ арабскихъ городовъ даетъ отраженному свѣту такую силу, что тѣни какъ-то таютъ, расплываются и получаютъ совершенно невѣроятные оттѣнки. Какъ это похоже на отраженіе свѣта въ лѣтніе солнечные дни гдѣ нибудь на снѣжныхъ скалахъ Новой Земли или о. Вайгача! На этихъ же этюдахъ я убѣдился, какъ бѣдно и однообразно по тонамъ южное небо — не то, что на нашемъ сѣверѣ!

Совершенно особенный и высокій интересъ представляютъ сѣверные плавучіе льды — торосы. Вотъ гдѣ затѣйливость и неожиданность рисунка, независимо отъ блеска тоновъ, прево-

А. А. Борисовъ. Моя яхта «Мечта».

сходитъ все, что можетъ себѣ представить человѣкъ, одаренный даже сильнымъ воображеніемъ. Иногда, при солнечномъ свѣтѣ и на мѣстахъ, гдѣ въ морѣ есть значительное теченіе, это настоящій гигантскій калейдоскопъ, какъ бы движимый невѣдомою силой, въ которомъ картина мѣняется каждую минуту, и каждую минуту представляетъ все новое и новое до безконечности сочетаніе линій и тоновъ. Вотъ громады мѣрно надвигаются другъ на друга, и все тѣснѣе становится пространство между ними: вотъ онѣ столкнулись, но какъ бы только для того лишь, чтобы раздавить попавшуюся между ними льдину, на которой легко умѣстилось бы человѣкъ пятьсотъ. Исчезла куда-то раздавленная льдина, и опять врозь идутъ бѣлые великаны, и опять бѣшено разбиваются объ ихъ изрытые края черныя волны океана.

Я сдѣлалъ любопытное наблюденіе надъ отраженіемъ льдинъ въ водѣ. Первое время мнѣ казалось совершенно дикимъ, какимъ образомъ отъ льдинъ, цвѣта самаго чистаго аквамарина, получается на водѣ темное отраженіе. Но загадка раскрылась очень просто: прибой волнъ образуетъ по краю льдины болѣе или менѣе нависшій карнизъ, и темный цвѣтъ отраженія зависитъ именно отъ темныхъ неосвѣщенныхъ частей этого карниза, скрытыхъ отъ глазъ зрителя, когда смотришь на льдину сверху внизъ.

Моя художественно-испытательная экскурсія кончилась въ концѣ августа. На мурманскомъ пароходѣ «Сергій Витте» я отправился въ Архангельскъ. 25-го ноября я былъ уже въ Петербургѣ среди моихъ друзей и обычной обстановки. О результатахъ экскурсіи въ смыслѣ того, что она дала моей душѣ, говорить не стану. Съ точки зрѣнія здоровья я былъ порадованъ убѣжденіемъ, что способенъ спать на морозѣ подъ откры-

тымъ небомъ и ѣсть сырое мясо, а въ художественномъ отношеніи — два пуда этюдовъ, конечно, послѣ наклейки ихъ на картоны.

Зимой, по возвращеніи, я построилъ парусную яхту «Мечту», спеціально для плаванія среди льдовъ, на которой въ 1899 и 1900 гг. и предпринялъ съ зоологомъ Т. Тимофѣевымъ экспедицію на Новую Землю и въ Карское море. Во время этого путешествія намъ пришлось пережить ужасную драму на плавучихъ льдахъ Карскаго моря, и мы не померли съ голода, благодаря лишь тому, что у насъ осталось еще нѣсколько патроновъ, что дало намъ возможность стрѣлять тюленей, сырое мясо которыхъ и внутренности служили намъ пищей, а кровь питьемъ. Не мало также пришлось пережить и во время нашихъ санныхъ экспедицій на собакахъ. Въ скоромъ времени я думаю въ пространной книгѣ познакомить читателей съ результатами этого путешествія.

А. А. Борисовъ.

Часовня въ селенiи Никольскомъ 21-го Мая.